

ОДЕССКИЙ ДОМ УЧЕНЫХ
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

ПУШКИН
СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

III

Одесса
1927

ПУШКИН

СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. П. АЛЕКСЕЕВА

ВЫПУСК III

ОДЕССА

1926

891.71.09[П]

Окрлит № 573 п.
Заказ № 2871. — 500 экз.
«Одесполиграф». 3-я Гостинография
имени тов. Троцкого,
ул. Ленина, 49.

МАТЕРИАЛЫ

ДЛЯ БИОГРАФИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ
ОДЕССКИХ ЗНАКОМЫХ ПУШКИНА

Александру Михайловичу

Де-Рибасу

*своему усердному сочлену, неустанному летописцу
старой Одессы и неизменному хранителю ее за-
ветных традиций, ко дню его 70-летия эту малень-
кую портретную галерею, близкую его сердцу,
посвящает*

Пушкинская Комиссия.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемые материалы имеют в виду дать сжатые и по возможности точные биографии всех друзей и знакомых Пушкина за одесский период его жизни. В пушкинской историографии аналогичные цели преследовали работы Я. К. Грота („Пушкин, его лицейские товарищи и наставники“ СПб 1899), Н. Гастфрейнда („Товарищи Пушкина по Царскосельскому лицее“. Материалы для словаря лицестов 1-го и 2-го выпуска, 3 тома, 1912—1914), осветившие ту среду, в которой рос и воспитывался поэт в свои школьные годы. Для дальнейших лет большой материал собран в изданиях Пушкина под ред. Венгерова, Морозова, Ефремова, в академическом издании „Пушкин и его современники“ и недавно выпущенных двух изданиях „Дневника“ Пушкина; параллельно с таким общим накоплением материала велось монографическое изучение отдельных биографий, каковы, например, ценная работа Ю. Н. Щербачева „Приятели Пушкина М. А. Щербинин и П. П. Каверин“ (1912) или ряд исчерпывающих биографий, написанных Б. Л. Модзалевским — от ближайших и интимных друзей Пушкина, как „А. П. Керн“ (2-ое издание в серии „Друзья Пушкина“ М. 1924), вплоть до сравнительно мало знакомого ему Ф. Ф. Эгерштрома („Историко-литературный сборник“ Лгр. 1924). Дальнейшие перечисления аналогичных работ едва ли необходимы в виду их обилия и общеизвестности. Следует признать, что в своей значительной части „просопография“ друзей и современников Пушкина уже написана: мы имеем большую портретную галерею, быть может только еще не вполне приведенную в порядок и недостаточно выгодно освещенную. И все же, дальнейшие работы в этом направлении являются несколько не менее желательными. Нам хорошо известны столичные друзья и знакомцы поэта, лица, стоявшие с ним в той или иной родственной или товарищеской связи, значительно хуже — его провинциальные корреспонденты, люди, с которыми ему приходилось встречаться в периоды его южной ссылки, кавказского и оренбургского путешествий. В галлее современников Пушкина портреты их займут скромное место, но нельзя отказывать им во внимании: среди них не мало характерных лиц, надолго запомнившихся поэту, и так или иначе оказавших на него свое влияние.

Между тем опыты „местных“ словарей, в которых были бы сведены все сохранившиеся данные об окружавших поэта лицах за

определенный период времени пока отсутствовали, если не считать попытки Е. Г. Вейденбаума, давшего три законченных биографии „Кавказских знакомцев Пушкина“ (ПС VIII, 1 — 14). Едва-ли поэтому приходится оправдывать появление в печати и данного „местного“ словаря, примыкающего к длинному ряду аналогичных биографических и библиографических работ и в значительной части им обязанного. Как и хронологическая канва, он имеет целью облегчение справок разного рода и установление точных дат и проверенных сведений обо всех лицах, так или иначе соприкасавшихся с Пушкиным в годы его жизни в Одессе. Составители его сознают, что как всякая черновая, предварительная работа, он имеет лишь косвенное, служебное значение; но результаты проделанной немалой работы может быть будут не бесполезны для будущей фактической биографии поэта, для проверки некоторых спорных утверждений и догадок, для реального словаря к его произведениям и письмам и необходимого истолкования их отдельных намеков и указаний. Наконец, они могут пригодиться для изучения одесской легенды о Пушкине и для ориентировки в дальнейших поисках и разысканиях. Таким образом, настоящий словарь дает материал для изучения той среды и общественной обстановки, в которой Пушкин прожил с июля 1823 по август 1824 года.

При работе над словарем составители его руководствовались следующими принципами: 1) В словарь входят только те лица, с которыми Пушкин встречался или входил в общение в 1823—1824 гг. в Одессе. (Таким образом, в него не включены, например, те из кишиневских друзей Пушкина, которых видел он в свой последний приезд в Кишинев из Одессы в половине марта 1824 г. или А. И. Подолинский, с которым встретился Пушкин на пути в Михайловское.) 2) В биографиях приводятся лишь главнейшие даты и важнейшая литература, могущая иметь руководящее значение, причем особенно подробно говорится об отношениях данного лица к Пушкину в одесский период их встречи или знакомства, если такие сведения сохранились и заслуживают доверия. Но и при таком, может быть, несколько искусственном ограничении задачи, при осуществлении намеченной работы встретились очень серьезные затруднения, обойти которые удалось не всегда. Наряду с лицами, хорошо известными биографам Пушкина, среди одесских друзей и знакомых поэта оказались такие лица, о которых не осталось никаких или очень мало сведений. Разыскания в делах одесского Исторического Архива восполнили несколько таких пробелов и позволили установить ряд новых фактов и дат. Дальнейшие и более продолжительные занятия в том же архиве, нужно надеяться, дополнят их новыми справками и указаниями. Одесская печать, по возможности, использована полностью; однако, неблагоприятные условия провинциальной библиографической работы, к сожалению, все же невыгодно отразились на полноте сообщаемых сведений и невольно

способствовали пропускам и упущениям разного рода. В целях единообразия, а также во избежание загромождения источниками уже известными, приходилось иногда прибегать к сокращениям, оставляя лишь ссылки, в тех же случаях, когда приводился неопубликованный материал, — ограничивать себя в выборе и объеме цитат и выписок. Сжатые биографические формуляры, приводимые ниже, не стремятся дать исчерпывающих портретов - характеристик и с полным правом могут быть названы лишь черновыми материалами для них. Этим объясняется сознательное опущение психологических и иных пояснений, неминуемо ведущих к субъективной оценке личности или характера, и едва ли допустимых в справочном издании; что касается большого количества ссылок, то они вызваны желанием облегчить будущим биографам розыски источников и в то же время документировать каждый факт или дату.

В словарь включено в общем 57 биографий. Нет сомнения, что число их должно быть со временем увеличено. Так, например, в список одесских знакомых Пушкина, вероятно, придется включить Варлама, бывшего в 1823—24 г. адъютантом у М. С. Воронцова, о котором Бутурлин (РА 1897 II, 16—17) предположительно упоминает, как о соучастнике товарищеских (вместе с Пушкиным и В. И. Туманским) ужинов в одесском ресторане Димитраки¹⁾; далее — принадлежавших к той же компании Шварца (Ср. АВ XXXVIII, 97) и Кесаря Осиповича Понятовского, о которых также рассказывает Бутурлин²⁾; состоявшего при Воронцове И. Ф. Золотарева³⁾; Ганских, о которых Пушкин упоминает в загадочном письме из Одессы (Переп. I, 79—80); гр. И. О. Витта, сыгравшего столь печальную роль при организации военных поселений в Новороссии и при раскрытии заговора декабристов, а в июне 1826 г. снарядившего специального шпиона для наблюдения за Пушкиным, и, конечно, еще многих других.

Не попал в словарь и гр. П. Д. Киселев, первоначально в него включенный; известно, что после дуэли своей с Мордвиновым, Киселев в ожидании решения государя провел около двух месяцев в Одессе. Это было, повидимому, во второй половине июля и августе 1823 г.⁴⁾; правдоподобно, что он виделся здесь и с Пушкиным (тем более, что о Пушкине упоминает сопровождавший его Басаргин); однако, о свиданиях их здесь, сколько знаем, не сохранилось никаких известий⁵⁾. Очень возможно, что Пушкин виделся в Одессе также и с кн. С. Г. Волконским (декабристом), о кото-

¹⁾ См. о нем АВ XXIII, 501; РА 1912 II, 410; Н. Н. Мурзакевич. Автобиография СПб. 1886, стр. 103.

²⁾ Бутурлин, *ibid.* стр. 16.

³⁾ См. о нем у Б. Л. Модзалевского — АР V, 345 и „Русск. Библиофил“ 1916, VI, стр. 82—83; Б. М. Маркевич. Полн. собр. соч. т. XI, стр. 399.

⁴⁾ А. Заблоцкий-Десятовский. Гр. П. Д. Киселев и его время. СПб. 1882, т. I, стр. 184. Н. В. Басаргин, Записки, П. 1917, стр. 24—25.

⁵⁾ История знакомства Пушкина с Киселевым подробно изложена в ДПП, 191 и ДПМ, 453—455.

ром В. Ф. Вяземская упоминает в июне 1824 г. (ОА V в. 2, 105), однако, предположение это требует проверки и подтверждения. Более точные данные имеем мы о свидании Пушкина с М. Ф. Орловым, в конце мая — начале июня 1824 г. До нас дошло письмо М. Ф. Орлова к жене от 29 мая 1824 г., помеченное Киевом, в котором говорится: „Пушкин был послан на саранчу. Он воевал с нею и после весьма трудной компании вчера вернулся, отступив перед несметным неприятелем“ („Былое“ 1906 X, 308). Н. О. Лернер (Труды и дни², 446) предполагает, что Орлов по ошибке пометил письмо Киевом вместо Одессы, исходя, между прочим, и из содержания письма, которое носит явно „одесский“ характер; к сожалению оно до сих пор полностью не опубликовано. Предположение это вполне подтверждается письмом В. Ф. Вяземской, которая писала мужу из Киева по дороге в Одессу от 1-го июня 1824 г.: „Orloff Michel est à Odessa, et moi je loge chez sa femme“ (ОА V, в. 2, 98). Нужно думать, что Орлов вообще изредка наезжал в Одессу, т. к. Вяземская, в другом своем письме, описывая мужу выгоды жизни в Одессе, на случай своего переезда сюда, упоминала между прочим: „le voisinage de Kieff, frequemment la société des Orloffs“ (Ibid., 105). Несмотря на такое достаточно авторитетное подтверждение пребывания Орлова в Одессе, он не включен в словарь, главным образом, на том основании, что о самой встрече его с Пушкиным лишь косвенно можно догадываться из отрывка его еще неопубликованного письма, а также и потому, что разыскание биографических данных о нем не представляет никаких затруднений: история его дружбы с Пушкиным была рассказана много раз и достаточно известна. То же соображение играло роль и при исключении из словаря А. Н. Раевского. Допустив в этом случае явное нарушение принципов, положенных в основание словаря, составители его руководствовались, однако, следующими соображениями. Биография А. Н. Раевского и в частности история отношений его к Пушкину служили не раз предметом серьезного внимания (последние сводки материалов см. в двух изданиях „Дневника“ Пушкина): неясным в этих отношениях является именно одесский период их встреч. Легенда о „Демоне“ — Раевском, коварно настроившем Пушкина против Воронцова, туманные намеки Вигеля и Капниста, но подтвержденные пока ни одним достоверным документом — все это заставляет ждать дополнительных разъяснений и поправок и воздерживаться от повторения традиционных, но несколько не обоснованных схем и свидетельств. В то же время путаница существует в самой хронологии. Ничем не мотивировано например, отнесение к А. Н. Раевскому письма, напечатанного в Акад. Изд. Переписки I, 79—80: по всем данным, во второй половине октября Раевский жил в Одессе; к нему едва ли относятся также напечатанные в том же издании (стр. 111—113) два черновых письма из Одессы, т. к. в июне 1824 г. Раевский жил также в Одессе. Данные, которые можно извлечь из „Архива Раевских“, не всегда сходятся с другими свидетельствами; так, например, по

публикациям отъездов и приездов, регистрировавшихся в одесской газете („Journal d'Odessa“ 1824 №№ 4, 18, 22) можно проследить, что Раевский уехал из Одессы 9 января 1824 г., приехал сюда 12 февраля и вновь уехал 22 февраля¹⁾. Однако, из „Архива Раевских“ видно, что конец февраля и начало марта этого года Раевский провел в Одессе (т. I, 237 — 238). Очевидно, что А. Н. Раевский мог быть включен в словарь лишь после ряда хронологических и иных разысканий, которые может быть разрешити бы ряд подобных недоумений и противоречий; они потребуют специального обсуждения и особой документации, которым удобнее всего посвятить специальную статью.

Не менее серьезные затруднения заставили отказаться от включения в словарь Дмитрия Евлампиевича (1792 — 1835) и Варвары Аркадьевны (1785—1855)²⁾ Башмаковых. Их называют обыкновенно в числе лиц, с которыми Пушкин встречался у Воронцовых, а М. О. Гершензон предположил даже, что через Башмакову Пушкин получил от сестры ее М. А. Голицыной „какиенибудь...“, вероятно французские стихи“³⁾. По свидетельству И. П. Липранди (РА 1866, стб. 1470), одна из встреч Пушкина с Башмаковой за ужином у Воронцовых произошла в середине февраля 1824 г. И то и другое совершенно невероятно потому, что свадьба Башмаковых состоялась 24 января 1824 г. (РА 1903 I, 481), а в Одессу из Москвы они уехали только в середине июня (РА 1901 II, 63) и, следовательно, Воронцовых здесь уже не застали. Это же подтверждает и Бутурлин (РА 1897 II, 18), приехавший в Одессу не ранее июля: „Вскоре после моего приезда прибыл на службу в Одессу флорентинский наш знакомый Д. Е. Башмаков, кавалергардский полковник, только что женившийся на кн. В. А. Суворовой, родственнице гр. Воронцова“. О приезде Башмаковых в Одессу Туманский сообщил кузине только в письме от 3 января 1825 г. (Стих. и письма СПб. 1912, стр. 276). Не отрицая возможности их встречи с Пушкиным не ранее июля 1824 г. мы, тем не менее оставляем вопрос открытым, в ожидании дополнительных разъяснений.

Некоторые лица не включены в словарь вполне сознательно, после выяснения неправдоподобности их знакомства и встречи с Пушкиным в Одессе. Таков, например, гр. В. П. Кочубей, обычно называемый среди той петербургской аристократии, какая жила при Пушкине в Одессе (см. например, в популярной статье А. И. Мар-

¹⁾ Нужно думать, впрочем, что эти даты особой точностью не отличаются. Любопытные данные о М. Ф. Орлове и А. Н. Раевском можно найти в недавно опубликованных письмах М. Н. Волконской — „Труды Гос. Историч. Музея“ вып. II, М. 1925, стр. 16 и сл.

²⁾ Приводим даты В. И. Саитова (ОА III прим. стр. 391). не согласующиеся с датами Б. Л. Модзалевского (АР II, 191—192).

³⁾ „Северная любовь П-на“ — „Вестн. Европы“ 1908 I, 292. Ср. его же с Декабрист Кривцов и его братья. М. 1914, стр. 111. Отрицая факт посылки французских стихов Пушкину, П. Е. Щеголев не сомневается однако, в свидании Башмаковой с Пушкиным в Одессе (Пушкин. СПб. 1912, стр. 83).

кевича: „Пушкин и Новороссийский край“ Одесса, 1900, стр. 14): он приехал в Одессу только в октябре 1824 г. (РС 1902 XI, 315) и, следовательно, Пушкина уже здесь не застал; таков поэт Вас. Ив. Козлов (1793—1825), о котором Пушкин упоминает в письме из Одессы 25 авг. 1823 г. (Переп. I, 75. Ср. *ibid.*, 49): указание П. О. Морозова, что он „служил в канцелярии Воронцова“ (Венг. VI, 531) является, очевидно, простым недосмотром¹⁾. Не включен в словарь и Л. Григоров, тот офицер, который по рассказу Гоголя, записанному М. П. Погодиным, устроил в честь Пушкина пушечную пальбу одной из одесских батарей²⁾: из сопоставления многочисленных вариантов этого рассказа видно, что дело происходило где-то в средней России³⁾. Другие отступления от обычных дат и указаний оговорены в самом тексте словаря.

Работа над словарем начата была летом 1924 года. В собирании материала, наведении библиографических справок и составлении отдельных карточек приняли участие: С. П. Шестериков, Г. П. Сербский, Б. Г. Цомакион, Е. М. Федотова, В. А. Пора-Леонович, впоследствии и М. О. Винник, оказавший существенную помощь в разыскании материала и просмотре намеченных изданий; на нем же лежала утомительная сверка ряда ссылок с источниками; общее же руководство работой и окончательная подготовка словаря для печати принадлежит М. П. Алексееву. Отдельными справками и указаниями составители обязаны Б. Л. Модзалевскому, Н. О. Лернеру, В. М. Базилевичу, М. А. Цявловскому, которым и приносят свою искреннюю благодарность.

---

¹⁾ В. И. Козлов в Одессе никогда не был (сведения о нем см. в статье В. И. Сайтова — ОА III прим., стр. 373—374). Переноса примечания к письмам Пушкина из Просв. VIII, 443 в Венг. VI, 531, П. О. Морозов, не заглянув в текст письма, спутал Козлова с Туманским, тоже Василием Ивановичем, о котором говорится в том же письме Пушкина.

²⁾ „Москвитини“ 1855 № 4, стр. 146. Ср. „Русск. Библиофил“ 1911 № 5, стр. 89.

³⁾ Этот же анекдот в записи Л. Арнольди помещен в „Русск. Вестн.“ 1862, т. XXXVII, стр. 89—90, в книге: „Петербургские тайны. Литературный сборник“ СПб. 1872. О Григорове см. И. Щеглов, „Три дня в г. Калуге“ — „Новое Время“ 1900 № 8230 и в его же книгах: „Новое о Пушкине“ СПб. 1902, стр. 35—37 и „Подвижник слова“ СПб. 1909, стр. 54—66, 148—153.

„Я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу — я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация и итальянская опера напомнили мне старину и, ей богу, обновили мне душу“, писал Пушкин брату в августе 1823 г., рассказывая ему „целый роман“ — три последние месяца своей жизни. „Теперь я опять в Одессе и все еще не могу привыкнуть к европейскому образу жизни; впрочем я нигде не бываю — кроме в театре“. Выражение „я нигде не бываю“ нужно понимать почти буквально: с первых же дней своего пребывания в Одессе Пушкин сразу-же резко отмежевался от того общества, в котором ему суждено было прожить целый год. В Кишиневе остались друзья непринужденных и шумных дней, здесь встречали его новые люди, издавлека предупрежденные об опасном вольнодумце и вовсе не склонные к тому, чтобы просто и весело принять его в свой круг. „Милорд“ Воронцов, внутренне-надменный; спокойный, уравновешенный, равнодушный, которому А. И. Тургенев напрасно „истолковал“ Пушкина, в надежде сделать из него доброжелателя и мецената, блестящая свита его адъютантов и чиновников, вывезенных из столиц, которые с чопорностью и высокомерием (Брунов), иногда довольно забавным (Завальевский), соединяли претензии на тонкий литературный вкус и европейское образование и особенно досаждали Пушкину, становясь в эффектную позу покровителей опального поэта — их Пушкин должен был встретить в первую очередь. Естественно, что из сослуживцев наиболее близкими ему оказались все те-же его кишиневские знакомцы, из инзовской канцелярии перешедшие в воронцовскую (Лекс), да те из них, кто чувствовал некоторую склонность к литературе: с Туманским отношения наладились довольно быстро, но он часто отлучался из Одессы, Левшин казался ему слишком деловым и серьезным человеком, практиком и бюрократом. Сенявин, Шварц, Шаховской, — об отношениях которых к Пушкину мы можем только догадываться, могли быть не более чем собутыльниками, друзьями веселых пирушек у Отона. Вся толпа этих новых лиц, видимо, быстро приелась Пушкину. Отсюда интерес его ко всякому новому в Одессе лицу, доверчивость и радушие в каждой новой встрече. Он знакомится с Раичем, приехавшим ненадолго в Одессу и вероятно хлопотавшим здесь о профессорской кафедре в лицее, „с нетерпением“ ждет „предателя“ Родзянку, добродушно прощая ему злую и бестактную эпиграмму, с Мухановым делится своими литературными планами и посвящает его в замыслы „Онегина“ с той откровенно-

стью и простотой, на какую вправе были рассчитывать лишь самые близкие друзья поэта. Чем злее и сумрачнее Пушкин к окружающим его лицам, тем ласковее и нежнее его письма в столицы. Вяземского он склоняет провести зиму в Одессе, не скрывая, что хотел бы этого по личным причинам: свое одиночество и оторванность от настоящих друзей он почувствовал здесь живее и острее, чем в Кишиневе.

Липранди делает по этому поводу ряд ценных наблюдений: „сравнительно с Одессой Кишинев как нельзя более соответствовал характеру Пушкина“; „ему, по природе его, нужно было разнообразие с разительными противоположностями“; он „отвык и, как говорил, никогда не любил аристократических, семейных, этикетных обществ, существовавших в домах у Воронцовых, Нарышкиных“. Но он „не искал быть в кругу лиц, шедших тем-же литературным путем, как и он. Из них сослуживцами ему были А. И. Левшин и В. И. Туманский; первого находил он слишком серьезным прозаиком, с другим он был ближе, но не так и не в тех отношениях, в каких он был в Кишиневе с В. Ф. Раевским и В. П. Горчаковым“. Без видимой охоты Пушкин посещал литературные вечера В. Д. Казначеевой, ограничивался редкими визитами к А. П. Зонтаг. „Я замечал какой-то abandon в Пушкине“. Письма Пушкина и современные свидетельства вполне подтверждают это. Басаргин вскоре после приезда Пушкина в Одессу отметил у него „бреттерство, suffisance и желание осмеять, уколоть других“. Отзывы его об окружающих лицах действительно, отличаются большой едкостью и злостью; недаром он столь часто упражнялся здесь в эпиграмматическом роде: недошедшие до нас эпиграммы на Артемьева, стихи на одесских дам, о которых рассказывает тот-же Липранди, язвительные двустихия, которые писал он на стенах канцелярии, не говоря уже об общеизвестных эпиграммах на Воронцова, из которых некоторые не были даже записаны, но все же быстро разглашены,— все это свидетельствует о том, что у Пушкина действительно было „некоторое ожесточение“, которое подметил у него кишиневец-же — Н. С. Алексеев. Это настроение окрашивает в особые тона пребывание Пушкина в Одессе и делает особенно интересным изучение взаимоотношений его с отдельными лицами тогдашнего одесского общества.

Для нас все эти факты интересны еще и с другой стороны. Несомненно, что резкая и отчетливо чувствовавшаяся всеми враждебность Пушкина к одесскому обществу вызывала и соответственную оценку поэта. Скверная репутация Пушкина создавалась очень быстро: к званию „ссылочного невольника“, как он любил себя называть в полу-служебных письмах, не прибавилось никакого ореола: Бутурлина, ехавшего в Одессу, еще во Флоренции предостерегали от знакомства с Пушкиным; с Бруновым у него вскоре после первой встречи было какое-то столкновение; Северин дошел с ним до открытой ссоры. Поведение Воронцова оправдывалось не только Булгаковыми, но и такими расположенными к Пушкину людьми, как А. И. Левшин. Пушкина осудил даже привыкший к сумасбродствам

„беса арабского“ Тургенев, от П. А. Вяземского пришлось ему выслушать ряд правых укоризн, а В. Ф. Вяземская, сознавая мужу в том, что на первых порах Пушкин произвел на нее неприятное впечатление, впоследствии особенно охотно занималась чтением ему, по ее собственным словам, „проповедей“. Все его пребывание в Одессе в воспоминаниях его современников казалось какой-то сплошной ссорой, буйством бешеной страсти и темперамента, неустанной войной со всеми, врагами и доброжелателями. И. И. Горбачевский писал М. А. Бестужеву 12 июня 1861 г.: „Мне рассказывали Муравьев-Апостол и Бестужев про Пушкина на юге такие проделки, что уши теперь краснеют“, а на полях этого письма он впоследствии отметил: „Его прогнал от себя Воронцов. Его прогнал от себя Раевский. Его прогнал от себя и генерал Инзов“¹⁾. Общественное мнение в значительном большинстве случаев было не на стороне Пушкина. Несомненно биографическое значение имеет первый отрывок „Альбома Онегина“, относящийся, вероятно, к Одессе:

Меня не любят и клеветуют,
В кругу мушин несносен я,
Девчонки предо мной трепещут,
Косятся дамы на меня.
За что? За то, что разговоры
Принять мы рады за дела,
Что вздорным людям важны вздоры,
Что глупость ветрена и зла,
Что пылких душ неосторожность
Самолюбивую ничтожность
Иль оскорбляет, иль смешит,
Что ум, любя простор, теснит..

Лишь немногие разбирались в нем и сочувствовали ему. Это объясняет нам, почему о жизни Пушкина в Одессе осталось так мало сведений и почему большинство сохранившихся свидетельств о нем принадлежит к числу совершенно анекдотических. Его сердечные дела в эту эпоху остаются поныне неразгаданной тайной. Свидетельства современников касаются самых незначительных сторон его жизни и в значительном числе явно несущественны для характеристики его личности и мирозерцания. Немногие, близко его знавшие лица, оставили нам слишком мало данных, для остальных, встречавшихся с ним в эту эпоху, Пушкин „Цыган“, „Демона“ и первой главы „Онегина“, остался совершенно недоступен и чужд; никто, в сущности даже Липранди, оставивший нам его наиболее живую и богатую подробностями характеристику, не отдал себе отчета в том тяжелом душевном кризисе, который одиноко, таясь, переживал поэт. Он был гораздо доступнее, интереснее и ярче другой стороной своей жизни, намеренно выставленной на показ — суетой сумасбродств, чудачеств и проделок, разыгранных иногда с явным

---

¹⁾ Записки и письма декабриста И. И. Горбачевского. Изд. 2-е. М. 1925. Стр. 360.

расчетом на то, что они будут замечены и обсуждены. Никто не следил за его внутренним ростом, ходом его работ, развитием его общественных и литературных убеждений. Остались и широко разрослись лишь легенда, сплетня и анекдот, свое литературное выражение нашедшие в таких источниках, каковы „Записки“ Вигеля, воспоминания Капниста и статьи К. П. Зеленецкого. Для изучения мемуарной традиции, отношения к ней современной молвы и устного предания они существенно важны; для биографа полны опасностей и соблазнов.

Для истории этой легендарной и анекдотической традиции важно и то, что носителями ее в Одессе, уже в ближайшие годы после отъезда Пушкина, были не те лица, которые вправе были считать себя свидетелями его здесь пребывания. Связь Пушкина с Одессой порвалась довольно скоро. Приехав в Михайловское, Пушкин спокойнее и свободнее почувствовал себя в своем деревенском уединении. („Здесь нет милордов Уоронцовых“.) Переписка с Одессой велась некоторое время и носила не столько дружеский, сколько деловой характер; недошедшие до нас письма Пушкина к Савелову и Лонгинову касались старых карточных и иных долгов; в более приятельских тонах шла позднейшая и не очень частая переписка с Туманским; но и она в сущности более касалась „Московского Вестника“ и различных, связанных с ним, литературных дел. Была ли таинственная переписка с Одессой и кто была корреспондентка Пушкина — этого мы не знаем. И только несколько писем к загадочному адресату „Дм. Мак.“ содержали более общее обращение к „милым друзьям“, но и здесь нельзя не увидеть обычную эпистолярную формулу. Вскоре всякая связь с Одессой была прервана.

Одесское общество также переменялось довольно скоро. В центре его еще долгое время оставались Воронцовы и несколько лиц, составлявших их придворный круг, долгие годы жила здесь и А. П. Зонтаг, но перемены почувствовались в самый короткий срок. Вскоре после отъезда Пушкина, Одессу покинула В. Ф. Вяземская, М. М. Кирьяков умер в 1825 г.; к зиме 1825 г. здесь прибавились новые люди: гр. В. П. Кочубей, Т. Б. Потемкина и др. А. А. Скальковский, приехавший в Одессу в 1828 г. (и может быть встречавший Пушкина в салоне кн. Зинаиды Волконской в Москве), застал здесь уже немногих лиц, живо хранивших память о поэте, и умевших рассказать о нем: „Туманский и Сенявин оставили службу при князе Воронцове, Левшин был в Италии для изучения карантин, Казначеев был градоначальником в Феодосии. Первая жена negociанта Ризнича, предмет особенного поклонения Пушкина, умерла; знаменитая красавица гречанка Мавроэни уехала из Одессы и вышла замуж за греческого консула Мано. В 1828 г. я нашел в Одессе только одного из друзей Пушкина, которого он, как говорят, посещал почти ежедневно — это был генерал Пушин“ (От з ы в ы, стр. 150). Минуя незначительные фактические ошибки этого свидетельства, мы получаем общее впечатление, которое видимо соответство-

вало истине. Но Скальковский утверждает также, что „в Одессе в это время уже не помнили о пребывании в ней Пушкина“ и что здесь „мало кто знал о существовании даже его произведений, которым рукоплескала вся Россия“. Свидетельство это, однако, совершенно опровергается рядом других данных. В 1828 г. Н. Г. Троицкий, студент одесского лицея, вместе с товарищем своим Ушаковым начал издавать рукописный журнал „Ареопаг“, где имя Пушкина упоминается очень часто; по выходе в свет первых книг „Московского Вестника“, Пушкин в Одессе поручил его распространение В. И. Туманскому, и вскоре „Одесский Вестник“ (1827 № 30) при перепечатке из журнала Погодина 7-ой главы „Онегина“ рекомендует одесской публике новый московский журнал: заметка эта принадлежит, конечно, самому Туманскому¹⁾; в апреле того же года он уже пишет Пушкину: „Порадую тебя известием, что у нас читают его („Моск. Вестник“) с необыкновенным восхищением. Все, что есть порядочного в городе, прославляет тебя и Погодина. Даже гр. Пален, не смотря на малое знание русского языка, берет у меня ваши книжки и судит (обыкновенно весьма основательно) о ваших статьях. Чуть-ли еще не вытвердил он несколько стихов из твоего Годунова“²⁾. Таким образом, уже в конце 20-х гг. в Одессе не было недостатка в поклонниках и ценителях творчества Пушкина и с годами число их заметно увеличивалось: становилось только меньше людей, помнивших его лично в одесский период его жизни. Сглаживались углы острых и для иных неприятных воспоминаний, забывались былые обиды, и образ одесского Пушкина постепенно заслонялся другим. Это, между прочим, стоит в связи и с тем, что в Одессу перебрались на жительство ряд лиц, знавших Пушкина в другие годы его жизни. В 1831 году сюда приехал поэт А. Подолинский (переведенный в Одессу на место начальника VII почтового округа), познакомившийся с ним в 1824 г. в Чернигове, при проезде Пушкина в Михайловское, Шемиог, бывший Екатеринославский губернатор, которого Пушкин навещал несколько раз в 1820 году³⁾, М. Д. Деларю, встречавшийся с Пушкиным в Петербурге и служивший здесь в лицее; в 1830 г. сюда приехал М. П. Розберг, знавший Пушкина по Москве (1826); некоторое время здесь жил и поэт В. Тепляков, видевший его в Кишиневе и т. д. Проездом бывали здесь и столичные друзья поэта, как напр., Н. И. Гнедич⁴⁾, Жуковский, Вяземский, Погодин.

В „Одесских альманахах“ много воспоминаний о поэте и цитат из его произведений; знаменитый отрывок об Одессе, бывший, по выражению Туманского „граммотой на бессмертие нашего города“, дей-

¹⁾ Стихотворения и письма СПб. 1912, стр. 409.

²⁾ Переписка т. II, стр. 22. Пушкин получил это письмо в присутствии Погодина — ПС XIX-XX, стр. 185.

³⁾ А. М. Фадеев. Воспоминания I, стр. 110.

⁴⁾ Сохранилось свидетельство, что к матери Гнедича, жившей в имении под Елисаветградом, Пушкин ездил из Одессы. См. А. А. „Село Шпаково“, „Одесск. Вестн.“ 1856, № 25.

ствительно вспоминался всякому, приезжавшему сюда. Для поэта Бороздны, посетившего Одессу в 1834 г. первое впечатление от города было:

Все тот же, Пушкиным воспетый,
Любимец странников Оттон...

К своему стихотворному описанию Одессы он вынужден сделать примечание: „Вообще это место (неумышленно со стороны автора) имеет некоторое сходство с неподражаемым, превосходнейшим описанием Пушкина. Неспоримо, что итти с ним одною дорогою большая дерзость“¹⁾...

Смерть Пушкина произвела в Одессе сильное впечатление. „Одесский Вестник“ поместил известный некролог, написанный А. Г. Тройницким²⁾. В феврале 1837 г. бар. Ю. Беркгейм, находившаяся тогда в Крыму, сообщая Раевскому точные сведения о последнем поединке поэта, писала: „Il n'est de bruit à Odessa, que de la mort du poète Puschkine“ (АР II, 323. Ср. ПС II, 20—21); этому же посвящено письмо гр. Эдлинг к Теплякову (ИВ 1887, VII, 20—21); в дневнике В. А. Жуковского отмечено, что 31 августа того же года, в Одессе, Раевский обедал у Жуковского и „много говорил о Пушкине“ („Дневники В. А. Жуковского“. С прим. А. Ф. Бычкова, СПб. 1913, стр. 354).

В 40-ые годы в Одессе поселился и брат Пушкина — Лев Сергеевич, живой хранитель памяти о поэте и довольно значительного рукописного архива. В 1846 году Одессу посетил М. П. Погодин, записавший в дневник после обеда, устроенного здесь в его честь: „Надо непременно бы собрать теперь все подробности о жизни, образе мыслей и действий нашего славного Пушкина, пока живы столько современников, которые помнят его хорошо, а то дети наши будут также хлопотать и спорить о нем, как мы теперь о годе и месте рождения Карамзина“³⁾. Пожелание Погодина осуществилось лишь отчасти: в Одессе поселился „первый пушкинист“ К. П. Зеленецкий, побудивший Л. С. Пушкина написать воспоминания о брате и сам начавший систематическое собрание материалов и документальное изучение биографии Пушкина; что устных преданий и легенд о поэте в его время ходило по Одессе не мало, подтверждают записи Б. М. Маркевича⁴⁾; Н. В. Сушков в 1851 году сви-

---

¹⁾ И. П. Бороздна. Поэтич. очерки Украины, Одессы и Крыма М. 1837, стр. 75, 86; ср. К. А. Авдеева. Записки о старом и новом быте СПб. 1842, (очерк „Одесса“, стр. 85); Н. Колотенко. Граф Томский, роман в стихах. Од. 1840 (в описании Одессы). „Так писал Пушкин слишком 30 лет назад. Одесса и теперь та-же“, говорит А. Н. Островский в письме к П. М. Садовскому, после выписки из относящегося к Одессе отрывка „Евг. Онегина“. (Островский“. Сборн. РГО. М. 1923, стр. 7).

²⁾ Историю этого некролога см. в заметке Н. О. Лернера — ПС VII, стр. 77 — 78.

³⁾ Н. П. Барсуков. Жизнь и труды Погодина т. VIII, стр. 444.

⁴⁾ „На юге в 40-х годах“ — Полн. собр. соч. Б. М. Маркевича, СПб, 1885, т. XI, стр. 370 — 372 и др.

детельствует, что и в Бессарабии и в Одессе „так еще живо помнят беспечного и милого поэта“¹⁾; но что рассказов, действительно ценных в биографическом отношении, было среди них очень немного, видно из того, что об одесской жизни поэта Зеленецкому могли сообщить кое-что лишь П. С. Пущин, Марини и Писаренко, источники очень ненадежные²⁾.

Рукописи Пушкина исчезали и расплылись; с отъездом и смертью последних из знавших его современников постепенно исчезало в Одессе и устное предание о нем. Осенью 1840 г. Одессу посетил кн. П. А. Вяземский. На обеде, устроенном в его честь (18 августа), он первый „предложил тост в память того поэта, в созданиях коего окончательно сосредоточилась и утвердилась национальная самобытность нашей поэзии, кто раз и навсегда, так поэтически и так верно, своим неподражаемым пером изобразил Одессу“, — и престарелый друг Пушкина в сотый раз произнес „Где долго ясны небеса“...³⁾. Но из собравшихся чествовать современника и друга Пушкина лишь он сам да брат поэта помнили его лично. Лев Сергеевич умер два года спустя (1852 г.).

Когда через тридцать лет, по случаю пушкинского юбилея, возник и горячо обсуждался вопрос о том, где жил Пушкин в Одессе, вызвавший между прочим громадную полемическую литературу, А. А. Скальковский писал в „Одесском Вестнике“ (1880 № 168, 25 июля): „Один только человек мог бы сказать это, если бы к нему обратились, — это почтенный ветеран 1812 года, а теперь сенатор Казначеев“. Совет этот был запоздалым: А. И. Казначеев умер ровно за месяц перед тем (20 июня 1880 г.). А. И. Маркевич застал в живых лишь одного из чиновников Воронцова пушкинских времен — Пикулова, „но он был очень стар и притом человек не пушкинского покроя“ и рассказал Маркевичу то, что уже с большими подробностями было давно известно⁴⁾. Наконец, последняя современница Пушкина в Одессе умерла на пороге нового века: это известная старожилка Софья Викентьевна Лорович (1809 — ум. 27 окт. 1900), прожившая в Одессе всю свою долгую жизнь. По преданиям, она не раз танцевала с Пушкиным в парадном зале одесского казино⁵⁾.

¹⁾ „Раут. Литературный сборник“. М. 1851, стр. 9.

²⁾ Ненадежность сведений указанных лиц подтвердил и Липранди (РА 1866 стб. 1424). П. Бартенева уже после смерти Зеленецкого опубликовал из его записной книжки 1840 г. рассказ о Пушкине того одесского извозчика, который часто возил поэта на хутор Рено („Бумаги А. С. Пушкина“ М. 1885, вып. 2, стр. 95 — 96).

³⁾ „Одесский Вестник“ 1850 № 67; Барсуков, *op. cit.*, т. X, стр. 195 — 196.

⁴⁾ А. И. Маркевич. „Пушкин и Новороссийский край“ Одесса 1900, стр. 20.

⁵⁾ Скиталец. Встречи и речи — „Одесский Листок“ 1900, № 280. Ее обширный архив с бумагами Гуманского, Теплякова и поэта гр. Северина Тышкевича по смерти ее перешел к П. А. Уляницкой; что стало с ним дальше — неизвестно. Брат С. В. — В. В. Лорович опубликовал в

Эта маленькая историческая справка подтверждает, что сведения относительно знакомств, встреч и дружеских связей Пушкина в Одессе, какими мы располагаем, не слишком обширны и не всегда достоверны: об одесской жизни поэта мы знаем не очень много и не все то, что следовало бы знать. Из близких ему в этот период людей, никто не оставил воспоминаний о нем; напротив, по тем или иным причинам, многое было скрыто или намеренно вырвано из жадных рук любопытных потомков: А. Н. Раевский, по семейным преданиям, сжег письма Пушкина¹⁾ и очень скупой делился своими воспоминаниями; аналогичное свидетельство сохранилось и относительно графини Е. К. Воронцовой, якобы уничтожившей все письма к ней Пушкина²⁾; начатые А. И. Казначеевым записки вместе с прочими его бумагами погибли в Симферополе³⁾. Всего охотнее о Пушкине повествовали лишь те, кто меньше всего могли называться его друзьями. Читателям печатаемого ниже словаря можно напомнить слова хорошо знавшего Пушкина Н. М. Смирнова⁴⁾: „Хотя он был известнейшим лицом в России, хотя знаменитость его дошла до самых глухих и дальних мест России, но весьма немногие знали его коротко и могли вполне оценить высокие качества его ума, его сердца и души... Быв самого снисходительного нрава, он легко вступал со всеми на приятельскую ногу, и эта светская дружба, соединенная с окровленным обращением, позволяла многим думать, что они с Пушкиным друзья и что они коротко знают его мысли, чувства, мнения и способности... Кто был ближе к нему, кто пользовался его совершенным доверием, кому доступны были тайные струны его души, те уважали в Пушкине человека столь же как и поэта, те открывали в нем ежедневно сокровища, неистощимые и недоступные понимаемую толпу так называемых его приятелей“...

М. П. Алексеев.

„Одесск. Вестн.“ 1880 № 123 „Воспоминания о Пушкине“, которые В. А. Яковлев отказался включить в свой сборник „Отзывы о Пушкине“ на том основании, что Лорович „повествует о том, как его познакомил с Пушкиным поэт Тепляков“, приехавший в Одессу лишь после отъезда Пушкина, однако, А. И. Маркевич пользовался рассказом Лоровича о стихотворном донесении Пушкина о саранче (ПС III, 100 — 103).

¹⁾ С. М. Волконский. О декабристах П. 1922, стр. 111.

²⁾ РА 1912 II, 159; 1912, 572.

³⁾ РА 1871, I, 185.

⁴⁾ РА 1882, I, 230.

Важнейшие сокращения.

- АВ — *„Архив кн. Воронцовых“ т. I—XL.*
- АГ — *Архив Одесского Градоначальства.*
- АГГ — *Архив Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора.*
- Акад. — *Сочинения Пушкина, изд. Академии Наук, т. I—IV.*
- Алф. — *Алфавит декабристов, под ред. и с примеч. Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса — Централархив. Материалы по истории восстания декабристов, т. VIII Лгр. 1925.*
- АР — *„Архив Раевских“. Ред. Б. Л. Модзалевского, т. I—V.*
- Бут. — *Гр. М. Д. Бутурлин. Записки—„Русск. Арх.“ 1897, кн. II и III.*
- ВЕ — *„Вестник Европы“.*
- Венг. — *Соч. Пушкина под ред. С. А. Венгерова, т. I—VI.*
- Венг. Ист — *С. А. Венгеров. Источники словаря русских писателей и ученых, т. I—IV.*
- Виг. — *Ф. Ф. Вигель. Записки. М. 1891—93.*
- ГМ — *„Голос Минувшего“.*
- ДНР — *„Древняя и Новая Россия“.*
- ДПМ — *Дневник Пушкина. Труды Гос. Рум. Музея М. 1923.*
- ДПП — *Дневник Пушкина. Под ред. Б. Л. Модзалевского, Пгр. 1923.*
- ЖМНПр. — *„Журнал Министерства Народного Просвещения“.*
- ЗОИДр. — *„Записки Имп. Одесского Общества Истории и Древностей“.*
- ИОБО — *„Известия Одесского Библиографического Общества“.*
- ИВ — *„Исторический Вестник“.*
- КБСл. — *Критико-биографический словарь под ред. С. А. Венгерова, т. I—IV.*
- КС — *„Киевская Старина“.*

- Липр. — *И. П. Липранди. Из дневника и воспоминаний—*
„Русск. Архив“ 1866.
- Москв. — *„Москвитянин“.*
- ОА — *„Остафьевский Архив кн. Вяземских“, т. I—V.*
- ОВ — *„Одесский Вестник“.*
- Одесса — *Одесса 1794—1894. К столетию города. Одесса, 1895.*
- Отз. — *В. А. Яковлев. Отзывы о Пушкине с юга России.*
Одесса, 1887.
- Переп. — *Переписка Пушкина, изд. Акад. Наук под ред. В. И. Саитова, т. I—III.*
- Пр. Од. — *Из прошлого Одессы. Сборник статей под ред. Л. М. де-Рибаса, Одесса 1894.*
- Просв. — *Соч. Пушкина под ред. П. О. Морозова, изд. т-ва*
„Просвещение“, т. I—VIII.
- ПС — *„Пушкин и его современники“.*
- РА — *„Русский Архив“.*
- РБ — *„Русский Библиофил“.*
- РБСл. — *„Русский Биографический Словарь“.*
- РМ — *„Русская Мысль“.*
- РВ — *„Русский Вестник“.*
- РП — *„Русские Портреты XVIII и XIX ст.“, т. I—V.*
- РС — *„Русская Старина“.*
- РФВ — *„Русский Филологический Вестник“.*
- СБИРИО — *„Сборник Имп. Русск. Историч. Общества“.*
- Ст. Нов. — *„Старина и Новизна“.*
-

1. **Алексеев, Николай Степанович** (р. в Москве в к. 1780-х гг. —ум. в к. 50-х или нач. 60-х гг., но в „Московском Некрополе“ справки о нем нет), учился в Московском пансионе Форлевиль, был одно время на военной службе и участвовал в Бородинском сражении. Начальник штаба 2-ой армии П. Д. Киселев, которому он приходился родственником, содействовал его определению в штат чиновника наместника Бессарабской обл., где он служил с 1818 г. и где в 1821 г. его застал Пушкин, скоро с ним сблизившийся. Липранди, оставивший нам наиболее интересные сведения об А., свидетельствует, что последний „был вполне достоин дружеских к нему отношений А. С. У них были общие знакомые в Петербурге и Москве; в Кишиневе А., будучи сторожилом, ввел Пушкина во все общества. Словом, он из гражданских чиновников был один, в лице которого Пушкин мог видеть в Кишиневе подобие образованным столичным людям, которых он привык видеть“ (Липр. 1123). По словам Вигеля (VI. 114—116) это был типичный москвич „со степенным, благородным видом“. Пушкин посвятил ему стихотворение („Ах, милый, как несправедливы твои ревнивые мечты“... 1821). Вельтман рассказывал, что у А. был полный сборник произведений Пушкина, из которых многие не могли быть изданы (Л. Н. Майко в Пушкин СПб. 1889, стр. 124, 125, 127), в том числе, вероятно, и посвященная ему „Гавриалиида“. По свидетельству Грота (Пушкин, его лицейские наставники и друзья, СПб. 1899, стр. 280) А. сообщил С. Д. Кововскому стих. Пушкина; о том, что А. был очень начитан в поэзии Пушкина свидетельствует и то, что его письма полны реминесценций из пушкинских стихотворений и эпиграмм. По делам службы А. в 1823 и 1824 гг. несколько раз приезжал в Одессу и здесь всякий раз виделся с Пушкиным, а в середине марта 1824 г. Пушкин приехал погостить в Кишинев и две недели прожил у А. (Виг. VI, 152; Липр. 1912, 1479—1480; Переп. I, 105; Лернер, Труды и дни², 95). В списке уехавших из Одессы 8-го марта значится и „le major Alexeueff („Jornal d'Odessa“ 1824 № 30); возможно, что вместе с ним уехал и Пушкин. П. Е. Щеголев (Историч. этюды СПб. 1913, стр. 200) сомневается в близости и интимности дружбы Пушкина с Алексеевым, но неосновательно. Об А.—ве Пушкин упоминает в своем Кишиневском дневнике („Неизданный Пушкин“, П. 1922, стр. 225; Венг. VI, 173—177, с обстоятельным комментарием Н. Лернера). В октябре 1826 и в марте 1827 гг. А. написал Пушкину дружеские

письма (Переп. II, 11 — 13), которые, вероятно, не остались без ответов, до нас не дошедших. См. о нем еще: „Выдержки из дневника В. П. Горчакова“ — Москв. 1850, № 2 (январь кн. II) стр. 150—151, 156—157; „Московск. Ведом.“ 1858 № 19 стр. 80; И. П. Липранди, „Замечания на воспоминания Ф. Ф. Вигеля“ М. 1873, 120, 143, 186—187; Акад. III, 91—94; Венг. II, 569. А. С. Пушкин. Гавриилиада. Ред. Б. В. Томашевского П. 1922 (в лучших экземплярах этой книги и его портрет).

2. **Али**, (Морали, от *Maur alí*) „неразлучный компаньон Пушкина“ (Бут. II, 15) в Одессе, о котором он вспомнил в „Евгении Онегине“ („Странствования О.“ строфа XVIII, ст. 14: „Сын египетской земли, Корсар в отставке Морали“). „Этот мавр, рассказ Липр. (стр. 1471) был капитаном, т. е. шкипером коммерческого или своего судна, человек очень веселого характера, лет тридцати пяти, среднего роста, плотный, с лицом загорелым и несколько рябоватым. но очень приятной физиономией“. По воспоминаниям Бут. (II, 15—16) этот „колоссальный полу-мавр и полу-негр“ „был повидимому не без средств существования, хотя не имел никаких занятий и, сколько помнится, его подозревали, что он нажил состояние будто бы ремеслом пирата. Ходил он в африканском своем костюме с толстой железной палкой в руке в роде лома, и помнится мне, что он изрядно говорил по итальянски“. „Это был человек высокого роста, прекрасно сложенный, вспоминает о нем М. Ф. Де-Рибас. Голова была широкая, круглая; глаза большие, черные. Все черты лица были правильные, а цвет лица красно-бронзовый. Одежда его состояла из красной рубахи, поверх которой набрасывалась красная суконная куртка, роскошно вышитая золотом. Короткие шаровары были подвязаны богатою турецкою шалью, служившею поясом; из ее многочисленных складок выглядывали пистолеты. Обувь состояла из турецких башмаков и чулок, доходивших до колен. Белая шаль, окутывавшая его голову, прекрасно шла к его оригинальному костюму“. (Пр. Од., 359; Ср. Отз., 8—9). По рассказам Липр. (стр. 1471) и Де-Рибаса (Пр. Од. 360—361) Али очень полюбил Пушкина, а последний говаривал, что дружба с Али составляет для него единственное наслаждение: „у меня лежит к нему душа: кто знает, быть может мой дед с его предком были близкой родней!“ После отъезда Пушкина А. скоро исчез из Одессы: по городским слухам его обыграли одесские картежники и он принужден был скрыться за-границу. В недавнее время (1923) — история знакомства Морали с Пушкиным послужила сюжетом для изящного рассказа П. Муратова. (Ср. „Красная Новь“ 1924, кн. III, с. 260).

3. **Артемов**, Николай Алексеевич, в 1824 г. начальник отделения канцелярии Воронцова: в канцелярии этой в чине коллежск. советн. служил еще в 1841 г. (Календарь на 1832 г. Одесса 1831, стр. 32), в 1833 г. был уже произведен в статские советники и

состоял председателем таврической межевой комиссии в Одессе (Календарь на 1834 г. стр. 79). Бут. (II, 17) вспоминает, что А. „кроме (чем) высоким ростом ничем, кажется, не был замечательным“. По рассказу Липр. (с. 1477), среди эпиграмм Пушкина, направленных на чиновников канцелярии, написанная на А. „особенно отличалась от других своими убийственными, но верными выражениями“. Эпиграмма эта до нас не дошла, однако Н. Лернер высказал предположение, что четверостишие одесской тетради („Певец Давид был ростом мал“...), впервые напеч. Ефремовым (изд. 1903 I, 502) и относимое обычно к Воронцову, является частью этой эпиграммы. По его мнению „весьма возможно, что взбешенный „певец Давид“ своей эпиграммой давал понять этому „Голиафу“, что не боится ни его, ни даже его начальника—Воронцова“ (Венг. III, 325).

4. **Басаргин, Николай Васильевич** (род. 1799 или 1800 г.—ум. 1861 г.). декабрист, член южного общества. В 1817 г. был зачислен в училище колонновожатых Н. И. Муравьева и в 1819 г. окончил его. В марте 1829 г. Б. отправлен на действительную службу в м. Тульчин, Подольской губ., где находилась квартира второй армии. 30 мая 1821 г. Б. получил чин подпоручика, а 16 окт. того же года переведен подпоручиком в 31 егерский полк и назначен адъютантом к начальнику главного штаба 2-ой армии ген. П. Д. Киселеву. После известной дуэли с ген. Мордвиновым Киселев отправился в Одессу—ожидать решения государя, где провел около месяца (июль—август 1823 г.). Вместе с ним отправился и Басаргин. „В Одессе, вспоминает Басаргин, встретил я также нашего знаменитого поэта Пушкина: он служил тогда в Бессарабии при ген. Инзове. Я еще прежде этого имел случай видеть его в Тульчине у Киселева. Знаком я с ним не был, но в обществе раза три встречал. Как человек он мне не понравился. Какое-то бреттерство, *suffisance* и желание осмеять, уколоть других. Тогда же многие из знающих его говорили, что рано или поздно, а умереть ему на дуэли“ („Записки Басаргина“. ред. П. Е. Щеголева, изд. „Огни“, II. 1917, 24—25), Б. был с прочими декабристами возвращен из ссылки в 1856 г. (Алф. 274—275; Венг. Ист. I, 177; С. Вознесенский Библиографич. материалы для словаря декабристов Лгр. 1926 стр. 10—11).

5. **Бер, В.** Интендантский чиновник канцелярии Воронцова (Дело АГГ, общ. стол 1823, ч. 2, л. 14: формулярный список; также дело АГГ, секр фонд 1823 № 4, л. 15) — герой пушкинского двустипшия (Отз. 152). См. ниже — Ф. П. Пален.

6. **Бларамберг, Иван Павлович** (1771—1831) род. в Карлсруэ; перед французской революцией служил на военной службе в Голландии и в качестве военопленного попал во Францию, откуда эмигрировал в 1799 г. и благодаря родственнику своему барону А. Розенкампу (женатому на его сестре Марии) поступил на русскую

военную службу в чине майора; в Москве женился на де-Куртене (De-Courtener) (Erinnerungen aus dem Leben des Kaiserl. Russisch. Gen.-Lieuten. Johann von Blaramberg. Berlin 1872, Bd. I, SS. XI—XIII). В 1806 г. Б. поселился в Одессе (Н. Н. Мурзакевич. Автобиография М. 1886, с. 91), в 1808 г. был принят на службу прокурором коммерческого суда в Одессе; в 1810—1811 гг. состоял таможенным инспектором Херсонской губ.; в 1812 — начальник одесского таможен. округа. В конце 1823 г., вероятно, вследствие оказавшихся в таможнях злоупотреблений (Дело АГГ, секретfond 1824 № 3) вышел в отставку, но через год вновь был назначен чиновником особых поручений при Воронцове. С этих пор, благодаря своим частым разъездам, начал серьезно заниматься археологией, к которой уже давно чувствовал влечение (об его археологич. познаниях, между прочим, был высокого мнения К. Н. Батюшков, посетивший его в Одессе в июле 1818 г. — Соч. Батюшкова, ред. Л. Н. Майкова т. III, с. 519, 760), и вскоре составил себе славное научное имя, как один из первых исследователей древностей северного Причерноморья. „Предание говорит, что ученый кабинет Бларамберга был не только первую труженническую кельею, но и первую школу взаимного обучения для Одессы“ („Одесск. Альманах на 1840 г.“ с. 33). Когда по представлению Воронцова Александр I повелел учредить музей для хранения древностей. Б. был назначен директором открывшихся музеев — Одесского (1825) и затем Керченского (1826). Об его ученых трудах см. К. Зеленецкий „Жизнь и ученая деятельность Б.“ — ЗОИДр. II, 220 — 228. Ibid. I, 654 и V, 957; В. Юргевич, „Историч. очерк. Имп. Одесск. Общ. Ист. и Др.“ Одесса, 1889, с. 32 — 33 и статью В. Яковлева КБСл III, 375 — 377 (пользовался рукописными материалами). См. еще РС 1896 II, 441; Венг. Ист. I, 254. По одесским преданиям, Пушкин, бывавший у него в доме из Канатной ул. (Соч. Пушкина, ред. Ефремова 1882, I, 536. Ср. [Н. Мурзакевич] Одесская старина, Одесса 1869, с. 27), был неравнодушен к двум его дочерям — сестрам Зинаиде и Елене, очень миловидным по отзыву В. И. Туманского (Стих. и письма СПб. 1912, с. 257). Зинаида в 1823 г. воспитывалась в Екатерининском Институте и по словам ее двоюродного брата (племянника И. П. Б.), проводившего лето 1824 г. в Одессе, была „ein sehr hübsches Mädchen von 17 Jahren, mit prachtvollen Augen und Perlenzähnen“; старшая сестра ее — Наталья была замужем за испанским консулом в Одессе Del Castello; кроме них были еще дочери Елена, которая, между прочим, прекрасно пела и свободно говорила по испански, Елисавета и два сына — Михаил и Арден (I. v. Blaramberg, Erinnerungen... I, SS. 21 — 21, 24, 26). Отсюда может быть некоторое знакомство Пушкина с испанской и португальской литературой (Н. Лернер. Пушкин и португальский поэт РБ 1916 № 4, с. 75—76). К. М. Соколова рассказывает, что однажды на вечере у Кирьяковых, Пушкин, подойдя к обеим сестрам Б., быстро и решительным тоном продекларировал такой экспромт:

Вы перед всеми взяли верх,
Пред вами преклоню колена,
О, величаяя Елена!
О, Зинаида Бларамберг!

Это четырехстишие переходило в этот вечер из уст в уста в женском обществе, где было решено, что наш поэт побежден был вдвойне и Зинаидой и Еленой" (Отз., 133). Тот же экспромт, с изменением в первом стихе („Так, вы над всеми взяли верх“...) приводит и П. Т. Морозов („Из одесских воспоминаний"—РА 1877 III, 325; то-же в „Сочинениях П. Т. Морозова" М. 1883 с. 125), однако, с указанием, что экспромт этот сказан Пушкиным девицам Б. по просьбе Туманского на балу у Воронцова. Бут. (II, 23) вспоминает, что „на балах всегда можно было встретить трех (или четырех) сестер девиц Бларамберг (sic)... Одна из них, Зинаида, пикантная брюнетка, внушила оду поэту В. И. Туманскому, напечатанную в одном из тогдашних альманахов". О том, что Пушкину нравилась „М-ше Бларамберг—очень умная и образованная девица, с которою любил он беседовать по вечерам у графа", свидетельствует и К. П. Зеленецкий (Отз., 148). Летом 1824 г. одна из сестер Б., по указанию Олизара (РВ 1893, IX, 106) ездила с Воронцовыми в Крым. Сам Б. славился, как остроумный каламбурист: по отзыву Морозова он „с любовью к древностям соединял страсть к каламбурам и удивительную к ним способность. Я обедал у него часто по воскресеньям. У него собиралось французское общество. Гости старались подражать хозяину; непрестанно сыпался огонь каламбуров на всех языках". (Сочинения..., с. 125; Н. Мурзакевич, Автобиография, с. 96; I. v. Blaramberg, Erinnerungen, I, S. 55). „Вот еще лицо, которое ждет своего В. Скотта!" восклицал М. П. Розберг, познакомившийся с ним незадолго до его смерти. („Сборн. старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина". М. 1906 т. VII, с. 346).

7. **Брунов**, Филипп Иванович, барон (с 1871 г.—граф) (р. 31 авг. 1797—ум. 30 марта 1875). Курляндец родом, питомец Лейпцигского университета, Б. с 1818 г. служил в коллегии иностранных дел и дипломатическую школу прошел под руководством А. С. Стурдзы. С мая 1823 г., в течение трех лет, состоял чиновником особых поручений при Воронцове в Одессе, где и был знаком с Пушкиным (Бут. II, 13); у последнего с ним было даже какое-то столкновение (РА 1866, с. 1472). Летом 1824 г. его здесь постоянно встречал И. Бларамберг в доме своего дяди—Ивана Павловича Б. (I. v. Blaramberg, Erinnerungen, Berl. 1872, I, S. 25). Несколько штрихов к характеристике Б. одесского периода его службы дают „Записки" Рибоьера—РА 1878, II, 19—20. С 1833 г. он был членом главного управления цензуры со стороны мин. ин. дел; благодаря ему был закрыт в 1834 г. „Московский Телеграф" Полевого; об этом эпизоде, с указанием роли Брунова, есть запись „Дневнике" Пушкина (1834). Свою долгую и блестящую дипло-

матическую карьеру Б. окончил на посту русского посла в Англии (1870—74). Современники оставили в общем очень неблагоприятные отзывы о нем, как о человеке. П. А. Вяземский отметил в своей „Записной книжке“ (1858): „Я видел его в Ораниенбауме: он был пластроном великих княгинь и фрейлин. Сказывают, что эту же роль играл он в Одессе при дворе кн. Воронцова“... (Соч. X, с. 190). Подробнее см. в ДПП, 12, 130—131 и ДПМ, 50, 362—363; кроме того: Н. Н. Фирсов. Гр. Бруннов и кн. Ливен ДНР 1879 № 3, 202—210; „Третье отделение и бар. Бруннов“ — „Колокол“ 1859 № 46 (Ср. полн. собр. соч. и писем А. И. Герцена, ред. М. К. Лемке, по указателю: т. XXII, с. 404); РБСл. 371—384; СБИРИО т. 31 (1880), с. 197—416; ИОБО 1914 т. III, с. 234. „Очерк ист. мин. ин. дел“ СПб. 1902, с. 143 (его портрет); прилож. с. 27.

8. **Бутурлин**, Михаил Дмитриевич, граф (р. 1807 — ум. 19 ноября 1976), сын знаменитого библиофила гр. Дм. Петровича Б. (1763—1829). Родители его со всем семейством переселились в Италию, когда ему было 8 лет. Там он получил блестящее по тому времени образование, вполне овладел кроме латинск. и итальянского еще и французск. и английск. языками, любил музыку и живопись. В 1824 г. он, по желанию родителей, отправился из Флоренции в Одессу (куда приехал, вероятно, к началу июля) и поступил на службу в канцелярию родственника своего гр. Воронцова. В своих „Записках“ (напечатаны в РА 1897 I—III; 1898 I—III) он оставил очень интересную характеристику одесского общества 1824 г. (1897, II, с. 12—31), где рассказав, м. проч., и о своих встречах здесь с Пушкиным, „А. С. Пушкин, дальний наш по женскому колену родственник; по доброму старому русскому обычаю, мы с первого дня знакомства стали звать друг друга „*mon cousin*“. Нередко встречаясь с Пушкиным в театре Б. желал сблизиться с ним, но „А. С. слыл вольнодумцем и чуть-ли почти не атеистом, и мне дано было заранее предостережение о нем из Флоренции, как об опасном человеке“; об этом предостережении знал и Пушкин, и потому, не желая навлекать на юношу родительский гнев, перестал посещать его „В другой раз, он, при встрече со мною сказал: „Мой Онегин (он только что начал его тогда писать) это ты, *cousin*“. Впоследствии, подружившись в Варшаве в 1832 г. со Львом Сергеевичем Пушкиным, я узнал от него, что я заинтересовал его брата поэта моими несдержанными, югом отзывавшимися приемами, манерами в обществе и пылкостью наивной моей натуры“ (II, 15) В. Ф. Вяземская пишет своему мужу из Одессы 25 июля 1824 г.: „*Ma société masculine, qui se bornait à Pouchkine, va s'augmenter de celle du petit Boutourline, aussi ennuyeux qu'un jeune homme de 17 ans peut l'être avec peu d'esprit et une vivacité incroyable*“; зато ей понравился его губернёр — Слоан (ОА V вып. 2 с. 134). Сам Б. (II. 23) рассказывает, что узнав о том, что П. А. Вяземская собирает все, что писалось в то время о недавней кончине

лорда Байрона, отнес В. Ф. для отсылки мужу и свою оду, „т. к. я мараковал английские вирши“. Впоследствии Б., отбив турецкую и польскую кампании, вышел в отставку, женился и уехал в Италию. По кончине отца он получил большое состояние, но вскоре дошел до совершенного разорения. Вернувшись в Россию он поступил на службу в канц. моск. ген.-губернатора, потом получил место при рязанск. губернаторе, откуда перешел на ту-же должность в Калугу. Здесь Б. стал усердно заниматься русской историей и археологией. Помимо „Записок“ для биографии его дает кое-что некролог, написанный Д. Н. Толстым — „Чт. Общ. Ист. и Древн. Росс.“ 1876 кн. 2 (97), апрель—июнь, отд. V, с. 208—213 (Пересказ — у П. Гильдебранта ДНР 1877 т. II № 5, с. 87—88). Ср. Венг. Ист. I, 403—404.

9. Вигель, Филипп Филиппович (р. 12 ноября 1786—ум. 20 марта 1856), по отцу финн, по матери — из дворянск. рода Лебедевых. Воспитывался в Москве и в имени кн. С. Голицына; служил в Моск. Арх. Коллегии Иностр. Дел, где сблизился с Блудовым, Дашковым бр. Тургеневыми. С Пушкиным В. познакомился еще в Петербурге в 1818 — 18 гг., а потом встречался в Одессе и Кишиневе, куда он был назначен Воронцовым. Гр. Д. Н. Блудов писал М. С. Воронцову 23 сент. 1823 г. из Петербурга: „Согласен с вами, что Вигель может быть вам особенно полезен на том месте, которое вы ему только что дали; он человек рассудительный и естественно склонен к наблюдениям; за его искренность я ручаюсь, также как и за его прямоту; у него может быть больше общих познаний, чем это требуется в крае, где он находится. что же касается местных познаний и опытности в делах, то их приобретаешь быстро при старании и прилежании“... „кроме преданности общественному делу, он питает к вам, граф, безграничную преданность. Я на-днях получил от него два длинных письма, в которых он не говорит почти ничего, кроме восхищения вами, которое вы съумели ему внушить. Кстати о Вигеле, я узнал, что вы поручили ему рассмотреть проект ген. Инзова об отношениях крестьян с их землевладельцами. Не имеете-ли вы намерение поручить ему исправление этого проекта? Я думаю, что он вполне пригоден для хорошего выполнения этой работы под вашим наблюдением, но ему может быть следовало бы сначала пробыть немного в Бессарабии или даже проехаться по провинции, чтобы лично собрать точные сведения о состоянии и нуждах этого класса населения (АВ XXXVIII, 286 — 287). В результате этой рекомендации В. получил от Воронцова ряд инструкций и прожил некоторое время в Кишиневе, собирая нужные сведения и съездив ими угодить своему начальнику. (Ср. письмо Воронцова Блудову 15 февр. 1824. Ibid. с. 303 Ср. XXVII, 226). Записка В. „Замечания на нынешнее состояние Бессарабии“, писанная им в Кишиневе, в октябре 1823 г. была послана Воронцову и принесла автору много неприятностей, как он сам рассказывает в своих „Записках“ (VI, 178): о ней уз-

нали бессарабские дворяне, решили его убить, а потом украли записку и жаловались на него (она издана в прилож. к его „Запискам“ изд. 1892 г., подлинник — в Украинск. Археолог. музее в Одессе — см. А. В. Рыстенко. Рукописи, принадлежащие Б — к е И. Одесск. Общ. Ист. и Др. вып. I. Од. 1910, с. 50—51). В эту эпоху с ним встретился Пушкин, который по словам В. отнесся к нему с полной доверчивостью, охотно проводил с ним время в беседах и прогулках, читал ему свои новые стихи (Зап. VI. 97—98). В конце июля 1823 г. г. они встретились в Одессе (Ib., 97). С половины сентября до Рождества В. жил в Кишиневе (Ib. 103, 118, 119, 139: Пушкин писал Вяземскому 14 окт. 1813: „Вигель здесь был, и поехал в Содом-Кишинев, где думаю, будет виц-губернатором“ Переп. I, 78). Прожив в Одессе с 25 дек. до 25 января 1824 г., В. возвратился в Кишинев. Кишинев ему очень не понравился и он, вероятно, жаловался Пушкину в недошедшем до нас письме, на которое поэт отвечал стихами („Проклятый город Кишинев“), причем писал: „это стихи, следственно шутка — не сердитесь и усмехнитесь. Вы скучаете в вертепе, где я скучал три года“. (Переп. I. 80—81). В. звал Пушкина в Кишинев, добрый Инзов желал видеть своего бывшего подчиненного. „Я писал к Пушкину, говорил Вигель (Зап. VI, 152), что непростительно ему будет, если он не приедет потешить старика, умолял его именем всех женщин, которых любил он в Кишиневе, навестить нас. И он в половине марта (1824) приехал недели на две, остановился у Алексеева и многих, разумеется в том числе и меня, обрадовал своим приездом“. (Ср. Венг. II, 726). В статье „Москва и Петербург“ (1853, напеч. РА 1893 II, 576). В. также упоминает о своем письме П — ну, в котором он „умолял“ его посетить Кишинев, „называя его странствователем Телемаком“, на что Пушкин будто-бы ответил стихами:

Скучной ролью Телемака
Я наскучил, о друзья!
О Москвз, Москва—Итака,
Скоро-ли тебя увижу я?

Н. О. Лернер обративший внимание на это четверостишие, находит возможным признать его за Пушкинское („Заметки о Пушкине. Ответ Вигелю“ РС 1913 XI. 259 — 261). В середине мая В. в свою очередь приехал в Одессу и прожил здесь до конца июня. 16 июня В. Ф. Вяземская в письме из Одессы называет В. среди лиц, которых она видит чаще других: „Viguel, que je retouche partout pour mes pêchés“... (ОА V в. 2, 205. Ср. отзыв его о Вяземской Зап. IV, 123 — 125 и VI, 29); в это время уже назревало решительное столкновение П — на с Воронцовым, причем В. склонен подозревать, что в истории этого столкновения какую-то двойственную роль играл А. Н. Раевский (Зап. VI, 172. Ср. s. v. „Е. К. Воронцова“). Впоследствии Пушкин встречался с Вигелем в Москве в 1827 и 1829 г.г. и в Петербурге в 1830-х гг.;

сохранилось три письма Вигеля к Пушкину — 1831 и 1836 г. (Ср. И. А. Шляпкин. Из неизд. бумаг А. С. Пушкина, СПб. 1903, 146 — 149, 280 — 283, 293 — 294). Еще при жизни В. славился, как прекрасный рассказчик. „Я люблю его разговор — он занимателен и делен“, отметил Пушкин в своем Дневнике от 7 янв. 1834 (ДПМ, 41); рассказами В. восхищался и Погодин, который сказал ему после одной беседы: „Мольер перестал писать комедии, В. Скотт романы: надо ездить к вам слушать очерки тех высоких комедий, из коих составит история человеческого рода“ (Барсуков, Ж. и труды М. П. Погодина. V, 164). „Записки“ свои В. начал писать, вероятно, во второй половине 40-х гг. (Ср. М. А. Цявловский, Рассказы о П — не... М. 1925, с. 131). Еще до появления их в печати Н. В. Сушков при жизни самого автора поместил о них сл. отзыв: „В записках его много сухого, иногда несколько преувеличенного, в хорошую-ли, в дурную-ли сторону, смотря по тому, как расположен был живописец к оригиналам, с которых списывал свои портреты“ („Раут“ М. 1854, 364 — 364; Отзыв Гоголя о Вигеле и его записках см. Барсуков, ор. cit, VIII, 591 592, ср. Соч. и письма Гоголя VI, 376, 408; о чтении отрывка из них Погодину в 1847 г. — Барсуков, IX, 170; Вяземскому — Соч. Вяз. X, 77). „О их, будто-бы, необыкновенном интересе говорили еще до появления их печати. Отдельные главы из них еще тогда читались в Москве в собраниях „Любителей Российской Словесности“, и каждый раз в отчетах собраний о прочитанной главе упоминалось как о чем то особенно замечательном, почти феноменальном“. („О Воспоминаниях Вигеля“ — „Отеч. Зап.“ 1864, XI, 426). В 1853 г. В. разрешил П. И. Бартеневу „сделать отметку из его записок и выписать места, в котовых говорится о Пушкине“ (РА 1866 стб. 1188. Ср. РА 1864. с. 336; 1871, с. 1487. Отзыв Бартенева см. еще у Барсукова, ор. cit т. XIV, 597, 550 — 560). Рукопись „Записок“ в 1855 г. поступила в И. Публичн. Библиотеку. (Отч. И. Публ. Б — ки за 1855 г., с. 61); в 1864 г. была издана (3 тома) с пропусками, восстановленными только во втором издании 1892 г. „Замечания“ И. П. Липранди (см.) писаны по поводу их первого издания. Вяземский, хорошо знавший В., дал ему и его Запискам тонкую и верную характеристику (РА 1866; 219 — 220; ОА III прим., 622 — 623): „Записки Вигеля любопытное приобретение для нашей народной и общежитийской литературы. Они писаны умно и довольно художественно... Но есть в них и важный недостаток; должно читать их, следует доверять им с большой осторожностью... Многое рассказано им по городским слухам, сплетням, кривым толкам судей, не призванных и мало сведущих. Ничего у него не проверено, ни исследовано критически“. В своей „Записной книжке“ (1847) Вяземский отметил также: „В записках его много злости и много злопамятности, но много и живости в рассказе. Верить им слепо кажется не должно. Сколько я мог отметить, есть и сбивчивость в событиях“. (Соч. Вяз. IX, 225. Ср. X, 77. Сл. любопытный отзыв о В. и его записках А. И. Герцена. Сочин. А. И.

Герцена, изд. Павленкова, СПб. 1905 т. VII, 368, 370—374). Литературно-историческая экспертиза записок вполне подтверждает основательность подозрений Вяземского; в силу этого, с большой осторожностью необходимо пользоваться и теми интересными главами записок, в которых Вигель рассказывает об одесском периоде жизни Пушкина. Сохранилось много отзывов об этом весьма оригинальном, образованном и умном, но мало симпатичном человеке: не приводя их в виду того, что они с достаточной полнотой сгруппированы в ДГМ, 249—251 и ДПП, 85—86, напомним только, что его называли человеком „образованным и умным“, но „чрезвычайно странным и строптивым“ (Фадеев), „неограниченно самолюбивым“, везде искавшим себе „особенного поклонения“, завистливым и желчным (Липранди). К. Я. Булгаков отзывался о Вигеле в 1828 г.: „В. умный малый и добрый кажется, а нигде не может ужиться. У Воронцова он несколько раз менял места, в Кишиневе со всеми перессорился, бывши вице-губернатором“ (РА 1903 III, 128). Общеизвестные подробности его доносов на Чаадаева и Надеждина, И. И. Веденского, столкновения с А. О. Смирновой и т. д. не приводим, в виду того что они с исчерпывающей полнотой изложены в приведенной выше литературе, главным образом, в двух изданиях „Дневника“ Пушкина.

10. Волконская, кн. Софья Григорьевна (р. 19 авг. 1785—ум. 26 марта 1868(единственная дочь кн. Г. С. Волконского (1742—17 июля 1842) от брака его с кн. А. Г. Репниной (1757—1834); была женою кн. Петра Мих. Волконского (1776—1852). См. Кн. Е. Г. Волконская, Род. кн. Волконских СПб. 1900, 712, 754). Она, по выражению А. О. Смирновой, представляла собою „олицетворенную оригинальность“ (Записки СПб. 1895, с. 35; об ее оригинальности рассказывает в своих записках и Бутурлин III, 419—420; Ср. о ней РС 1871 I, 282; 1890 V, 259; РА 1874 I, 740). О. А. Пржецлавский, близко знавший В. в 40-х гг. говорит о ней: „Кн. С. Г. и по происхождению своему и по положению — аристократка и вполне великосветская дама, была притом одарена замечательным умом, отличалась необыкновенно серьезною начитанностью, много путешествовала, вращалась всегда в высших кругах общества, в интимной же беседе очаровывала непринужденностью, отсутствием всякой натянутости. Когда я знал ее в 40-х гг., княгине было уже под 60, а может и за 60 лет, но физического бодростью, свежестью ума и памяти она превосходила многих молодых женщин“; она была „очень добрая особа, усердно помогала своим влиянием всем, которые к ней обращались и которых признавала заслуживающими ее покровительства... К нуждающимся в материальной помощи она была даже щедра и не малая часть значительных ее доходов обращалась на добрые дела. А вместе с тем, по дивному контрасту, она была скупа до смешного“; „при всех своих и физических и нравственных эксцентричностях... В. была очень замечательная дама по своим умственным и душевным каче-

ствам“ („Воспоминания“ РС 1883 IX, 503) В. нередко наезжала в Одессу, где одно время учились в лицее ее сыновья (Дмитрий и Григорий), и где у нее был собственный дом. Конец мая, июнь и половину июля 1824 В. с дочерью Алиной (Александрой) провела в Одессе, где виделась и с Пушкиным. П. М. Волконский писал гр. А. А. Закревскому 26 мая 1824: „Вчера получил письмо от жены из Радзивилова; она и Алина, слава богу, здоровы и теперь уже в Одессе, откуда будут в Суханово (подмосковное имение Волконских), а в июле поедут в Петербург“ (СБИРИО т. 73 с. 87). О пребывании В. в Одессе кое-какие данные имеются в письмах В. Ф. Вяземской. „C'est la P. Volkonsky avec laquelle je suis inséparable, пишет она мужу 13 июня 1824; elle est une bien bonne personne. Sa fille est délicieuse. Je lui dis souvent que si tu la connaissais, tu serais à ses pieds: belle, douce, bonne, aimable, infiniment d'esprit et d'instruction, très amusante, une tournure, et une manière d'être tout-à-fait française, parfaitement élevée; il ne lui manque rien“ (ОА V в., 102); в письме от 23 июня — столь же восторженный отзыв: „la fille est délicieuse, plus spirituelle, plus instruite, et encore plus aimable que jolie, cependant une figure charmante“ (Ibid., 109; Ср. 106, 111, 114 и др. по указ.); „ma société journalière, mes sorties, mes bains, mes promenades, tout cela ce fait avec les Volkonsky et surtout la P. Aline, sa fille, que l'on me confie dès que la mère ne peut pas nous accompagner“ (Ib., 105). У Вяземской с В. вероятно встречался и Пушкин; отъезд их из Одессы задержался до 16 июля (Ibid., 125, 127); 14 июля Пушкин писал А. И. Тургеневу: „Это письмо будет к вам доставлено кн. Волконской, которую вы так любите, и которая так любезна. Если вы давно не виделись с ее дочерью, то изумитесь правоте и верности прелестной ее головы“. (Переп. I, 124). 25 июля того же года Вяземский писал Тургеневу: „Ежечасно ожидаю от них (Пушкина и своей жены) писем через княгиню Софью Волконскую, которая должна проехать Остафьево.“ (ОА III, 61).

11. **Волконская**, Александра Петровна (Алина) (р. 7 июля 1804 — ум. 1 июня 1859) — дочь предыдущей, вышедшая в 1831 за шталмейстера П. Д. Дурново. Она также отличалась оригинальностью и была женщина в высшей степени умная и образованная. Тепло отзывался о ней К. Н. Батюшков, встретивший ее в 1817 г. в Одессе; с ней были позднее дружны Гоголь и Жуковский, который писал поэту И. И. Козлову в августе 1827: „Алина — прелестное, доброе, умное создание. Она стоит счастья и авось будет иметь его. Я рад, что судьба меня с ней познакомила хотя на краткое время“ (Соч. В. А. Жуковского, изд. 7-ое т. VI, 469). П. А. Вяземский, встретившийся с Волконскими, в 1824 г. писал Тургеневу, что он „с первого раза полюбил сердечно и кн. Алину и ее мать“. (О Волконских см. еще ОА III, 439 — 440; „Архив декабриста С. Г. Волконского“ П. 1918 т. I с. 34 — 35 и др. (по указателю) — в примечаниях Б. Л. Модзалевского; здесь и портрет С. Г.). Вскоре

3. Пушкин.

после отъезда Пушкина из Одессы здесь поселился и племянник С. Г.— кн. Серг. Григ. Волконский будущий декабрист (Липр. 1479; Переп. I, 138—139), впрочем, кажется проезжавший Одессу еще в июне 1824, как это можно заключить из неясного намека в письме В. Ф. Вяземской (ОА V в. 2, 105).

12. **Воронцова**, Елисавета Ксаверьевна (род. 8 сент. 1792—ум. 15 апр. 1880), дочь гр. Ксаверия Петровича Браницкого (1731—1819) и Александры Васильевны Б., рожд. Энгельгардт (1754—1838), любимой племянницы и наперсницы Г. А. Потемкина. Браницкий явился в Россию в свите посланника Варшавского двора при Елисавете; впоследствии, как неизменный сторонник политики Екатерины II, он ничего не потерял с переходом его поместий во владение России и жил в пожалованном ему в 1774 г. старосте Белоцерковском „comblé des faveurs de la Russie et maudit par ses compatriotes“ (Nouv. Biogr. Gén., F Didot, VII, 259; AP I, 13; РБСл. 327—331). Гр. Олизар рассказывает, что Б. „хотя и женился на русской и благодаря этому поправил расстроенное свое состояние, ничего столь не желал, как того, чтобы его дочери повыходили за поляков“. Старшая сестра Е. К. вышла замуж за Станислава Потоцкого, средняя за Артура Потоцкого. Петр Потоцкий рассказывал Олизару, что „приехав однажды к Браницкому он вынужден был слушать жалобы его, что не встречаются хорошие женихи для младшей дочери гетмана (Елисаветы Ксаверьевны). Ухаживает за ней Потоцкий, говорил Браницкий, но у меня уже обе старшие дочери за Потоцкими и, пожалуй, скажут, что я отдал свое семейство этому дому в собственность. Однако, мне желательно, чтобы и третья дочь моя пошла поскорее за поляка, ибо по смерти моей жена распорядится иначе“ (РВ 1893 VIII, 29, 30—31). А. В. Браницкая, статс-дама высочайшего двора, по смерти мужа продолжала жить в своем поместье в Белой Церкви, отличаясь своей недоступностью и, несмотря на свои несметные богатства, чрезвычайной скупостью, что было причиной множества ходивших о ней анекдотов (Ср. А. М. Фадеев, Воспоминания т. I, 75—77; А. В. Кочубей, Записки СПб. 1890, 228—234; Виг. VI, 84—86; РА 1897 II, 10—11; КС 1888 XI, 72—77; „Сборник статей посв. В. И. Ламанскому“ СПб. 1908 т. II, 683—685, с обширной библиографией В. С. Иконникова; Е. С. Шумигорский, ИВ 1900 № 1, 171—202). Предчувствия Браницкого относительно своей дочери оправдались: в самый год его смерти она вышла замуж за гр. М. С. Воронцова: свадьба состоялась в Париже 20 апреля (2 мая) 1819 г. (АВ XXXVII, 69; Виг. V, 143). Брак этот произвел большое впечатление; императрица, выразив свое согласие на брак, писала отцу М. С.: „Молодая графиня соединяет все качества выдающегося характера, к которому присоединяются все прелести красоты и ума: она создана, чтобы сделать счастливым уважаемого человека, который соединяет с нею свою судьбу“ (АВ XXVIII, 371). В светских кругах несколько косо посмотрели на ее польское происхождение:

слухи об этом, конечно, дошли и до М. С.: вскоре после свадьбы он в письме к гр. Ф. В. Ростопчину заявлял торжественное обещание в государственной деятельности не допускать к себе ни одного поляка (АВ XXXV, 251); вскоре, в связи с этими же толками, он получил дружеское наставление от старого своего приятеля по службе в Преображенском полку гр. А. Х. Бенкендорфа (АВ XXX, 443); намек на это содержится и в письме арзамасца П. И. Полетики к С. Р. Воронцову, который, будучи уверен, что патриотических убеждений его сына „не смогут поколебать никакие родственные связи“, выражал надежду, что Елис. Ксавьерьевна „станет образцом для молодых русских матрон“: „я встречал гр. Воронцову только в русской часовне в Париже; она всегда приводила меня в восхищение своею набожностью и своею чрезвычайно скромной осанкой“ (АВ XXV, 442. Ср. позднейшие факты: РА 1890 I, 394 и Мурзакевич, Автобиография, с. 137). После свадьбы молодые уехали в Лондон, где провели несколько месяцев в странствованиях по Валлису; в сентябре, через Париж и Вену, отправились в Россию. Поздней осенью они остановились в имении гр. Браницкой; в конце ноября Воронцов предпринял свое первое путешествие в Одессу, а затем, возвратившись в Белую Церковь в конце декабря 1819 г., вместе с женой уехал в Петербург. Пребывание их здесь, было, однако, недолгим; в начале 1820 г. у Е. К. родилась дочь, умершая через несколько дней; странствованиями и переменой места М. С. думал несколько смягчить горечь утраты первого ребенка: летом 1820 г. они были в Москве, откуда совершили поездку в имение Воронцовых—с. Андреевское. Это была пора полной, ничем не омраченной любви; письма Е. К. полны рассказов об этом поместьи и воспоминаниями о том гостеприимстве, какое оказал здесь М. С. раненым офицерам и солдатам в войну 1812 г. (АВ XXXVII, 70; XVII, 526). Путешествиями заполнены и следующие годы: они посетили Италию, из Турина через Мон-Сени и Лион приехали в Париж, затем уехали в Англию. В 1821—23 гг. они несколько раз посещали Белую Церковь. К одному из таких посещений относятся слова А. Раевского о В—вой, приводимые М. О. Гершензоном: „Она очень приятна, у нее меткий, хотя не очень широкий ум, а ее характер—самый очаровательный, какой я знаю“ („История молодой России“ М. 1908, с. 44). В другом месте („Образы прошлого“ М. 1912, с. 43—44) Гершензон приводит отрывок из другого письма Раевского от 17 июня 1822 г. из Александрии: „Я изрядно скучаю, и, может быть, впал бы в уныние, если бы не пример гр. Воронцовой; мужество, с которым она переносит бессмысленность своего здешнего существования, служит мне укором. Ровность ее светлого настроения поистине удивительна: будучи так долго лишена удовольствий в лучшие годы своей жизни, она тем более, казалось бы, должна жаждать всех тех благ, которыми наслаждалась в Париже; между тем возобновление старого, необыкновенно скучного образа жизни ни мало не отразилось на расположении ее духа, и даже отсутствие своего мужа (который недавно

покинул ее на пять-шесть дней для объезда своих имений) она переносит с тою же ровностью нрава" и т. д. Жизнь в деревне стоит в связи с тем, что Воронцов тогда находился не у дел, по неудовольствию на него государя; наконец, опала была снята по приезде их в Петербург в феврале 1823 г., и 7-го мая того же года М. С. получил назначение в Одессу. Ник. Мих. Лонгинов сообщал С. Р. Воронцову, что „граф и графиня одинаково довольны этим назначением“, а также некоторыми обещаниями государя, среди которых, между прочим, было позволение отлучаться из Одессы в Белую Церковь и в соседние местности в любое время и без специального разрешения из Петербурга (АВ XXIII, 466 и РА 1912 II, 389—390). Из тех же писем мы узнаем о намерении В—вых выехать в начале июня прямою дорогою на Белую Церковь. Дальнейшие и, к счастью, очень подробные сведения дают нам путевые письма Никанора Мих. Лонгинова, брата предыдущего, состоявшего в числе чиновников, отправлявшихся вместе с Воронцовыми, и сопровождавшего своего начальника по пути в Одессу. Отъезд из Петербурга, как и предполагалось, был в начале июня. 16 июня Воронцовы прибыли в Киев, откуда через несколько дней отправились в Белую Церковь, где было много гостей, в том числе и Раевские (РА 1905 III, 550—553). По свидетельству того-же Лонгинова, 26 июля Воронцовы вместе с некоторыми из гостей отправились в м. Мошны, имение Е. К. (Киевской губ., Черкасского у. См. описание его у Мих. Грибовского ОВ 1844 № 80, 81), куда вскоре и прибыли. „Его сиятельство ежедневно занимал нас утренними и послеобеденными прогулками по разным возвышенностям и в лесах почти непроходимых... Иногда наша кавалькада состояла человек до 15 верхами, за коими я пробирался на маленьких дрожках шагом. Графиня (подивитесь ее необыкновенным подвигам) нигде от нас не отставала, и, несмотря на свою близкую беременность, всюду за нами следовала в парных дрожках. Признаюсь, что я удивлялся необыкновенной ее подвижности, которая в ее положении столь необыкновенна, что ни одна петербургская, либо московская дама, начиная с моей бесценной сестрицы Марьи Александровны и подумать о подобных прогулках не посмела бы“ (РА 1905 III, 556). 3-го июля 1823 г. Е. К. уехала в Белую Церковь, где и оставалась до поздней осени, пока Воронцов отправился принимать должность и приготовить все к ее переезду. Сюда Н. Н. Раевский посылал ей пастилу (АР I, 228 — 229); здесь 22 июля ее видел Вигель, по дороге в Одессу захвативший к гр. Браницкой (Зап. VI, 84—85: здесь же дана им известная характеристика Е. К.: „Ей было уже за тридцать лет, а она имела все право казаться еще самою молоденькою. Долго, когда другим надоест бы свет, жила она девочкой при строгой матери в деревне; во время первого путешествия за-границу вышла она за Воронцова и все удовольствия жизни разом предстали ей и окружили ее. Со врожденным польским легкомыслием и кокетством желала она нравиться, и никто лучше ее в том не успевал. Молода была она

душою, молода и наружностью. В ней не было того, что называют красотою; но быстрый, нежный взгляд ее маленьких, небольших глаз пронзал насквозь; улыбка ее уст, которой подобной я не видел, казалось, так и призывает поцелуи“). При ней находился тогда доктор англичанин, которому Воронцов поручил наблюдение за здоровьем жены и дочери. Из письма Н. М. Лонгинова мы узнаем, что в Одессу Е. К. приехала только 6-го сентября: „Поспешаю уведомить вас о благополучном прибытии сюда нашей графини. Вчера к позднему обеду ее сиятельство сюда пожаловала и все мы вместе кушали в собственном графском доме у моря. В доме же, нанятом от города, где граф будет жить, многое еще неготово и надобно недели две времени, чтобы хорошенько учредить. Графиня, между тем, будет жить на даче Рено, которая нанята на месяц, и которая весьма красива“ (РА 1905 III, 572; о даче Рено см. ниже s. v. „Рено“). 23 октября у Е. К. родился сын (Семен Мих.); последний месяц своей беременности она едва-ли когонибудь принимала и покойно жила на даче, пока отстраивали городской дом. Даты эти устанавливают тот факт, что Е. К. прибыла в Одессу значительно позже Пушкина (он приехал сюда 3-го июля) и, следовательно, знакомство их могло произойти не ранее середины сентября, а то и позже, если принять во внимание ее положение. Конец года был шумным и веселым. По сообщению Вигеля, погода благоприятствовала городским увеселениям, и балы, маскарады и праздники следовали один за другим. Во всех этих празднествах Е. К. принимала самое живое и деятельное участие. 31 декабря 1823 г. у Воронцовых была встреча Нового Года с маскарадом, 31-го января „попытались сделать публичный маскарад в театре за деньги. Гр. Воронцова с Ольгой (Нарышкиной) своим присутствием надеялись заманить публику и засели в своей ложе, но зала была совершенно пуста“. „Другой маскарад был сюрприз, который графиня Ланжерон в день богоявления приготовила супругу своему. Чета Воронцовых приехала сюда, стараясь всячески утешить чету Ланжеронов в потере мнимого ее величия“ (Зап. VI, 137—139). Об этих балах упоминает Липранди (с. 1470—72), а В. И. Туманский пишет в письме от 16 января 1824 года: „Балы, вечера и другие забавы у нас продолжают попрежнему: мы много резвились на маскараде, который сделала для нас графиня, и на котором сама умно и щеголевато дурачилась, т. е. имела прелестное каррикатурное платье и всех в нем интриговала“ (Стих. и письма СПб. 1912, с. 257). К зиме 1824 г. относится период наиболее частых встреч Пушкина с Воронцовой. Под февралем этого года у него в бумагах отмечено: „Soupe chez S(omtesse) V(ogonoff)“. В апреле 1824 г. М. С. и Е. К. ездили в Белую Церковь; как видно из письма С. Р. Воронцова—сыну, поездка эта имела кое-какие хозяйственные мероприятия в имениях; отец удивлялся, что М. С., перегруженный обилием служебной работы, находил время и для своих личных дел (АВ XVII, 549, 552). Некоторые сведения об этом весеннем путешествии

Воронцовых дают письма сопровождавшего их В. И. Туманского. Он пишет С. Г. Туманской 3-го мая из Одессы: „Недели две тому назад возвратился я из путешествия весьма приятного. Граф взял меня с собой к теще своей гр. Браницкой и в свои имения, которые нужно было ему осмотреть. Они находятся в Киевской губ. и это доставило мне случай видеть места очаровательные. Светлый праздник встретил я в Белой Церкви, где между прочими посетителями были и Раевские“. Потом он вместе с Воронцовыми побывал в Мошнах. „Пребывание наше в этом поместье, у хозяев, истинно гостеприимных, образованных, ласковых, будет надолго приятно моему сердцу. Неожиданное прибытие Нарышкиных умножило все наши увеселения“. „Не буду описывать тебе различных веселостей этой деревенской жизни — сберегаю для первого свидания с тобой многие приятные подробности; между прочим, рассказ о нашем путешествии проселочными дорогами с графиней Воронцовой и Ольгой (Нарышкиной) без одного лакея. Это забавно до безумия“ (Стих. и письма СПб. 1912, с. 262). Письмо это интересно своими датами: предшествующее письмо той-же корреспондентке его послано Туманским 1-го марта 1824 г. из Одессы; таким образом, в Одессе Туманский отсутствовал апрель; если принимать свидетельство его („недели две тому назад“) в буквальном смысле, он вместе с Воронцовыми возвратился около 20-го апреля. Более точной даты установить не удастся; из письма С. Р. Воронцова сыну мы узнаем только, что последний в Мошнах был 4 апреля (АВ XVII, 551); наконец, возвратиться в Одессу Туманский мог один: 20-го апреля было как раз пятилетие свадьбы Воронцовых и этот день они могли провести вместе у гр. Браницкой. Эти даты становятся еще интереснее, если мы вспомним, что уже 27 марта Воронцов пишет гр. К. В. Несельроде о необходимости удалить Пушкина из Одессы: самого Пушкина в это время в Одессе уже не было: в половине марта он уехал в Кишинев, откуда возвратился только в конце месяца (Ср. письмо его к брату от начала апреля 1824: „Сей час возвратился из Кишинева“... Переп. I, 105). По возвращении из Кишинева Пушкин, вероятно, не застал в Одессе Воронцовых, вернувшихся сюда только через три недели. Таким образом, в сношениях Пушкина с Е. К. Воронцовой произошел перерыв с половины марта по конец апреля. В том же письме Туманский сообщает, что „граф и графиня едут в середине мая в Крым“ (Ibid., с. 263), однако, известно, что болезнь дочери Воронцовых заставила отложить поездку. Воронцовы приглашали в Гурзуф на новоселье большое общество; Пушкин тоже предполагал быть приглашенным (Переп. I, 93). „Неполучение приглашения, говорит Бертъе-Делагард (ПС XVII—XVIII, 82—83), на которое Пушкин вправе был рассчитывать, как постоянный посетитель дома Воронцовых, может быть, прибавило свою долю к его раздражению и обиде“. Вигель, приглашенный и не поехавший, указывает отъезд всех из Одессы в половине июня (Зап. VI, 167, 173—174), но Бертъе-Делагард (op. cit., 82—83)

ошибочно предположил, что это было несколько позже; точную дату дает нам письмо В. Ф. Вяземской: отъезд произошел 14-го июня (ОА V в. 2, 102). О путешествии всего общества до Гурзуфа рассказывает гр. Олизар (Pamiętniki, 167 — 169; РВ 1893 IX, 106): оно продолжалось довольно долго; благодаря противным ветрам, к берегу пристали только на восьмой день. „Высадившееся общество простиралось до 30 человек. Гр. Воронцова с приятельницей своей, госпожей Бларамберг и служанкой, взяв необходимое из багажа, стали подниматься на крутую гору в двухколесной татарской арбе“... В Гурзуфе приглашенные оставались около месяца (Туманский, *op. cit.*, с. 246), а Воронцов пробыл в Крыму до половины октября (Виг. Зап., VI, 184, 186, 189; РА 1903 II, 72), однако, без семьи, а не с нею, как ошибочно предположил М. О. Гершензон („Образы прошлого“ М. 1912, с. 41 прим.). Опубликованное в 1913 г. письмо В. Ф. Вяземской, свидетельствует, что Е. К. Воронцова вернулась в Одессу вместе с О. С. Нарышкиной 25 июля 1824 г., когда Пушкин еще был в Одессе (ОА V в. 2, 134—135): 27 июля Вяземская пишет мужу: „Мы продолжаем оставаться в неизвестности относительно судьбы Пушкина. Даже графиня (Воронцова) знает не больше, чем ты, только то, что он должен покинуть Одессу. Ее муж попросту объявил ей, что для Пушкина он ничего не мог сделать в Одессе, но мы еще не знаем, чем все это кончится“ (ОА V в. 2, 136—137). Из тех же писем мы узнаем, что, расставшись с Нарышкиной, Е. К. Воронцова в первых числах августа уехала в деревню к матери (*Ibid.*, 141). Свидетельство это устраняет большинство недоразумений Гершензона („Образы прошлого“, с. 41—42), в частности, его утверждение, что „Воронцова... узнала о высылке Пушкина только *post factum*, т. е. что в момент высылки ее не было в Одессе“, но создает новые неясности, требующие специального разбора. Исследователей давно интересует вопрос, кого имеет в виду А. Н. Раевский в письме к Пушкину из Александрии 21 авг. 1824 г. (Переп. I, 126—128; АР I, 238—241): „Отлагаю до другого письма удовольствие рассказать тебе деяния наших прекрасных землячек; теперь же поговорю о Татьяне. Она приняла живое участие в твоей беде и поручает мне передать тебе об этом; пишу с ее ведома и согласия. Тихая и добрая душа ее сознает лишь несправедливость, которая тяготеет над тобою и она выразила мне все это с чувством и грацией, свойственной характеру Татьяны. Даже ее прелестная дочка вспоминает о тебе и часто мне говорит о „полоумном Пушкине“ и о трости с собачьим рыльцем, что ты ей подарил. Я каждый день поджидаю картинку с двумя первыми стихами, которые ты для нее написал“. В „Татьяне“ этого загадочного письма принято видеть Е. К. Воронцову; приведенные выше факты этому не противоречат, но с уверенностью утверждать это затруднительно.

Таковы некоторые хронологические даты, отсутствие которых затрудняло исследователей, сбивая и направляя их по ложному пути. Вместе с тем, установление их не решает вопроса о характере

увлечения Пушкина женой своего одесского начальника. История эта принадлежит к числу „самых недоуменных“ вопросов его биографии и нуждается в специальной разработке и документации (Ср. Н. Лернер, Пушкин в Одессе Венг. т. II, с. 268, 270, 276 и т. III и IV, комментарии к стихотворениям №№ 371, 392, 394, 492 и 494). По поводу этих отношений нам известны лишь следующие документальные данные: 1) Двусмысленное упоминание Воронцовой (?) (M-me de Wor.) в письме Пушкина к своим кишиневским приятельницам, посланное в ноябре—декабре 1823 г. (Переп. I, 88), 2) Запись имени „Элиза“ в так называемом „Дон-Жуанском списке“ Пушкина, 3) Отметка в тетради против I и II строф 3-й главы „Евгения Онегина“. „Soupe chez C. E. V.“ (Comtesse Elisabeth Vorontzoff) (См. РС 1884 № 6, 570). Большинство исследователей достоверным и установленным фактом признают также подарок перстня Воронцовой Пушкину и связывают с ним позднейшее стихотворение „Талисман“ (1827). (Историю вопроса см. В. П. Гаевский и Перстень Пушкина ВЕ 1888 II, 521—537; о недавней пропаже его из музея лица см. И. Евдокимов, Судьба Пушкинского перстня—„Среди коллекционеров“ 1923 № 1—2, с. 24—26). Единственным авторитетным свидетельством в пользу легенды о перстне-талисмани является запись П. А. Вяземского в своей „Записной книжке“ под 10 окт. 1838 г. (Полн. собр. соч. т. IX, с. 186); против нее говорит рассказ А. И. Подолинского о встрече с Пушкиным, ехавшим из Одессы, в Чернигове: желая запечатать записку, адресованную Раевским, Пушкин воспользовался печатью Подолинского, т. к. собственной у него не оказалось (РА 1872 II, 863). По другим, впрочем, недостоверным свидетельствам, кольцо-талисман было подарено Пушкину М. Н. Раевской (Н. Н. Кузьмин, И. К. Айвазовский и его произведения, СПб. 1901, с. 13 и его же заметка „О талисмани Пушкина“ — „Ежемесячн. Сочинения“ 1901 № 5, 61—62. Ср. П. Щеголев, Пушкин, с. 170 прим.). В „Записках“ Вигеля (VI, 170—172) отношение Пушкина к Воронцовой представлено в очень своеобразном свете: по его словам, Воронцова довольно благосклонно относилась к влюбленному в нее поэту, но сама была увлечена А. Н. Раевским, сыгравшим в этом деле по отношению к своему другу коварную и двуличную роль. Сплетня, пущенная Вигелем, не была воспроизведена в первом издании его записок (1864), но появилась лишь во втором (1892); впрочем, рассказ его мог быть известен многим, т. к. записки свои Вигель читал до их напечатания по всей Москве (см. выше s. v. „Вигель“). Подобный же рассказ, именно о том, что влюбленному в Воронцову А. Н. Раевскому „прикрытием... служил его друг, молодой, но уже гремевший в то время славою на всю Россию, поэт Пушкин“, передает П. И. Капнист, записавший его от дяди — Алексея Васильевича Капниста (1797—1869), близко знавшего Раевских: „На него-то [Пушкина] и направился с подозрением взгляд князя Воронцова и отсюда возникли своего рода преследования и усилия удалить каким нибудь способом Пушкина из Одессы“. (См. статью:

„К эпизоду о высылке Пушкина из Одессы РС 1899 V, 241—245; перепеч. в сочинениях гр. П. И. Капниста, СПб. 1901 т. II, 527—533. Ср. Венг. II, 622; III, 530—531). Косвенное подтверждение эта легенда нашла в том, что в 1828 г. увлечение А. Н. Раевского Воронцовой, благодаря скандальной истории, сделалось „предметом всех городских толков“ (см. донесение полиции РС 1885 т. 45, с. 402; AP I, 397), а виновника ее—А. Н. Раевского по выражению В. А. Вяземского в письме к А. И. Тургеневу „вывезли из Одессы с жандармом в Полтаву, для прожития под присмотром“ (ОА III, 179; по словам А. Я. Булгакова от 7 дек. 1828 г. в Москве распространились слухи, что „Воронцов убит известною тебе историею графини, что он все хранит в себе для отца и для старухи Браницкой, но что счастье его семейственное потеряно“—РА 1901 III, 207, 185, 187, 1903 III, 142. Ср. AP I, 390, 396, 442. Скандалом этим интересовался и Пушкин. Переп. II, 75). М. О. Гершензон в статье: „Пушкин и графиня Е. К. Воронцова“ (ВЕ 1904 II, 530—447; перепеч. „Образы прошлого“ М. 1912, 33—50; „Мудрость Пушкина“ М. 1919, 185—205), пробовал очистить поле исследования, и пришел к заключению, что „предание о роли, которую будто бы сыграл А. Раевский в истории высылки Пушкина из Одессы, должно быть безусловно отвергнуто, несмотря на согласные показания Вигеля и Капниста. Это согласие двух свидетелей можно объяснить тем, что Вигель выдумал сплетню и пустил ее в ход (а потом и воспроизвел в своих записках), Капнист же нашел ее уже готовую и укоренившуюся в умах одесситов; пушечная Вигелем, она легко могла упрочиться, как в силу своей эффектности, так и потому, что согласовалась с общеизвестным фактом любви Раевского к Воронцовой“. Отвергая существование какой-либо интимной связи между Пушкиным и Воронцовой, Гершензон однако не сомневается в их близости и в увлечении Пушкина. Разъяснив многое, статья Гершензона, однако, далеко не всеми была принята одинаково сочувственно. Для П. Е. Щеголева (Пушкин, с. 171 прим.) отношения Пушкина к Воронцовой „не ясны и после статьи Гершензона и реплик Лернера в Пушк.—Венг.“ В 1913 г. Д. Н. Соколов (ПС XVII—XVIII, 21—34) сделал попытку опровергнуть доводы Гершензона, но не только возвратился к старым легендам, но и прибавил от себя новые, произвольно связав с именем Воронцовой помимо „Ангела“, „Талисмана“, „Сожженного письма“ ряд черновых набросков Пушкина. Донеде вопрос не представляется более ясным. Б. Л. Модзалевский в примечаниях к своему изданию „Дневника“ Пушкина (с. 144—145) уклончиво отсылает к противоречивым комментариям Венгерского издания, В. Ф. Саводник в московском издании „Дневника“ (с. 392—394) стоит на точке зрения Гершензона, отрицая в то же время и существование между Пушкиным и Воронцовой „переписки, о которой сообщала сестра поэта Ольга Сергеевна и Соболевский“; наконец, П. К. Губер („Дон-Жуанский список Пушкина“, П. 1923, с. 112—135), отведя отношениям

Пушкина и Воронцовой целую главу своей книги, находит, что „доводы, выдвинутые Гершензоном, не особенно убедительны. Правда, у нас нет никакого неоспоримого документального свидетельства для подтверждения „легенды“. Но сопоставление сохранившихся данных позволяет нарисовать довольно подробную картину отношений Пушкина к Воронцовой, отношений довольно сложных, это правда, но все же могущих быть представленными без преодоления тех психологических трудностей и мнимых противоречий, которые усиленно подчеркивает Гершензон“. Однако, утверждение Гершензона, что „Пушкин несомненно был влюблен в Воронцову, но мы ничего не знаем об этом, кроме голого факта“, остается в силе: более отчетливое представление об этих отношениях зависит от дальнейших розысков и счастливых находок. Не предпрещая исхода вопроса, укажем в заключение все то немногое, что известно нам из косвенных свидетельств в пользу и против легенды. Что о Пушкине и Воронцовой в Одессе ходили кое-какие слухи, подтверждает между прочим свидетельство Бутурлина: „Говорили, что Елисавета Ксавьеревна Воронцова очень любезно обращалась с А. С., но что ее супруг отворачивался от него. Сам я этого не видал“. (II, 15); подтверждает это и указание близкого к Воронцовым в 40 - 50 гг. гр. В. А. Сологуба („Воспоминания“, СПб. 1887, с. 233). Известно, что заметка о смерти Пушкина, появившаяся в „Journal d'Odessa“, по словам М. П. Щербинина „была принята всеми, а в особенности графинею Воронцовой, с восхищением... Спешу повергнуть перед вами мысль, родившуюся у графини Е. К., т. е. что большая часть стихотворений Пушкина созданы были в Одессе, во время его здесь пребывания. Мысль сия достойна быть обработанною“, сам же М. С. Воронцов к этой статье отнесся более чем холодно, „выразив недоумение, заслужил-ли Пушкин этот некролог, тем более, что подобного не было, например, по смерти Державина или Хераскова“ (Н. О. Лернер, По поводу отношений Пушкина к гр. Е. К. Воронцовой“ ПС VII, 77 — 78; А. И. Маркевич, Пушкин и Новороссийский край, Одесса 1900, 24—25). О восхищении Воронцовой стихами Пушкина и о том, что они в старости были ее „ежедневным чтением“ много раз писал П. И. Бартенев (указания его сгруппированы в заметке М. П. Алексеева „Пушкин и библиотека Воронцова“, во 2-м вып. настоящего сборника, стр. 97—98). Многочисленные и настойчивые утверждения его в этом вопросе имеют несомненное значение. Отправляясь в 1869 г. в Одессу издавать семейный архив Воронцовых, что было ему предложено кн. Сем. Мих. Воронцовым (род. 23 окт. 1823 г. в Одессе—ум. 6 мая 1882 г. в СПб.), последним в мужском колене представителем рода (РА 1884 III, 236—237), П. И. Бартенев, по словам своего племянника, получил напутствие от С. А. Соболевского, где тот писал: „Купайтесь в Черном и чернильном морях и спрашивайте княгиню, как она жила с Пушкиным“. „По моей вине, рассказывал мне дедушка, утеряны письма Пушкина к княгине Воронцовой; я мог бы их выпросить, но так боялся выразить на своем лице сму-

щение, что даже не упоминал о Пушкине, а княгиня свободно говорила и о нем и о Раевском“ (РА 1912 II, 572). Иначе рассказывает об этом сам Бартенев в своей записной книжке: „По кончине фельдмаршала Воронцова (1856), его вдова, подобно многим другим вдовам, принялась разбирать его переписку, долго этим занималась и производила уничтожения. Тут же она разбирала и собственные свои бумаги. Попалась небольшая связка с письмами Пушкина, и княгиня их истребила; но домоправитель ее Г. И Тумачевский помнит в одном пушкинском письме выражение: „Que fait votre lourdaud de mari?“ В глубокой старости княгиня Е. К. восхищалась сочинениями Пушкина: ей прочитывали их почти каждый день, и такое чтение продолжалось целые годы“ (РА 1912, II 159). Отношениям Пушкина и Воронцовой Бартенев уделил не мало места в своем „Русском Архиве“; от А. О. Росета он записывает, что Пушкин Е. К. Воронцову в шутку называл „La princesse (?) belvet-tile“, оттого что она, глядя на море, твердила известные стихи: „не белеют-ли ветрила, не плывут-ли корабли?“ (РА 1881 I, 246), печатает ценное свидетельство Булгакова о том, что в приготовлениях бегства Пушкина за-границу ему помогали Е. К. Воронцова и В. Ф. Вяземская, и что это стало известно самому графу (РА 1901 II, 187), наконец, приводит записи рассказов П. А. и В. Ф. Вяземской (1888 II, 306; 1908 III, 295; Бумаги Пушкина, т. II, с. 97), все это сопровождая своими примечаниями, которые несмотря на свою краткость, не оставляют сомнения в том, что об отношениях Пушкина к Воронцовой ему было известно очень многое. Ценнейшими источниками его, помимо тех лиц, которых он в начале 70-х гг. опрашивал в Одессе, были рассказы Вяземских, все еще недостаточно использованные (напомним свидетельство письма В. Ф. Вяземской от 15 июля 1824 г. на другой день после отъезда Воронцовых в Крым: „Puschkine... s'ennuyé bien plus que mois: les trois (?) femmes dont il était amoureux viennent de partir“ и т. д. ОА V в. 2, 125, или загадочную фразу ее сына относительно участия Пушкина в экспедиции против саранчи: „В этом предложении Новороссийского ген.-губ. он (Пушкин) увидел злейшую иронию над поэтом сатириком, принижение честолюбивого дворянина, и вероятно паче всего одурачение лове-ласа, подготовившего свое торжество“ и т. д.—„Пушкин по документам Остафьевского архива“ Собр. сочин. кн. П. П. Вяземского, СПб. 1893, с. 499). Подтверждает это и письмо П. А. Плетнева к Я. К. Гроту 20 февр.: „Княгиня [В. Ф. Вяземская] рассказала мне некоторые подробности о пребывании А. Пушкина в Одессе и его сношениях с женой нынешнего князя Воронцова, что я только подозревал“ (Сочин. и переписка Плетнева, т. II, 680).

В течении слишком 30 лет, протекших после отъезда Пушкина из Одессы, Е. К. была в центре одесского общества. „Не нахожу слов, которыми мог-бы описать прелесть ее, ум, очаровательную приятность в обращении“, записывает Н. С. Всеволожский в конце 30-х гг. „Соединяя красоту с непринужденной вежливостью,

уделом образованности, высокого воспитания, знатного большого общества, графиня пленительна для всех и умеет занять всякого разговором приятным. В ее обществе не чувствуешь новости своего положения; она умно, приятно и весело разговаривает со всеми“ („Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь“... М. 1839 т. I, с. 93). „Nulle femme à Odessa ne peut lutter contre la comtesse en matière de gout et de coquetterie. Aimable, gracieuse, elle sait conserver, dans un âge fatal aux autres femmes, toutes les séductions de la jeunesse (X. Hommaire de Hell. Les steppes de la mer Caspienne, Paris 1844 t. I, p. 31). Очаровательная, гостеприимная хозяйка, интересная собеседница, любительница искусств и сама хорошая музыкантша (РС 1894 IV, 134; С. Сафонов, Опис. пребыв. Имп. фамилии в Крыму. Одесса, 1840. с. 70), она, по врожденному тщеславию, любила поклонение и вокруг себя блестящую свиту друзей и обожателей (ИВ 1890, VIII, 266). Любопытно, что в 1840 г. Е. К. оказала покровительство М. Ю. Лермонтову, хотя и находила, что „порядочная женщина не должна его не только принимать, но и вовсе пускать близ себя“ (РА 1877 III, 132, 139). Среди ее обожателей в эти годы заметно выдавался ее двоюродный брат кн. Вас. Серг. Голицын, о любви которого к графине ходила по городу сплетня („Из архива К. Э. Андреевского“ Одесса 1913, т. I, с. 200). К. К. Эшлиман прямо говорит: „Жена светлейшего князя М. С. Воронцова... не отличалась семейными добродетелями, и также как и ее муж, имела связи на стороне“ (РА 1913 I, 355—356). В. А. Сологуб писал о ней: „В ней было много много привлекательного. Даже в годах преклонных она сияла неуывадавшей женственностью, оставалась изящною и молодою по чувству ко всему доброму и прекрасному. В ней соединялись два условия обворожительности: как полька по роду Браницких, она всегда оставалась грациозною; как русская по роду Потемкиных, она всегда поражала сановитостью. Собственно красавицею она никогда не была, но никакая красавица не могла бы с нею сравниться. Ее ум, ее тонкое образование, деятельность неутомимая, доброты и прелесть обхождения отвечивались в ней врожденным свойством женской грации, не исчезавшей даже и в самых преклонных годах. На Кавказе, когда ей было уже 60 лет, обворожительность ее сохранилась в полном блеске и даже усиливалась по мере того, как ее общественное положение принимало более простора и значения“ („Памяти Е. К. Воронцовой“—„Правда“ 1880 № 116, 6/18 мая).

По смерти мужа, которого Е. К. оплакивала искренне и горячо („Из архива К. Э. Андреевского“ т. I, 156), она целиком отдалась делу общественной благотворительности (см. некрологи и статьи, посвященные ей—ОВ 1880, 16 и 17 апр.; С. Швабахер, Речь в воспоминание покойной кн. Е. К. Воронцовой Одесса 1880). Похоронена в одесском Кафедральном соборе.

13. **Воронцов**, Михаил Семенович (р. 17 мая 1782 — ум. 6 ноября 1856), граф (с 1854 г. — князь). Назначенный 7 мая 1823 г. на должность Новороссийск. и Бессарабск. ген.-губернатора, В. прибыл в Одессу 21 июля 1823 г.; 22 июля ему представлялись условия и чиновничество (РА 1905 III, 568), а 26-го, через Тирасполь и Бендеры, В. прибыл в Кишинев, где 28 июля принял должность от ген. И. Н. Инзова (К. Смольянинов. История Одессы, Од. 1853, 189). А. И. Тургенев перед отъездом Воронцова на место назначения говорил с ним, „истолковал ему Пушкина, и что нужно для его спасения. Кажется, это пойдет на лад. Меценат, климат, море, исторические воспоминания — все есть; за талантом дело не станет, лишь бы не захлебнулся“ (ОА II, 333). Еще ранее Тургенев извещал Вяземского: „Я говорил с Нессельроде и с графом Воронцовым о Пушкине. Он берет его к себе от Инзова и будет употреблять, чтобы спасти его нравственность, а таланту даст досуг и силу развиться“ (ibid., 328). Пушкин был от души благодарен Тургеневу и писал ему 1-го декабря: „Я обнимаю вас из прозаической Одессы, не благодаря ни за что, но цена в полной мере и ваше воспоминание и дружеское попечение, которому обязан я переменной своей судьбы“ (Переп. I, 89). В письме к брату 25 августа 1823 г. Пушкин рассказывает, как произошла его встреча с Воронцовым: „...я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу — я оставил мою Молдавию и явился в Европу... Между тем приезжает Воронцов, принимает меня очень ласково, объявляет мне, что остаюсь в Одессе“... (Переп. I, 75). По мнению П. И. Баргенева „А. С. Пушкин, в первые месяцы управления Воронцова Новороссийским краем, еще не поддался внушениям А. Н. Раевского и находился в наилучших отношениях с своим новым начальником“ (АВ XXXVIII, 297 прим.), однако об их отношениях в этот период, как служебных, так и частных, нам не известно ничего достоверного. Нуждаясь в умелом редактировании русского перевода Бессарабского кодекса (чем впоследствии был занят гр. Бруннов), гр. Д. Н. Блудов писал Воронцову из Петербурга 22 дек. 1823 г.: „Pouschkine, je le crains, ne voudra pas s'en charger; mais on m'a dit qu'un certain m-r Schwarz, qui est aussi auprès de vous, écrivait le russe avec élégance, correction et facilité“ (АВ XXXVIII, 297). Последующая история отношений Пушкина и Воронцова достаточно подробно изложена (см. Венг. II, 271 в статье Н. О. Лернера „П—н в Одессе“ и в его же примечаниях к № 371, 382, 383, 394, 402, 494, 512), и потому мы на ней не останавливаемся. Для истории этих отношений, повлекших за собой окончательный разрыв, между прочим, существенно то, что в 1824 г. В. очень часто отлучался из Одессы. Некоторые даты указаны выше (с. в. „Е. К. Воронцова“); прибавим к ним несколько других, специально относящихся к М. С. „В 1824 г., пишет сам Воронцов в своих автобиографических заметках, у меня было много разъездов в окрестности Одессы (dans le pays) и в Крым, где в Инкермане около Севастополя я схватил сильную лихорадку... Я страдал ею более или менее до конца этого года, но осенью я

смог уехать в Белую Церковь и Мошны. В этом году мы заложили фундаменты наших домов в Одессе и в Алушке. Кроме этого, в этом году не произошло ничего замечательного“ (АВ XXXVIII, 74). Из публикаций газеты „Journal d'Odessa“ 1824 г. (за точность приводимых здесь сведений нельзя ручаться) мы знаем, действительно, что В. отсутствовал в Одессе между 25 янв. и 9 февраля и потом дважды отлучался в середине и конце марта; в апреле, как указано выше, он вместе с Е. К. ездил в Мошны и Белую Церковь, а в середине июня уехал в Крым, где и оставался до половины октября (Виг. VI, 184, 186, 189; РА 1903 II, 72), тогда как Е. К. уехала оттуда значительно раньше. Уже 27 марта В. пишет гр. К. В. Нессельроде о необходимости удалить П — на из Одессы, а 8-го июля последовало высочайшее повеление об увольнении Пушкина от службы (См. „Материалы для биографии А. С. Пушкина“, Лейпц. 1875, с. 35—37; РС 1879 т. XXVI, 292—293; РС 1887 № 1, 246; Гастфрейд, Докум. Госуд. и СПб. Главных Архивов Мин. Иностр. Дел... СПб. 1900 с. 2). Однако, уезжая в Крым, Воронцов не знал еще, что не увидит больше Пушкина в Одессе; отношение гр. Нессельроде было получено Воронцовым в Крыму, откуда он и сделал все необходимые распоряжения для высылки Пушкина в Псковскую губернию (Ср. РС 1887, № 1, 246 сл.; Пскович, „Новые документы о Пушкине“ „Голос Москвы“ 1912 № 24, от 29 янв.: текст письма Воронцова к псковскому губернатору; „Ведомости Одесск Градоначальства“ 1899 № 102: „Дело о Пушкине“). А. И. Тургенев, одним из первых узнав о ссоре Пушкина с Воронцовым, тотчас же отправился к Нессельроде, „желая, соûte qui соûte“ оставить его на прежнем месте, но узнал, что это невозможно, т. к. „уже несколько раз, и давно, Воронцов представлял о сем“ (увольнении). „Виноват один Пушкин. Графиня его отличала, отличает, как заслуживает талант его, но он рвется в беду свою. Больно и досадно. Куда с ним деваться?“ (ОА III, 57—58). Осудили Пушкина и Булгаковы; „Вяземский“, писал А. Я. Булгаков 21 июля 1824 г. „имеет свежее письмо от жены. Она ему не пишет ничего, а только говорит о ссоре Пушкина с Воронцовым и обвиняет молодую голову стихотворческую. И подлинно, чего ожидать от того, кто не умел ужиться с таким начальником, как Воронцов?“ 31 июля 1824 г. тот-же корреспондент пишет: „О Пушкине, несмотря на прекрасные его стихотворения, никто не пожалеет. Кажется, Воронцов и добр и снисходителен, а и с ним не ужился этот повеса. Будет, живучи в деревне, вспоминать Одессу, да нельзя уже будет пособить“ (РА 1901 II, 71). Впоследствии общественное мнение, при разборе отношений Пушкина и Воронцова, склонялась не в пользу последнего. К. И. Фишер пишет: „Воронцов - вельможа всеми приемами производил очень выгодное впечатление; впоследствии сарказмы Пушкина туманили его репутацию, но я продолжал верить в его аристократическую натуру и не верить Пушкину, тем более, что князь Меншиков отзывался о нравственных качествах Пушкина очень недоброжелательно, и, как кажется считал его шпионом, provocateur (за-

чинщиком). Но когда Воронцов послал к Позену на дачу поздравить его с днем рождения, я поневоле должен был разделить мнение о Воронцове, господствовавшее в общественной молве. Под конец воронцовские мелкие интриги, нахальное лицепрятие и даже ложь — уронили его совершенно в моем мнении, и я остаюсь при том, что он был дрянной человек“ („Записки сенатора К. И. Фишера“ ИВ 1908 № 2, с. 449). Кн. С. Г. Волконский характеризует Воронцова, как человека „ненасытного в тщеславии, не терпящего совместничества, неблагодарного к тем, которые оказывали ему услуги, неразборчивого в средствах для достижения своей цели и мстительного до-нельзя против тех, которые, или стоят на его пути, или действуя по совести, не хотят быть его рабами“. По его словам, быт одесский при гр. Ланжероне „был самый приятный; общество не было стеснено аристократическими замашками, как впоследствии при гр. М. С. Воронцове, корчившем из себя в Новороссийском крае Ост-Индского генерал-губернатора“ („Записки“ СПб. 1902, с. 325, 399). „При дворе графа Воронцова, писал В. В. Григорьев П. С. Савельеву, есть обычай совершенно царский. Некоторые дамы и девицы целуют руку у его супруги... А, каково? Вот тебе и англомания на тибетскую статью“ (Н. И. Веселовский, В. В. Григорьев, СПб. 1887 с. 71, 73). Кн. П. А. Вяземский также отметил в своей „Записной книжке“ под 20 авг. 1858 г.: „Вчера с генералом Гофманом... ездил я в *Ottoquel*. Много рассказов о Воронцовской Одессе. И это считалось рыцарем и государственным человеком!“ (Полн. собр. соч. т. X, 212). Любопытен отзыв о нем кн. Дондукова-Корсакова: „Кн. Воронцов любил строгую исполнительность по службе и, вообще, не допускал, чтобы прекословили или противодействовали его видам или намерениям. В этом отношении он был... совершенный деспот; неудовольствие свое высказывал всегда сдержанно и скорее язвительными намеками, но мнение о лице, не исполнившем его виды или не понявшем его приказания, устанавливалось надолго в памяти князя, и много надобно было сделать впоследствии, чтобы изменить составившийся у него взгляд о достоинствах или способностях человека“ (Ст. Нов. V, 139). Ко всему, что известно об отношении Воронцова к Пушкину после высылки его из Одессы, любопытно прибавить, что 27 дек. 1835 г. В. писал гр. П. Д. Киселеву: „*Dites moi, je vous prie, comment a terminé le procès de Pouchkine?*“ (AB XXXVIII, с. 12). К письму арх. Иннокентия Воронцову, в котором первый восхищался „башней Святослава“, выстроенной Воронцовым в Мошнах („Сколько воспоминаний! Сколько поэзии! На этом месте можно простоять неделю, не вспомнив о том, что надобно сходить вниз. Жаль, что нет уже у нас певца Бахчисарайского“...), П. И. Бартенева сделал сл. примечание: „Иннокентий, от друга своего М. А. Максимовича, мог знать, что князь Воронцов в этом именно году, будучи в Петербурге, посетил вдову Пушкина и тем выразил уважение к памяти поэта, некогда ему враждебного“ (AB XXVIII, 490). Однако, утверждение Бартенева, что к концу жизни Пушкин „соз-

нал неблагоприятность своих к нему (Воронцову) отношений, раскввался в известных стихах („Полумилорд“ и пр.) и писал, что если в России можно с кем служить, то конечно с Воронцовым“ (Ib., 297 прим.), следует принимать с большими оговорками. Об этом свидетельствует прежде всего злорадная запись „Дневника“ Пушкина: „Б [олховской] сказывал мне, что Воронцову вымыли голову по письму Котляревского... Он (т. е. Б.) очень зло отзывается об одесской жизни, о Гр. Вор. и его соблазнительной связи с О. Н. [Нарышкиной] etc. etc.“ (Ср. ДПП, 143; ДПМ, 379 — 390, с обширными данными о Воронцове, которые, поэтому, здесь и опускаем).

14. **Вяземская**, Вера Федоровна, кн., рожд. кн. Гагарина (р. в сент. 1790, ум. 8 июля 1886), жена кн. П. А. Вяземского (1792 — 1878), одного из ближайших друзей Пушкина. Летом 1824 г. Вяземская с двумя детьми (Николаем и Надеждой) приезжала в Одессу купаться в море. Из Остафьева (подмосковной Вяземской) она двинулась в путь не 26 мая, как сообщает сам П. А. (ОА III, 48), и не 22-го, по свидетельству бывшего при ее отъезде А. Я. Булгакова (РА 1901 II, 58), а 24 мая, как видно из ее дорожных писем к мужу (ОА V в. 2, 97, 261. П. А. Вяземский писал Н. И. Кривцову 15 мая 1824 г.: „Моя жена едет на той неделе в Одессу с двумя детьми, а я остаюсь в Остафьеве с остальными и хозяйственными заботами“. Отч. Имп. Публ. Библ. за 1892 г. Прилож. стр. 47), и, следовательно, приехала в Одессу в середине июня (В недатированном письме Пушкин писал Вяземскому: „Жена твоя приехала сегодня“. Переп. I, 80; „Кажется теперь уже должна ты быть в Одессе“, писал П. А. жене 11 июня — ОА V в. 1, 13), где и поселилась в доме Давыдовых. Пушкин писал брату 13 июня 1824: „Сюда приехала кн. Вера Вяземская, но мужу был бы я больше рад“ (Переп. I, 117). С Пушкиным она виделась „поминутно“ (ОА III, 61) и скоро они стали друзьями. По преданию, слышанному от П. И. Бартенева, В. Ф. в Одессе „увлекалась Пушкиным“, что вполне вероятно (Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартеневым... ред. М. Цявловского М. 1925, с. 79). Письма ее к мужу, опубликованные в 1913 г. полны рассказов о Пушкине и об одесском обществе (ОА V в. 2, 100 — 147. Ответные письма П. А. Ibid. V в. I и т. III); они являются ценнейшим материалом для изучения одесского эпизода его жизни и далеко еще не использованы. Интимный кружок Вяземской в Одессе составляли, главным образом, гр. Волконская с дочерью, Гурьевы: здесь же она познакомилась с Бутурлиным, Вигелем (отзыв о ней в его „Записках“ т. IV, 123 — 125 и VI, 29), Савеловым и другими. Воронцовы приняли ее очень любезно, но сближения у нее с ними не произошло, между прочим и потому, что вскоре после ее приезда они уехали в Крым: „Dis a Boulgakoff que je ne connais que fort peu les Voronzoff, пишет Вяземская мужу; ils m'ont accueilli fort poliment, voila tout ce que j'en puis dire; ils étaient au moment de leur dé-

part pour la Crimeé, quand je suis arrivée; quand au noirceurs, qu'il me reproche, elles sont sans fondement, je lui suis fidèle, autant par raison que par besoin. Le seul homme que je conaisse est Puschkine, et je crois que je lui ferai plutôt une infidélité pour l'oncle que par le neveu" (ОА V в. 2, 119). Впрочем по возвращении Е. К. Воронцовой из Крыма в Одессу (25 июля) отношения их, правда опять таки на короткий срок, установились самые теплые и дружеские; в письме от 27 июля Вяземская сообщает мужу, что она ежедневно видится с Воронцовой и что они обе продолжают оставаться в неизвестности относительно судьбы Пушкина: „Nous continuons à ne rien savoir sur le sort de P(ouchkine). Même la C (omtesse), elle sait comme toi qu'il doit quitter Odessa. Son mari a dit simplement qu'il n'y avait rien à faire pour P(ouchkine) à Odessa, mais nous ne savons pas comme cela finira" (ОА V в. 2, 136—137). Вероятно к этому же времени относятся планы побега Пушкина, в котором содействие ему должны были оказать и Воронцова и особенно Вяземская. А. Я. Булгаков передает в письме к брату от 12 июня 1825 г. со слов М. С. Воронцова, что последний желал, чтобы сношения его жены с Вяземской прекратились: „он очень сердит на них, особенно на княгиню, за Пушкина, шалуна-поэта, да и поделом. La W. (Вяземская) a voulu favoriser sa fuite d'Odessa, lui a cherché de l'argent, une embarcation" РА 1901, II, 187). Вяземская была вообще посвящена в сердечные тайны поэта и во все обстоятельства его жизни; благодаря этому большой интерес представляют, помимо ее переписки, рассказы ее о Пушкине в Одессе, записанные от нее самой и со слов ее мужа и сына П. И. Барте-невым („А. С. Пушкин. Из его бумаг". М. 1885, II, 97; РА 1888 II, 306; РА 1908 III, 295). Любопытно, что П. А. Плетнев писал Гроту 20 февр. 1846 г.: „Княгиня (В. Ф. Вяземская) рассказала мне некоторые подробности о пребывании Пушкина в Одессе и его сношениях с женой нынешнего князя В—ва, что я только подозревал" (Сочинения и переписка П. А. Плетнева т. II, 680). Я. К. Грот забыл об этом; занимаясь впоследствии биографией Пушкина, он писал П. А. Вяземскому в 1874 г.: „На-днях я провел вечер у Кат. Ник. Орловой (рожд. Раевской). Она сообщила мне некоторые поправки к рассказам Анненкова и Бартенева. Ей кажется, что княгиня Вера Федоровна была в Одессе одновременно с Пушкиным. Справедливо-ли это?" (Ст. Нов. XIX, 5). Ответ Вяземского на этот вопрос неизвестен. Вяземская склоняла мужа поступить на службу к Воронцову и переехать на жительство в Одессу (ОА III, 61), о чем П. А. думал еще весной 1824, в марте месяце этого года прося Пушкина приискать ему дом (Переп. I, 102, 103—104); после долгих колебаний Вяземский отказался от этой мысли, быть может под влиянием А. И. Тургенева и особенно Пушкина (см. письмо П—на Вяземскому 15 июля 1824 г.: „Приедешь-ли к нам в полуденную пыль? Дай бог, но поладишь-ли с здешними властями это вопрос, на который отвечать мне не хочется, хотя и можно-бы" Переп. I, 125; ОА V в. 1, 39). При своем

поспешном отъезде из Одессы Пушкин занял у Вяземской 600 руб., которые и возвратил ей в конце января 1825 г. (Переп. I, 261, 171). Вяземская оставалась в Одессе до середины августа 1824 г. (ОА V, 62, 41, 43) после чего уехала в Остафьево. Впоследствии она часто встречалась с Пушкиным в Москве и Петербурге до самой его кончины. (РА 1887, II, 306 и 307. Л. Н. Павлищев. Воспомявая о Пушкине, СПб 1890, с. 242, 427; П. Е. Щеголев. Дуэль и смерть Пушкина. ПС XXV — XXVII, П. 1916. с. 045, 046, 060 и др. А. С. Поляков. О смерти П — на П. 1922 с. 53—55). По словам П. И. Бартенева Вяземская „до конца жизни сохраняла живую, сочувственную память о Пушкине“. (РА 1887 I, 146). Гр. С. Шереметев упоминает о том же: „Любила она вспоминать о Пушкине, с которым была в тесной дружбе, чуждой всяких церемоний. Бывало зайдет к ней поболтать, посидит и жалобным голосом попросит: „Княгиня, позвольте уйти на суденышко!“ и, получив разрешение, уходил к ней в спальню за ширмы. Она иначе не называла его, как „Alexandre Pouschkine“ („Из семейной старины“ — Ст. Нов. VI, 331).

15. Гунчисон. В письме Пушкина к неизвестному лицу (первая полов. марта 1824) (по правдоподобию предположению, к кн. П. А. Вяземскому — РА 1889 II, 113. Ср. РА 1879 III, 470) из Одессы, перехваченном на почте и послужившем одним из поводов к его ссылке в деревню, Пушкин пишет о своем времяпрепровождении: „Пишу пестрые строфы романтической поэмы и беру уроки чистого афеизма. Здесь англичанин, глухой философ, единственный умный афей, которого я еще встретил“ и т. д. (Переп. I, 103). По указанию А. И. Левшина (см.) доктор атеист „Гунчисон“, учивший Пушкина своей философией, лет пять спустя после истории с Пушкиным, был в Лондоне ревностным пастором англиканской церкви (Анненков, П — н в Александр. эпоху, с. 260). П. О. Морозов (Просв. VIII, 441; Венг. VI, 534) справедливо сомневается в правильности передачи фамилии: мы ожидали бы скорее Hutchinson; но в „Dict. of National Biography“ (t. XXVIII) нет подходящего лица с указанными или сходными фамилиями (Huskisson, Hutcheson). Подробности о письме П — на см. еще в статье П. И. Капниста РС 1899 т. 98, с. 241 — 245 и его же сочинениях М. 1901 т. II, 132 — 133. По неосторожному предположению А. А. Рябинина („Бывое“ 1925 № 4, с. 155) „атея“ письма Пушкина — англичанин Вольсей, о котором рассказано в „Записках“ М. Чайковского (Садык-Паши) — КС 1891, I, 50 — 51. Последний говорит, что Вольсей был директором Ришельевского лицея и оставил должность после размовки с Воронцовым, что совершенно неверно. П. П. Вольсей (Wolsay), иезуит (Морошкин, Иезуиты в России... СПб. 1888, II, 420), основил в Одессе при Ришелье частный пансион; из Одессы уехал в 1811 г., а лицей был основан только в 1817 г. Детальный разбор всех нелепостей рассказа Чайковского и подробные сведения о Вольсее см. Н. Ленц. Учеб-

но-воспитательн. заведения, из которых образовался Ришельевский лицей, Од. 1903, с. 28, 40, 87 — 8, 343 — 344.

16. **Гурьев, граф Александр Дмитриевич** (р. 31 мая 1787 — ум 16 дек. 1865, даты заимств. из „Петербургск. Некрополя“ т. I с. 708), сын Дм. Александровича Г., известного министра финансов при Александре I (1751 — 1825). С 3 июня 1822 по 15 мая 1825 г. был одесским градоначальником (А. А. Скальковский, Хронол. обзор. Ист. Новоросс. края I, 296. Ср. РА 1912 II, 407; но не с 1823 г., как утверждает О. М. Лернер, „Одесск. старина“ Од. 1902, с. 14, дающий, м. проч., и краткую характеристику его административной деятельности в Одессе). Впоследствии Г. был киевск. ген.-губерн. (КС 1901 V, 82 — 83; РА 1889 II, 529), далее — в чине сенатора и ген.-лейтенанта был полтавск. и черниговским ген.-губ. („Чт. Общ. Ист. Др. Росс.“ 1869 II, 77), в 1839 г. — членом гос. совета, в 1848 г. — председ. департамента Гос. Экономии (Архив гр. Мордвиновых, СПб 1903, VIII, 310, 384 — 316). Г. был женат на Авдотье (Евдокии) Петровне Толстой, известной своей эксцентричностью (о ней рассказ. Бут. II, 571 — 572), а сестра его — Марья Дм. была замужем за гр. Нессельроде и в биографии П — на известна, как один из его злейших врагов (ДПП, 75). В. П. Кочубей в письме к М. М. Сперанскому из Одессы от 18 янв. 1825 г. дает нелестный отзыв о Г. как об администраторе: „По наружности я думал, что он человек здравого рассудка и педант, который мог быть полезен для исправлений ветренности Ланжерона; но оказалось, что нет никакой способности и дела еще более запутались“ (РС 1902 XI, 318 — 319). Отзывы других современников говорят также не в его пользу: „особа тяжелая в обществе изысканными и протяжно натянутыми своими фразами: собеседнику приходилось долго дожидаться, чтобы уловить мгновенное его молчание и вставить свое слово“, вспоминает о нем Бут. (II, 18, 30). П. Д. Киселев писал А. А. Закревскому о Гурьеве: „он большой и словоохотливый систематик“, на что Закревский отвечал: „Одесский Гурьев очень говорлив, а о пользе его предприятий ничего не могу говорить, ибо не знаю его занятий, но не думаю, чтобы он был большой преобразователь“ (СБИРИО т. 78 с. 119, 278). Пушкин, конечно, в Одессе не раз встречался с Г. и м. быть бывал у него в доме; есть сведения, что Г. рассказывал П — ну историю двух давних поединков Липранди (РА 1866 г. 1455); м. проч. предписание о высылке П — на из Одессы и вся связанная с этим делом переписка после отъезда в Крым Воронцова велась именно Гурьевым (РС 1887, I, 246 — 247). В черновом письме в Одессу к неизвестному лицу от начала дек. 1824 г. П — н писал: „скажите, во-первых, выздорovala-ли кисленькая гр. Гурьева“... (Переп. I, с. 154; по поводу этого места см. в I вып. настоящ. сборника с. 62 прим.). Речь, вероятно, идет здесь о больной дочери Г., которая умерла 6-го августа. П. А. Вяземский писал Тургеневу после получения письма от жены (ОА V, в. 2, 136) о смерти „семилетней дочери Гурьевой,

которая умерла жертвою невежества одесских докторов, не понявших ее болезни и лечивших ее от другой" (ОА III, 78).

17. **Давыдов**, Александр Львович (1773 — 1833). Служил в Преображенском полку с 1785 г., с 1800 — в кавалегардах, участв. во французских и финляндской войнах, несколько раз был ранен, а в 1815 г. вышел в отставку с чином ген-майора и поселился в имении матери — „Каменке“, сделавшемся с 1820 г. центром, где съезжались будущие декабристы („Сборн. биографий кавалегардов“, статья Н. Советова, т. II, 459 — 462 и прим. Б. Л. Модзалевского в АР I, 42 — 43). Здесь Д. познакомился и с Пушкиным. Сохранилось письмо Д. от 15 дек. 1820 г. к И. Н. Инзову из Каменки („Дело о Пушкине“, изд. „Пушк. Ком. Одесск. Артистич. Общ.“ Од. 1899 с. 9), из которого видно, что по просьбе именно Д. — ва Инзов разрешил П. — ну погостить в Каменке. В этом письме Д. уведомляет Инзова о простуде П. — на, заверяя его, что тотчас по своем выздоровлении П. — н незамедлит возвратиться в Кишинев. По воспомин. В. П. Горчакова „А. Л. отличался изысканностью маркиза. Все они (он и его жена) дружески обращались с Пушкиным, но выражение приязни А. Л. сбивалось на покровительство, что, как мне казалось, весьма не нравилось Пушкину“. („Москв.“ 1850 № 2 янв. кн. 2, с. 152). *Von-vivant* по натуре, симпатичный весельчак, А. Л. был в общем пустым, хотя и не глупым человеком, однако, совсем далеким от интересов всего каменского кружка, мирно дремавшим во время горячего спора о тайном обществе (Зап. И. Д. Якушкина, изд. 1905, 50 — 52). В 1884 г. Д. был в Одессе, где, по воспоминаниям М. Ф. Де-Рибаса (Отз., 116 — 117), часто виделся с П. — ным. Д. интересовался поэтическим творч. П. — на: он напр. „знал „Демона“ наизусть и не раз декламировал его... с самодовольным видом, восхищаясь тем, что его племянник (А. Н. Раевский) увековечил в стихах и самого Д. (ibid., с. 115 — 116). Пушкин увековечил в стихах и самого Д. („Евг. Онегин“ гл. I, строфа XII), в стих — ни „Нельзя мой толстый Аристипп“ (1824), напис. по поводу приглашения Давыдовым П. — на поехать с ним в Крым (Венг. II, 210, III, 510, с обстоятельным комментарием Н. Лернера), а также его жену Аглаю Антоновну, рожд. Де-Граммон („К Аглае“, 1822 и эпиграмма: „Иной имел мою Аглаю“, 1822) и дочь — Адель („Играй, Адель“, 1822). Отличавшийся необыкновенной физической силой, громадным ростом и „непомерной толщиной“ (Отз., 116 — 117), Д. был большой гурман, на что намекает и П. — н в последнем стихе обращенного к нему стих — ия; много лет спустя П. — ну напомнил Д. Шекспировский Фальстаф (Венг. III, 510). Возможно, что под влиянием П. — на Д. в конце 1824 г. поместил сына своего Владимира в Царскосельский лицей, о чем С. Г. Волконский, на котором лежали все хлопоты, извещал П. — на (Переп. I, 139). О Д. — ве П. — н упоминает в письме к брату в 1825 г. (Переп. I, 183).

18. **Завальевский**, Никита Степанович, сын д. с. с. Степана Никитича, бывшего в 1798 — 1802 г. петербургским губерн. Служил в Л.-гв. саперном батальоне, вышел в отставку гвардии поручиком и в 1824 — 25 гг. состоял чиновником особых поручений по таможенной части при Воронцове (Ср. Бут. II, 16). З. принимал участие в экспедиции на саранчу, причем согласно данному ему маршруту объехал: Тирасполь, часть Подольской губ. (имение Мих. Каэтановича Собаньского), Ольвиополь и возвратился в Одессу (Дело АГГ, 1823 № 4 ч. 2 л. 12). В 1824 г. З., по поручению Воронцова, инкогнито производил расследование таможенных злоупотреблений на границе (Дело АГГ, секр. 1823 № 1). Близкий к Воронцову (Липранди, Замечания, с. 160), он постоянно находился в его свите (о приезде его с В — вым в сентябре 1825 г. в Таганрог — РА 1880 III, 272). Он был одним из приглашенных летом 1824 г. в Крым, о чем А. Н. Раевский вспоминал в письме Пушкину в августе 1824 г. По воспоминаниям Вигеля (VI, 120) „Пушкин им забавлялся, позволяя ему всякие с собою фамильярности, а З. почитал свое знакомство лестным для Пушкина“. В письме к Вигелю (ноябрь 1823 г.) Пушкин писал о нем, с иронией намекая на его близость к Воронцову: „Буду на днях экзекутор и камергер в подр(ажание) другу Завальевскому“ (Переп. I № 56). А. Н. Раевский в письме П — ну 21 авг. 1824 г. описывает крымское путешествие З — ого: „Zavaliévsky continue à faire le bonheur de ses amis et connaissances; maintenant il a une nouvelle prétention: c'est celle de littérateur; il a fait le voyage de la côte meridionale de la Crimée à cheval, le „Mérite des femmes“ à la main, se récriant à chaque pas tantôt sur les beautés de la poésie, tantôt sur celles de la nature, le tout en mauvais français, à la portée de la belle compatriote seulement et de votre caricature, qui parfois même trouvait du mauvais goût dans son enthousiasme. Il a fini par tomber de cheval au milieu de ses rêveries poétiques“ (АР I, 240 — 241, с заметкой о нем Б. Л. Модзалевского). В 1826 — 27 гг. З. жил в Москве и пробовал заниматься литературой, но кажется неудачно (Переп. I, 383, 385; Л. Н. Майков, Пушкин, с. 334). В 1827 г. З. женился на бывшей много старше его вдове ген-м. Артемия Ив. Раевского — Маргарите Васильевне. 7 февраля 1827 г. Вигель посетил итальянскую оперу в Москве: „Тут в креслах встретил я двух одесских знакомых, Пушкина и Завалиевского. Увидя первого, я чуть не вскрикнул от радости; при виде второго едва не зевнул“ (Зап. VII, 133 — 134; М. А. Цявловский. Рассказы о Пушкине... 1925 с. 132).

19. **Зонтаг**, Анна Петровна (р. 6 июля 1785 — ум. 18 марта 1864), рожд. Юшкова, старшая дочь Варвары Афанасьевны (рожд. Буниной) и Петра Ник. Юшковых, племянница Жуковского. В 1817 г. А. П. вышла замуж за Егора Васильевича Зонтага, родом американца, служившего в черноморск. флоте (Е. В. поступил на русскую службу в 1811 г. лейтенантом черноморск. флота; в 1824 г. был капитаном над портом и инспектором одесской ка-

рантинной конторы — Бут. II, 18, 32; Виг. VII, 216; в 1830 г. оставил службу с чином д. с. с. и умер в 1841 г.). По рассказу Липранди II — н встречался с З. в Одессе, где вокруг нее образовался маленький литературный кружок, и в определенные дни устраивались литературные вечера, но — „по приглашению ее бывать у ней, он ограничивался редкими визитами. Помню очень хорошо, как Пушкин издевался над Туманским за чтение в этом собрании Фауста“ (Липр. 1475). А. П. была широко известна, как писательница (сл. письмо П — на Вяземскому 20 дек. 1823 Переп. I, 93) и, по отзыву одесского литератора, в 30-х гг. считалась „главною представительницей одесской беллетристич. деятельности, имеющей литературную известность“ (Од. Альм. на 1840 г. с. 30). С основанием „Од. Вестника“ З. сделалась его сотрудницей, печаталась в „Од. Альманахе“ и в столичных журналах и изданиях. И. Киреевский в своем письме к З. „О русских писательницах“, давая характеристику ее, как писательницы, говорит, м. проч., что она „в сочинениях своих ищет не блеска, но пользы, действуя для цели прекрасной, возвышенной так, как другие не умеют действовать для корыстных наслаждений самолюбия“ („Подарок бедным“ Од. 1834 с. 151). Все произведения ее, особенно же для детей, носят на себе отпечаток влияния Жуковского, с которым З. вместе воспитывалась и сохраняла дружеския отношения (о свидании Жуковского с З. в Одессе в 1837 г., см. А. И. Маркевич, Отношение Жуковского к русск. писателям и артистам — „Зап. И. Новоросс. Ун — та“ 1902, т. 89, 59 — 60, 62 — 64). М. П. Розберг писал невесте из Одессы в 1830 г., после знакомства с З.: „Таких женщин, как Анна Петровна, без увеличения говорю, мало на свете. Что за доброта, что за милое, непринужденное обращение! Она в полном смысле прекрасная женщина, ангел доброго сердца и приветливостью. С первого раза она просила меня не почитать ее дома для меня чужим, показывала все комнаты, которые очень красивы. Из всех окон фасада видно море, корабли... (З. жила в Воронцовском переулке, рядом с домом В — вых). Она очень знакома с графом и графинею Воронцовыми, которые часто у ней бывают“. „Сам Зонтаг, смотритель здешнего порта, настоящий англичанин, но это не мешает ему быть весьма милым, хотя, впрочем и увесистым человеком“. (Н. Лернер. „Одесса в 1830 г.“ — „Одесск. Новости“, 26 февр. 1913 № 8958; о близости З. к Воронцовым см. еще ОА V, 2, с. 102; Н. Н. Мурзакевич, Автобиография СПб. 1886 с. 67, 135). Овдовев, З. проживала в своем наследственном имении (с. Мишенское, под Белевым, которое было родиной Жуковского); здесь и скончалась. Опуская указания на многочисленную литературу о З. назовем здесь лишь важнейшие библиографич. пособия: Н. Голицын, Словарь русск. писательниц, СПб. 1889, с. 117 — 118. Венг. Источн. II, 449; РБСл (1916): статья А. С. Николаева, с. 451 — 463. Единственная дочь З. Марья Егоровна была впоследствии замужем за австрийским консулом в Одессе — Гутмансталем и в 4 вып. РА за 1874 г. напечатала (без подписи) заметку: „Поединок и кончина

20. **Казначеева**, Варвара Дмитриевна (р. 29 янв. 1793 ум. 24 апр. 1859), ур. кн. Волконская, дочь небогатого рязанского помещика (АР II, 234), супруга Александра Ивановича. По отзывам современников К. была женщина властная и строгая, „неимоверно гордившаяся своим княжеским титулом и ко всему в мире относившаяся свысока“ (ИВ 1911 I, 105). Она была „страстной любительницей литературы“ („Записки, мнения и переписка адм. А. С. Шишкова. Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина Berlin 1870, I, 315 прим.); что она умела собирать вокруг себя общество людей, интересовавшихся умственными и литературными вопросами, об этом свидетельствует А. Ф. Воейков, посвятивший ей стих. „Зимний Вечер“ („Новости литературы“ 1823 № XXXIX, 202 — 208): здесь говорится о собраниях зимою кружком, члены которого проводили время в играх, чтении и пении. Туманский, бывший хорошим знакомым Казначеевых, также посвятил ей стихотворение „Две звездочки“ (1824). Стихотворения и письма, СПб. 1912, с. 129 — 130, 351 — 352). О ней мы имеем отзыв Вигеля (VI, 91): „Она была еще свежа, бела и румяна, но чрезвычайно толста и кривобока и неприятное выражение лица ее было ничто перед неприятным ее нравом. Не то, чтобы она была с кемнибудь неучлива, но всегда как бы сердита и недовольна... К тому же она имела претензию на ум и на знание, кои в ней вовсе не было, выдавала себя за великую литераторшу, говорила, что пишет стихи, которых никому не показывает, и хотела было завести маленькое литературное общество. Туманский на то было поддался, но Пушкин со смехом принял предложение“. Липранди также пишет, что Пушкин „без видимой охоты посещал литературные вечера Варвары Дмитриевны... очень умной, любезной и начитанной женщины, страстной любительницы литературы. Радужное гостеприимство мужа ее, Александра Ивановича... не привязывало Пушкина“ (РА 1866, 1475). По отзывам современников В. Дм. „была строгого нрава и держала в руках не только мужа, но и всех его подчиненных“. (О. О. Чижевич. Г. Одесса и одесск. общество Пр. Од., 31). А. И. Соколова (Казначеев был двоюродным братом ее отца) в своих воспоминаниях рассказывает о ней следующее: „Варвару Дмитриевну все единодушно ненавидели так же горячо, как горячо любили ее мужа, и в бытность дяди градоначальником в Одессе не было той сферы одесского народонаселения, среди которого не раздавались бы горькие и справедливые нарекания на жену Казначеева, ко всем своим недостаткам присоединявшую еще и самое бесцеремонное взяточничество. Она входила во все дела мужа, путалась во все его распоряжения, диктовала его приказы, и ему, в высшей степени честному и бескорыстному, и в голову прийти не могло, что он часто подписывал заранее оплаченные решения. Когда Казначеев был переведен сенатором в Москву, он и туда перенес с собою горячую любовь к его симпатич-

ной особе и единодушную ненависть к особе его супруги. Ненависть эта, между прочим, вылилась в особом „апостольском послании“, которое ходило по рукам и было в моем присутствии прочитано Офросимовым на одном из интимных собраний в доме Сусликовых“. А. И. Соколова приводит по памяти и несколько фраз из этой „несколько кощунственной литературной буффонады“: „Так, памятно мне при чтении „о градоправлении градом Одестою“ выражение: „и взимаша нечестивая жена градоправителя мзду велию и пшеницею, и колесницею и тканями многоценными“... и в конце, где речь шла о новом назначении дяди, „и призваша его в град древний, столицею именуемый, и облече его в хламиду червленную, и в судилище посади“... („Встречи и знакомства“, ИВ 1911 I, 105 — 106).

21. **Казначеев, Александр Иванович** (р. 7 ноября 1783 — ум. 20 июня 1880). В 1812 г. вступил в петербургск. ополчение, был ординарцем у Кутузова (РА 1896 III, 146), участв. в сражениях при Лейпциге и состоял адъютантом у нач. шт. действующих армий И. В. Сабанеева (см.) (Ср. „Записки, мнения и переписка адм. А. С. Шишкова. Верг. 1870 т. I, 315, 372); после взятия Парижа он был старшим адъютантом при гр. М. С. Воронцове, когда последний с отдельным корпусом своим находился во Франции, в Мобеже. Казначеев был хорошо знаком с П. Я. Чаадаевым, будучи (1819 — 1822) дежурн. шт.-офицером отд. гвардейского корпуса; когда разыгралась известная история с Семеновским полком, К. был почему-то заподозрен в сочувствии к движению (РА 1875 I, 341 — 352; Ст. Нов. XVI, 32). Воронцов, назнач. новоросс. ген.-губ., представил Казначеева на место правителя своей канцелярии (26 июля 1823). В 1827 г., К., считая себя обиженным Воронцовым, оставил службу в его канцелярии, оставшись „по особым поручениям“, а в 1828 г. назначен был градоначальником в Феодосию, потом Таврич. губернатором, где служил по 1837 г. (В. Д. Гейман, „Из Феодосийской старины“ — „Изв. Таврич. Уч. Арх. Ком.“ 1916 № 53, с. 102; А. Г. Завадовский, Сто лет жизни Тавриды, Симферополь 1885, с. 244 — 249), был не у дел до 1848 г., когда получил назначение на должность одесск. градоначальника (до 1854 г.) (О. М. Лернер. Одесск. старина. Од. 1902, 15); потом жил в Москве, занимая различн. должности (подробно AP II, 232) и здесь умер в глубокой старости, „до конца сохранив ясность души и благовоительность к людям“ (РА 1896 III, 146). Пушкин, знавший К. по Одессе, относился к нему с большим доверием; об этом свидетельствуют два дошедшие до нас в черновиках письма к нему поэта, полу-служебного характера (Переп. I, 108 — 111; 114 — 115); в письме к А. А. Шишкову из Одессы Пушкин наз. К. „почтенным“, а в письме к Туманскому из Михайловского шлет поклон А. И. и В. Д. (Переп. I, 73, 262). Вигель рассказывает, что К., понимая поэта, старался устранить П — на от известной командировки „на саранчу“; И. П. Липранди наз. его „достойным и без исклю-

чения всеми любимым человеком“ (Замеч. на воспом. Вигеля М. 1873, 138). Воронцов в письме 1836 г. писал о К.: „в нем есть всем известная и необыкновенная страсть и себя, и других со всеми мирить дружественными и точно искренними объяснениями и признаниями“ (РА 1893 II, 145. Ср. отзыв Воронцова 1837 г., АВ XXV, 482 — 484; „Русские на Босфоре в 1833 г. Из записок Н. Н. Муравьева“. М. 1869, 436 — 438; АВ XXVIII, 89 — 90, 144, 179; РА 1913 I, 330, 347). Современники оставили о нем в высшей степени доброжелательные отзывы, не исключая Вигеля, обыкновенно очень скупого на похвалы, оставившего на этот раз его пространную и теплую характеристику (VI, 91 — 92). По собственному признанию К. все его „памятные записки и любопытные бумаги“ „большую частью погибли во время его переездов“ (РА 1871, I, 185). Подробная библиография о нем приложена к обстоятельной биографии его, сост. Б. Л. Модзалевским (АР II, 230 — 234). Ср. РБСл. 384 — 385.

22. **Кирияков, Михаил Михайлович**, р. в 1766 г. в Полтавской губ. и происходил из старинного украинского дворянского рода (см. заметку о нем и его предках в „Трудах Черниговской Учен. Арх. Ком.“ вып. XI, 1915 г., с. 103—114). Учился в Харьковском коллегииуме, а потом служил на военной службе, в пограничной канцелярии гр. П. А. Зубова, бывшего Екатеринославско-Таврическим ген.-губерн., а по открытии Хаджибейской таможни, 12 апр. 1795 г. (переименованной потом в Одесскую), был назначен ее директором (А. Орлов, Историч. очерк Одессы с 1794 по 1803 г. Одесса 1885, с. 67, 103). Состоя в этой должности долгое время, К. много сделал для торгового процветания Одессы. В 1799 г. он, по поручению Одесского магистрата, хлопотал в Петербурге о постройке гавани в Одессе и указом 18 марта 1800 г. дело это было поручено ему, а он сам был поставлен во главе специального, образованного для этого, комитета. „Если гавань была выстроена, говорит Скальковский, и быт города упрочен, — то Одесса всем этим обязана К-ву“ (А. Скальковский, Первое тридцатилетие г. Одессы. Одесса 1837). С 1810 г. К., женатый на богатой херсонской помещице Акацатовой, был Херсонским предводителем дворянства; в 1811 г. много работал по борьбе с эпидемией чумы (А. Скальковский, Одесское общество в период своих черных дней — Пр. Од., 260). Ум. в 1825 г. по дороге в Москву. См. еще: М. Г. Попруженко Од. Гор. Публичная Библиотека, Одесса 1911, с. 21 прим.; Н. Н. Мурзакевич Автобиография, СПб. 1886, с. 64—65. Ксения Михайловна Кириякова, старшая из трех его дочерей (впоследствии вышедшая за Г. И. Соколова, из дневника которого А. И. Маркевич извлек ошибочно приписанное Пушкину стихотворение Дельвига—ЗОИДр. XXIV, прот., 65), много рассказывала об А. С. Пушкине—ежедневном посетителе дома К-вых в Одессе. „Дом наш находился на углу Коблевской и Дворянской улиц (Ср. [Н. Н. Мурзакевич] Одесская старина, Од. 1869 с. 79).

Наш отец, во время пребывания Пушкина в Одессе, был предводителем дворянства и жил открыто. Каждый понедельник были назначены у нас танцевальные вечера. А. С. Пушкин был у нас неизменным посетителем. Он любил потанцевать и ко мне, как дочери хозяина дома, относился с предупредительной любезностью и снисходительной лаской" (Отз., 132—133). „Отец мой был знаком с отцом поэта, вел с ним переписку и знал его деда. Вот почему А. С. обращался к отцу моему за справками о своем деде, Ганнибале, на что есть указание и в „Евг. Онегине“ (Отз. 134). Здесь же сделано указание, что у К-вых Пушкин встречался с Бларамбергами и что сюда заезжал он с А. Н. Раевским и П. С. Пущиным. М. М. К—ва нельзя смешивать с его сыном, также Мих. Мих—чем (р. 23 мая 1810—ум. 23 июля 1839 г.), одним из основателей Одесск. Общ. Ист. и Древн. и автором ряда историч. и статистич. работ; о нем много рассказал в некрологе (ЗОИДр. I, 578) и в своей „Автобиографии“ его ближайший друг—Н. Н. Мурзакевич.

23. **Ланжерон**, граф Александр (Андро) Федорович (р. 13 янв. 1763 в Париже—ум. 4 июня 1831 г. в Петербурге). В юности служил во французской гвардии, был близок ко двору Людовика XVI, в чине лейтенанта флота сражался в корпусе Рошамбо в войне за независимость американских штатов. В разгар революции покинул Францию и поступил на русскую службу (1790), где непрерывно и с отличием участвовал во всех войнах Екатерины II и Александра I до войны 1812 г. (о воинских подвигах Л. помянул Жуковский в „Бородинской Годовщине“) и турецкой (1829) и польской (1831) кампании включительно. В ноябре 1815 г. Л. был назначен Херсонским военным губернатором и одесским градоначальником, а с 22 сент. 1822 Новороссийским ген.-губернатором. 7 мая 1823 г. он должен был уступить свое место гр. М. С. Воронцову и был этим очень обижен (Виг. VI, 90), собирався за-границу, но уехал не сразу, прожив в Одессе конец 1823 и первую половину 1824 г. Из письма В. Ф. Вяземской—мужу от 20 июня 1824 г. видно, что тогда Л. не было в Одессе (ОА V в. 2, с. 106), однако Бут. (II, 19—21) приехавший в Одессу около того же времени, застал еще здесь Л. и пишет о нем: „Л. к свойственным французам высшего круга любезности присоединил забавную рассеянность, дававшую пищу к забавным о нем анекдотам. Он и по смене своей остался на жительство в Одессе и Воронцова фамильярно называл Мишель“. „Он олицетворял собою настоящего „*ch evalier loyal*“ времен Генриха IV“, отзываясь о нем А. М. Фадеев („Воспоминания“, Од. 1897 I, 64): „храбрый генерал, добрый правдивый человек, но рассеянный, большой балагур и вовсе не администратор“. Н. М. Лонгинов писал С. Р. Воронцову в 1823 г.: „Беднягу едва терпели на его месте, где он не принес ни малейшего блага, и где, потеряв всякое значение и влияние, сделался игрушкой в руках тех, кому выгодно было им вертеть“ (АВ XXIII, 494—495; РА 1912 II, 407).

Столь же язвительна и пристрастна известная характеристика Л., сделанная Вигелем (Зап. Прилож. с. 41 Ср. VI, 139). Ср. также „Воспоминания гр. В. А. Сологуба“ СПб. 1887, с. 147—149; „Зап. Смирновой“ ч. I, 80, 81. Обширная библиография о нем Б. Л. Молзалевского ДПП, 182—183). Л. был „великим мастером“ одесской масонской ложи (А. В. Флоровский, Из Одесской старины ИОБО I, в. 9, с. 352—353), занимался литературой, издав в 1789 г. комедию „Le duel supposé“ (Paris, 1789) и анонимно сотрудничая в издании „Actes de Apôtres“, направленном против революции. П. А. Вяземский, вероятно со слов самого Пушкина, сообщает: „В Одессе Л. дал Пушкину трагедии свои на прочтенье. Понимается, Пушкин их не прочел и, спустя несколько времени, на вопрос Л., которая из трагедий более ему нравится, отвечал наугад, именуя заглавие одной из них. В ней выведен был республиканец“ (Сочинения т. VIII, 56—58). О том же, с некоторыми новыми подробностями сообщает и М. М. Попов: „В Одессе интересно знакомство его (Пушкина) с графом Ланжероном. Этот французский эмигрант, один из знаменитых генералов великой брани против Наполеона, имел слабость считать себя поэтом, писал на французском языке стихи и даже драмы. Однажды, сработав трагедию, Ланжерон дал ее Пушкину, чтоб тот прочитал и сказал свое мнение. Александр Сергеевич продержал тетрадь несколько недель и, как не любитель галиматши, не читал ее. Чрез несколько времени, при встрече с поэтом, граф спросил: „Какова моя трагедия?“ Пушкин был в большом затруднении и старался отделаться общими выражениями; но Ланжерон входил в подробности, требуя особенно сказать мнение о двух главных героях драмы. Поэт, разными изворотами, заставил добродушного генерала назвать по именам героев и, наугад, отвечал, что такой-то ему больше нравится. „Так, вскрикнул восхищенный генерал, я узнаю в тебе республиканца; я предчувствовал, что этот герой тебе больше понравится“ (РС 1874 X, 687—688).

О „многочисленных“ трагедиях, чтением которых Л. „мучил“ Пушкина дважды упоминает и Бартенев (РА 1885 III, 148 и 1912 II, 407 прим.). А. М. Де-Рибас, справедливо сомневаясь в многочисленности драматических произведений Л., подробно останавливается на характеристике одной трагедии, интересной тем, что в ней выведен Мазаниэлло—герой Неаполитанской революции 1647 г. Печатный экземпляр ее, без имени автора, но с автографом и ремарками самого Л., сохранился в Одесской Гос. Публич. Библ.—„Mazaniello ou la Révolution de Naples“ (см. его статью „Пушкин и Ланжерон—драматург“ во II вып. настоящего издания с. 32—40). Вероятно это и есть та трагедия, о которой упоминает Вяземский. Л. известен также, как мемуарист; по смерти Л. вдова его (бывшая значительно моложе его Аркудинская-Бриммер, на которой он женился в Одессе в 1823 г.) переслала его бумаги и памятные записки (6 т. т.) в Парижский Архив Иностраных дел, где они хранятся и по сей день, полностью до сих пор не опубликованные. Ими

пользовался уже Тьер для своей истории консульства и империи, затем Брикнер, Шильдер и др., но из них изданы только отрывки, касающиеся преимущественно русских войн при Екатерине и Александре („Записки гр. Ланжерона“ РС 1907—1910 и отд. отт. „Война с Турцией 1806—1812“. Записки гр. Ланжерона. Перевод с франц. рукописи Е. Каменского СПб. 1911; „Русская армия в год смерти Екатерины II. Из записок гр. Ланжерона РС 1895 т. 83; „Из записок Ланжерона“ РА 1895 III, 147—160; „Записки Л. об Аустерлицком сражении 1805“ — „Военн. Сборн.“ 1900 № 8—12; „Березинская операция в войну 1812 г. Записки гр. Ланжерона“. Перев. с франц. рукоп. под ред. К. Менского [Е. С. Каменского]— „Изборник Разведчика“ 1899 № 12; „De la mort de Paul I“ — „Revue Britannique“ 1895, Juillet; переводы: „Время Павла и его смерть“, изд. „Русской Были“ М. 1908; „Цареубийство 11 марта 1801 г.“ изд. 2. СПб. 1908, 173—197 и др.). „Ланжерон может считаться весьма талантливым писателем“, говорит А. Г. Брикнер („Кн. Г. А. Потемкин. Из записок гр. Ланжерона“ — ИВ 1895 VI, 819): „Не довольствуясь передачей фактов, Л. любит подвергать образ действий исторических лиц строгой критике. При этом у него преобладает некоторая субъективность. Местами в его отзывах о лицах замечается желчность“. „Для Пушкина, справедливо замечает В. Саводник, с его живым интересом к истории, Л., выдавший на своем веку не мало крупных лиц и важных событий, был несомненно чрезвычайно интересным собеседником. Что же касается до Л., то его доверие к Пушкину (или легкомыслие) простиралось до того, что он... давал ему читать интимные письма Александра Павловича, несмотря на то, что Пушкин в это время был только молодым и незначительным чиновником, притом находившимся на особом замечании у правительства“ (ДПМ, 443). П — и пишет в своем дневнике 21 мая 1834: „Я видел письма его-же (вел. кн. Александра) Ланжерону в которых он говорит столь же откровенно. Одна фраза меня поразила: Je vous écris peu et rarement, car je suis sous la hache. Ланжерон был тогда недоволен и сказал мне: Voilà comme il m'écrivait; il me traitoit de son ami, me confiait tout—aussi lui étois-je dévoué. Mais à présent ma foi, je suis prêt à détacher ma propre écharpe“ (ДПП, 18; ДПМ, 58). Указание на „недовольство“ Ланжерона позволяет отнести этот разговор его с Пушкиным к одесскому периоду их встреч, однако они несколько встречались и позже в Петербурге, как это видно, напр., из сохранившегося в черновых бумагах поэта списка лиц, — вероятно тех, к кому нужно было съездить (датируется ноябрем-декабром 1829): „Gourief, Langeron, Prince S. Golitzin, idem, Fickelmont“ (РС 1884 XI, 349).

24. Левшин, Алексей Ираклиевич (ок. 1799 — ум. 16 сентября 1879). В 1820 г. был назначен состоять при предс. Оренбургской пограничной комиссии и занялся разбором архива киргизских дел. Результатом его занятий бытом киргизов и соседей уральцев явилось его известное „Историч. и статистич. обозрение уральских каза-

ков“— „Северн. Архив“ 1823 № 12—15 и отд. СПб. 1823, бывшее и в библиотеке Пушкина (По описи Б. Л. Модзалевского РС VIII—IX № 212), а также целый ряд сочинений о киргизах (оценку их см. в указателе А. Н. Харузина „Этнографич. Обзор.“ 1891 № 2 с. 2). В 1823 г. по просьбе Воронцова Л. был назначен к нему на должность секретаря, в какой он находился до 1826 г., когда съездил за-границу для изучения карантин. В 1831—37 гг. Л. состоял в должности одесск. градоначальника (О. М. Лернер. Одесская старина, Од. 1902 с. 15), улучшил благосостояние города, очень заботился о местной печати и вместе с В. И. Туманским энергично поддерживал „Одесский Вестник“ (РС 1896 IV, 191; „Одесск. Альман. на 1840 г.“ с. 28, 34). По его инициативе организована в Одессе публичн. библиотека, первая в России провинциальная библи. этого типа (О заслугах его в этой области см. М. Г. Попруженко. Од. Публичн. Библиотека. Од. 1911—ЗОИДр ХХІХ; здесь и его портрет). Литератор, интересовавшийся местной историей, Л. склонил и А. А. Скальковского к изучению истории Новороссии (ЗОИДр ХХІІ, 148—153). Приехавший в Одессу в 1830 г. М. П. Розберг дает такую характеристику Л.: „Л. здесь в Одессе все: он первый чиновник по особым поручениям у графа, директор здешнего театра, председатель почти всех здешних комитетов, попечитель здешнего института благородных девиц. Он человек лет 30, уже статский советник, с Анной на шее и Владимиром в петлице“ (Н. Лернер. Одесса в 1830 г.—„Одесск. Новости“ 1913 № 8958). М. С. Воронцов впоследствии так отзывался о Л. в письме к гр. П. Д. Киселеву: „C'est un homme extrêmement employable et qui a le travail bien facile et agréable (АВ XXXVIII, 47). Характеристику Л., впрочем пристрастную, дают также Виг. VI, 91, 97, 135, VII, 56, 86, 86, 97, 98, 164 и Н. Н. Мурзакевич. Автобиография СПб. 1886 с. 123—124. А. И. Подолинский посвятил ему стих. „Одесса“ (по случаю праздника, данного одесск. градонач.—ку А. И. Левшину, 1835)—Сочин. А. И. Подолинского. СПб. 1860, ч. I, 280—282. Отзыв о нем П. Черкасского— „Сборн. старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина“. М. 1900, ч. VII, с. 345, 349. Пушкин хорошо относился к Л. и ценил его как писателя: в письме к Туманскому в нач. 1827 г. Пушкин просил от Л. статью для „Московск. Вестника“ (П. Морозов, Просв. VIII, 484 неправильно принял его за Вас. Алекс. Левшина, малоизвестного писателя 20-х гг.), и Туманский, в ответном письме от 2 марта 1827 г. обещал взять у него статью о киргизах (Переп. II, 6, 9). Вероятно, это была статья Л.: „Об имени киргиз-казакского народа“... „Моск. Вестн.“ 1827 г. IV № 16. Позднее Л. служил по мин. внутр. дел, играл видную роль в деле освобождения крестьян (см. автобиографич. записку его „Достопамятные дни в моей жизни“ РА 1885 и В. Семевский, Крестьянск. вопрос в России т. II с. 164. Ср., впрочем, резкий отзыв о Л.—П. Полевого „Из истории крестьянск. дела“ РС 1910, IV, 19—20). На 50-летнем юбилее

своей служебной деятельности, Л. вспоминая о службе в Одессе у Воронцова, говорил, между прочим: „Неуместно было-бы здесь вспомнить какие либо черты из жизни Пушкина. Одно только обстоятельство считаю я долгом совести разъяснить вам, а именно: что публика несправедливо обвиняла графа Воронцова в преследовании Пушкина. Бессмертный наш поэт, не взирая на огромный талант, был человек до крайности самолюбивый, раздражительный и избалованный безусловным поклонением современников; с другой стороны он легко поддавался влиянию лиц, успевших приобрести его доверенность, что замечено и его биографами. Одному из таких влияний надо приписать раздражение Пушкина против гр. Воронцова, который осыпал его вежливостями и получал в ответ одни неучтивости. Если желаете знать подробности удаления Пушкина из Одессы, прочтите правдивый рассказ Липранди“ („На память юбилея А. И. Левшина. СПб. 1868, с. 51). Нужно помнить, однако, что это сказано было на официальном юбилейном торжестве; это лишает указанное свидетельство достоверности; любопытно все-же, что враждебность Пушкина к Воронцову объяснена здесь влиянием третьего лица: не намек-ли это на А. Н. Раевского? См. о нем РБСл. 159—160; Венг. Ист. III, 422. Л. был женат на дочери Ф. М. Брискорна — Елизавете Федоровне (Н. Греч. Записки о моей жизни. М. 1886 с. 89; Фадеев, Воспоминания I, 113).

25. **Лекс**, Михаил Иванович (р. 13 окт. 1793 — ум. 7 декабря 1856), чиновник канцелярии Воронцова (начальник отделения; в 1826 г. — правитель канцелярии), куда перешел (в 1823 г.) из канцелярии штаба наместника Бессарабской области. С Лексом Пушкин был знаком еще по Кишиневу, но, по словам Липр. (с. 1220—1223), близок с ним не был, и более интимное знакомство их должно отнести ко времени их одновременной службы в Одессе. Подробные данные о нем собраны в ДПП, 217—220; ДПМ, 491—492, почему мы здесь их и не повторяем; отметим только, что женат Л. был на Варваре Евтихиевне Кленовой (1806—1880), дочери Елисаветградского купца, переселившегося в Одессу в начале века, и участвовавшего в постройках заселявшегося города (ЗОИДр VIII, 456), причем свадьба их состоялась, по рассказу А. Д. Ризо (Пр. Од., 322—323), в Одессе, при содействии гр. Ланжерона.

26. **Липранди**, Иван Петрович (р. 17 июля 1790 — ум. 9 мая 1880), происходил из старинного испанского рода, участвовал в отечеств. войне; в битве под Смоленском получил тяжелую контузию в колено; по взятии Парижа назнач. начальн. русской военной и политич. полиции во Франции. Подполковн. с 1814 г. В 1820 г. переведен в Камчатский, а 25 авг. 1821 г. — в Якутский полк (в дивизии М. Ф. Орлова), в 1822 — в 33 егерский полк. Вышел в отставку полковником (11 ноября 1822) и состоял по особым поручениям при М. С. Воронцове. (Подробнее Алф. 343); С. Г. Волконский рассказ., что в полку Л. „приобрел уважение, любовь своих

товарищей и доверенность начальников“ и „в уважение его передовых мыслей и убеждений“ был принят в отдел тайного общества 16-й дивизии, известного под названием „Зеленой книги“. При открытии в 20-х гг. восстания в Италии, он просил у начальства позволения стать в ряды волонтеров народной итальянской армии и, по поводу неприятностей за это, принятое, как дерзость, его ходатайство, он принужден был выйти в отставку и, высказывая себя верным своим убеждениям к прогрессу и званию члена тайного общества, был коренным другом майора, сослуживца его по 32-му егерскому полку, В. Ф. Раевского... И этот Липранди при таких предшествующих данных, служа впоследствии в Мин. Вн. *Дел при Перовском и его преемниках по особым поручениям, был тайным и усердным сыщиком в царствование Николая, был орудием гонения расколников, был орудием разыскания едва установившегося общества социалистов и, наконец, имел дерзость уже при Александре II подать проект об учреждении в университете школы шпионов“. (Записки С. Г. Волконского, СПб. 1902 с. 317 — 319). В своих воспоминаниях Л. ничего не говорит о своем участии в тайном обществе. По мнению П. Е. Щеголева (Декабристы. Лгр. 1926 с. 25 — 26) „загадка молчания или даже отрицания того, что было, объяснится, если примем во внимание последующую деятельность Липранди, а также неясные сообщения Н. С. Алексеява Пушкину от 30 окт. 1826: „Липранди тебе кланяется, ждет попрежнему здесь открыто и, как другой Калиостро, бог знает откуда берет деньги“ (Переп. I, 379). Неясный намек этот едва-ли можно истолковывать в том смысле, что Л. уже в Кишиневе занимался тайным шпионажем: по открытии заговора он был арестован и доставлен в Петербург, причем Воронцов дал о нем отзыв, как о человеке, на счет которого „сомнение превратилось в явное подозрение“ (АГГ секр. ф. 1826 № 1), но правда уже 19 февр. 1826 освобожден с аттестатом. Л. был близок с Пушкиным в Кишиневе, о чем сам рассказывал в своих воспоминаниях, представляющих собою ценный исторический источник, по обилию и точности приводимых там сведений („Из дневника и воспоминаний Л. Заметка на статью: Пушкин в южной России“ РА 1866, №№ 8, 9 и 10 с. 1213 — 1284, 1393 — 1494; „Замечания на воспоминания Ф. Ф. Вигеля“ М. 1873). По мнению Л. Майкова рассказы Л. „занимают первое место“ среди рассказов о кишиневском периоде жизни Пушкина. „Выдержки из его дневника, несмотря на свою отрывочную форму, драгоценны, как по точности, так и по богатству сообщений, и в этих рассказах, составляющих как бы летопись тогдашней жизни Пушкина, широкое место отведено не его легкомысленным похождениям среди молдавского общества, а именно серьезным интересам, занимавшим поэта в ту пору“ (Л. Майков. Пушкин. СПб. 1899, 93 — 94). „Он мне добрый приятель, писал о нем Пушкин Вяземскому,— и (верная порука за честь и ум) нелюбим нашим правительством и в свою очередь не любит его“ (Переп. I, 37). В бумагах Пушкина сохранился еще отзыв о Л., как о человеке, „соединяющем ученость

отличную с отличным достоинством человека“ (Бумаги Пушкина I, 279). А. Ф. Вельтман в своих „Бессарабских воспоминаниях“ подтверждает близость П — на к Л. „Чаще всего я видел Пушкина у Липранди, человека вполне оригинального по быстрому уму и жизни. К нему собиралась вся военная молодежь, в кругу которой жил более Пушкин. Живая, веселая беседа, *écarté* и иногда, *rouge et vert*, „направо и налево“, чтоб сквитать выигрыш. Иногда забавы были ученого рода“... (ВЕ 1881, III, 320, Л. Майков, *Ibid.*, 125). Нельзя согласиться со Щеголевым, что Липранди, подобно Вельтману и Горчакову, как личности средние и мало оригинальные, „ничего не дали поэту, кроме м. б. воспоминания о приятности совместной с ними жизни“ (ор. *cit.*, 34 — 35). В те годы Л. начал свои занятия восточным вопросом, изучая печатные источники, беседуя со многими видными деятелями греческого восстания, болгарами, сербами, албанцами, укрывавшимися в Бессарабии и Одессе: „Ежедневные беседы наши, пишет он сам, не ограничивались одной обменой слов; многие эпизоды были изложены мне письменно на сербском, греческом, французском и др. языках“ (И. П. Липранди, Восточн. вопрос и Болгария. М. 1868 с. 124. Ср. ПС XXVIII, 35, 39). Недаром, живя в Одессе, Пушкин просил Л. доставить ему перевод двух песен греческих гетеристов, что последний и исполнил. В половине 30-х гг. Л. подготовил к печати объемистый труд по истории Турции: „Гаммер, издавая в свет многотомное сочинение свое „Оттоманская империя“, никак бы не мог вообразить, что в России готов уже гигантский соперник его труда под тем же заглавием“, сообщал „Московск. Наблюдатель“ (1837, X, 239 — 240): „Извещаем об этом наших ученых не по слуху: ибо мы сами видели это огромное сочинение И. П. Липранди,— плод семнадцатилетнего исторического изучения посреди самого края — почти готовый уже к изданию“. В Кишиневе Л. обладал прекрасной библиотекой, собранной для этих занятий; она состояла из книг по истории и географии земель Ближнего Востока и по военной истории. Пушкин был одним из прилежных ее читателей (РА 1900 III, 43; П. Бартенева, П. в южной России изд. 2-ое, с. 70; ПС XXIII — XXIV, 61 — 62). В 1856 г. б — ка эта была куплена для генерального штаба. Остаток ее (в колич. 49 назв.) хранится ныне в Туркестанской Государственной Библиотеке и описан в статье Е. И. Бетгера „Коллекция книг из собр. И. П. Липранди в Туркест. Гос. Б — ке“ (Сборн. Туркестанск. Восточн. Института в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташкент 1923, с. 15 — 23; 158 — 159). В 1823 — 24 гг. Л. по служебным делам часто бывал в Одессе и всегда виделся с Пушкиным (РА 1866, 1480 прим.). Воспоминания его позволяют установить следующие даты: 2-го июля 1823 Л. встретил П — на, ехавшего в Одессу между Бендерами и Тирасполем; в декабре того же года Л. приехал в Одессу и виделся с П — ным; в 1824 г. они виделись в Одессе в январе, середине февраля, первой половине марта и в первой половине июля (Ср. Н. Лернер, „Труды и дни“, 88, 92, 94 — 95, 101). Сохранились не все письма П — на к

Липранди: пять писем взял на хранение во время отъезда Л. за границу в 1851 г. Н. С. Алексеев и они исчезли бесследно (РА 1866, 1450 прим.) Отметим также предположение Н. И. Черняева (Критич. статьи и заметки о Пушкине Харьк. 1900. с. 108), не Липранди-ли П — и имеет в виду в повести „Выстрел“, рассказанной от лица „подполковника И. П. Л.“? Для повести Л. мог действительно сообщить некоторые черты из жизни Софиано-Сильвио. Известна печальная роль Л. в процессе петрашевцев, за которыми ему в 1848 г. было поручено секретное наблюдение (Ср. В. И. Семевский, М. В. Буташевич-Петрашевский и петрашевцы. М. 1922 г. I с. 109), а также в разнообразных комиссиях по борьбе с русским сектанством (Ср. „Вестн. Европы“ 1899 № 3 с. 121, 123 — 125). Л. одиноко доживал свой век, являясь „живым, богатым архивом“. (И. А. Арсеньев, Слово живое о неживых — ИВ 1887 IV, 71 — 73). Часть рукописей его поступила в Румянцевский музей (РС 1889 IV, 321). Обширная литература о нем перечислена у Венг. Ист. III, 480—481, а его многочисленные труды: военно-исторические, по истории раскола в России, публицистические и библиографические перечислены у Д. Д. Языкова, Обзор жизни и трудов русск. пис., вып. IV с. 16 — 17 и в статье А. Ельницкого РБСл., 452—453.

27. **Лонгинов**, Никанор Михайлович, брат известного секретаря имп. Елизаветы Алексеевны, Николая Мих. В 1823 г. был назначен в канц. Воронцова (где в чине колл. асс. числился начальн. I отд. канцелярии — АГГ, секр. ф. 1823 № 1 л. 53). Николай Мих. Л. писал гр. С. Р. Воронцову: „брату моему тоже выпадает счастье сопутствовать графу Михаилу, и я уверен, что он найдет в нем толкового исполнителя своих распоряжений. Ведь брат мой провел три года в самом важном департаменте исполнительной полиции, в котором сосредоточены самые существенные дела гражданского управления“ (АВ XXIII, 493—494=РА 1912 II, 406). Л. сопровождал Воронцова по пути в Одессу, что и описал в письмах к брату (РА 1905 III, 549 — 572). „Ближайший секретарь графа“ (Липранди. Замеч. на воспом. Вигеля. М. 1873 с. 143. Ср. РА 1903 II, 174, 176), Л., — по отзыву А. М. Фадеева (Восп. I, 92 — 93) „выставлялся только своей надменностью и высокомерием“. — Племянник Л., известный библиограф М. Н. Лонгинов, со слов своего дяди рассказал, что при внезапном отъезде Пушкина из Одессы, последний, сильно нуждаясь в деньгах, принужден был взять взаймы у своих друзей и знакомых некоторую сумму; в числе их и Л. дал 50 или 100 р. асс. „Через несколько времени дядя получил от него прелюбезное письмо, в котором Пушкин просил, м. проч., сообщить: сколько именно он ему должен? Он забыл в дорожных хлопотах настоящую сумму. Дядя отвечал ему на предложенный вопрос. Вскоре он получил второе письмо, в котором Пушкин благодарил его за одолжение; деньги были приложены к письму“... („Библ. Зап.“ 1859 II, 553 — 555). Письма эти не сохранились. В 1834 г. Л. занимал должность Екатеринославск. гражд. губернатора. (Календарь на 1834 г. Од. 1833, с. 92).

б. Пушкин.

28. **Лучич**. Филипп Лукьянович, коммерции советник, родом серб., живший в Одессе и в течении многих лет (1823 — 27), 1830 — 33, 1834 — 42) занимавший здесь должность городского головы. (Одесса с. 79). В нач. 1822 г. Л. вместе с Ризничем вошли в состав директората Одесск. коммерч. банка — АГ 1819 № 47.304 лл. 29 — 34, 54 — 59; в 1827 г. Л. был членом правления Одесск. Ришельевск. лицея, а с 1833 по 1838 г. членом строительн. комитета при правлении лицея (И. Михневич. Историч. обз. сорокалетия Ришельевск. лицея с 1817 по 1857 г. Од. 1857, с. 22 — 31). В письме к Туманскому Пушкин рассказывает, что, за несколько дней до своего отъезда из Одессы, он с Савеловым играл в карты у Лучича, и последний проиграл ему 900 р. (Переп. I, 261). Подробности см. ниже s. v. „Савелов“. Л. интересовался литературой; в 1826 г. он подписался на „Сербиянку“ С. Милутиновича (П. А. Лавров. П — н и славяне — сб. „Пушк. дни в Одессе“ Од. 1900 с. 96). В указанном выше письме П. дает очень благоприятный отзыв о Л., но близок с ним не был; они могли встречаться также у Ризнича. В 40-х гг. К. П. Зеленецкий собирал от него сведения о П — не („Москв., 1854 № 9).

29. **Марини**, Павел Яковлевич был побочным сыном гр. В. П. Кочубея, родившимся во время его посольства в Константинополе (Бут. II, 16; Виг. VI, 94). В 1823 г. М. приехал вместе с Воронцовым в Одессу. М. М. Сперанский писал В. П. Кочубею из Чернигова 26 июня 1823 г.: „Вчера оставил нас Марини, отдохнув у нас двои сутки. Он застанет еще гр. Воронцова в Белой Церкви“ („В память гр. М. М. Сперанского“ СПб. 1872, 514). А. Скальковский утверждает, что М. управлял в Одессе дипломатической канцелярией, той самой, в которой числился и П — н (Отз. с. 151). Характеристику М. дает Виг. (VI, 94 — 95, 138; VII, 186). Известно, что в мае 1824 г. М. был послан в Крым „для учинения некоторых разысканий по части истребления саранчи“ (АГГ, дело „О саранче“ 1824 № 4 л. 18). После 1825 г. М. женился на Виктории Францовне Фраполи, дочери одесск. городск. архитектора (Бут. II, 16; „Одесса“ с. 486). Н. Н. Мурзакевич не очень благоприятно отзывался о „важночопорном“ М., состоявшем „в свите“ Воронцова, рассказывая кстати ходивший в Одессе анекдот о том, как ловко М. получил „какой-то крест“, вопреки даже желанию Воронцова, исключительно благодаря своему нахальству и настойчивости. („Автобиография“ СПб. 1886, с. 67, 108, 135, 159. Ср. также „Из архива К. Э. Андреевского“. Од. 1913 т. I, с. 51, 188, 198 — 199, 301). В 30-х гг. М. был в совете Одесск. Института благор. девиц. уже в чине ст. сов. (Календарь на 1831 г. Од. 1830, 38; то же на 1834, с. 90); жертвовал древности в одесск. музей („Descriptio musei publicae Odessani, Od. 1841, р. XIII). О Пушкине М. расспрашивал Зеленецкий („Москв.“ 1854 № 9; РА 1866, с. 1127, 1263). М. умер в Одессе ок. 1848 г. в чине т. с. („Одесса“, с. 264).

30. Муханов, Петр Александрович (р. 7 янв. 1799 — ум. 12 февр. 1854), декабрист. Поручик (потом капитан) л.-гв. Измайловского полка, с 15 апр. 1823 по 22 мая 1825 был адъютантом ген. Н. Н. Раевского ст. „Гвардии офицер, образованный и неглупый добряк, любезный в обществе, забавник и шутник, известный в своем кругу под кличкой ротмистра Галла“, как его аттестует Н. Греч („Записки о моей жизни“ СПб. 1886 с. 425), был близок со многими из декабристов, с А. Бестужевым, А. Корниловичем, особенно же с К. Ф. Рылеевым, и сам не был чужд литературе, интересуясь также историей, археологией и статистикой (РС 1888 XII с. 583, 586, 589 сл.); напечатал ряд очерков в журналах и альманахах (Ср. М. А. Цявловский. ГМ. 1920—21, с. 98—102). Близкого участия в тайном обществе он не принимал, хотя в 1819 и был принят в „Союз Благоденствия“: после суда был сослан в каторжную работу, потом был поселен в Сибири, где и умер (Подробнее: Алф. 360 — 361; Б. Л. Модзалевский, Записки В. П. Зубкова СПб. 1906 с. 79 — 80 = ПС IV и AP I, 232; А. А. Сиверс. П. А. Муханов. Материалы для биографии — „Памяти декабристов“ изд. Ак. Наук вып I, Лгр. 1926, 151 — 237). Н. А. Белоголовый („Воспоминания“ М. 1897 с. 53), знавший его в Сибири, говорит про него: „Это был человек могучего телосложения, широкоплечий и тучный, с большими рыжими усами и несколько суровый в обращении“; картинное описание его „чудовищной“ наружности дал также кн. Б. А. Куракин (См. „Декабристы“, неизд. материалы и статьи. Труды Пушк. Дома 1925 с. 125 — 126). В конце 1823 или самом начале 1824 М. побывал в Одессе где виделся с Пушкиным, но вскоре уехал обратно в Киев. В отрывке письма к Рылееву от 24 янв. 1824 он, повидимому, говорит об „Евг. Онегине“, с отрывками которого он мог познакомиться только по рукописи (РС 1888 т. LX с. 327), а в письме к А. О. Корниловичу 11 апр. 1824 М. пишет: „У меня есть кое-какие стихи Пушкина, которые по дружбе к тебе желал бы переслать, но боюсь изменю своего слова рассердить волшебника“ (Вероятно здесь имеются в виду бывшие в руках М-ва начало „Бр. Разбойников“ и „Вадима“), „Скажи Плетневу, А. Бестужеву и братьям Пушкина и Туманского, что у меня есть к ним письма от волшебника и Туманского; не знаю, как переслать, жду человека вернее почты“ (Ibid. с. 584). В другом письме к Рылееву (13 апр. 1824) есть также любопытные упоминания о Пушкине, свидетельствующие о том, что об одесской жизни поэта М. был очень осведомлен („Девятнадцатый век“ М. 1872, I, 368 — 369; полностью напеч. также в Собр. сочинений и переписки К. Ф. Рылеева СПб. 1905 с. 362 — 364). Н. Лернер (Тр. и дни² с. 97 и 99) выразил сомнение, принадлежит ли оно М-ву и послано ли из Киева и предполагал, что автором его был какой-то кишиневский знакомый Пушкина; однако оно несомненно принадлежит М-ву и подтверждает, что последний не только интересовался творчеством Пушкина, но и намеревался издать сборник его стихотворений. Необходимо здесь же упомянуть еще об одном

письме М. к Рылееву (Киев, марг 1824 ?), напеч. впервые В. И. Масловым („Литературная деятельность К. Ф. Рылеева К. 1912, Прилож., с. 96—97 Ср. Ibid., 258—259), где также упоминается Пушкин и отзыв его о Рылееве. О встрече своей с М-вым упоминает кн. В. Ф. Вяземская, посетившая Киев в июне 1824 (ОА V в. 2, с. 100). Хотя Пушкин и называет М-ва своим „приятелем“ (Переп. I, 289), но едва-ли был очень близок с „большим рыжиком“, как его называл кн. Вяземский (Переп. I, 305). Туманский упоминая о встрече с М-вым в письме к кузине, также отзываясь о нем не очень благоприятно („Стих. и письма“ СПб. 1912, с. 266). О М-ве Пушкин упоминает еще в письмах 1825 г. — брату и кн. П. А. Вяземскому (Переп. I, 183, 180). О М-ве, помимо указанного выше, см. еще А. А. Сиверс. Материалы к родословию Мухановых СПб. 1910, с. 133—135; С. Вознесенский, Библиографич. материалы для словаря декабристов Лгр. 1926, с. 82—83, 151; много данных о нем в дневнике (1826—1827) его сестры—кн. Е. А. Шаховской, опубликованном М. А. Цявловским—ГМ 1920—21 с. 98—118.

31. **Нарышкина**, Ольга Станиславовна (р. 1802 — ум. 7 окт. 1861 г.), дочь известной красавицы гречанки гр. С. К. Потоцкой, блистала в Петербургском свете (здесь увлекался ею гр. М. А. Милорадович, о чем подробно рассказывает Олизар РВ 1893 VIII, 39; о посещении Милорадовичем Кисилевых в Петербурге, где жила и О. С. с характеристикой последней см. еще в „Записках“ Н. В. Басаргина П. 1917 с. 23), впоследствии переселилась в Одессу (осенью 1820 г. ее посетил здесь Г. Гераков. „Продолжение путевых записок по многим Российским губерниям“ Пгр. 1830 с. 68, 70, 73, 76) и здесь в 1823 г. (ОА II, 343; РА 1903 I, 462) вышла замуж за Л. А. Нарышкина, давнишнего приятеля и двоюродного брата гр. М. С. Воронцова. Согласно тогдашней молве, браку с Нарышкиным у нее предшествовал роман с П. Д. Кисилевым, который был с 1821 г. женат на ее старшей сестре — Софье (см. прозрачные намеки у Виг. VI, 127; А. Заблоцкий-Десятовский, Гр. Киселев и его время I, 174). Живя в Одессе, Пушкин постоянно встречался с Н., чаще всего у Воронцовых (Липр. с. 1470), с которыми она была неразлучна (Бут. II, 21); уехав с ними в Крым 14 июня 1824 г. Н. вместе Е. К. Воронцовой вернулась в Одессу 25 июля и, следовательно, застала еще здесь Пушкина (ОА V в. 2, 134—135, 141), но вскоре сама уехала с мужем за границу. Впоследствии Боляховской передавал Пушкину одесские сплетни о „соблазнительной связи“ Н. с гр. М. С. Воронцовым, о чем Пушкин сделал злорадную запись в своем дневнике (1834 г.). Что такие сплетни, и не без оснований, действительно ходили по Одессе, подтверждают „Воспоминания“ ген. В. А. Докудовского, записавшего, между прочим: „В Одессе же я не раз видел и встречал г-жу Нарышкину, ур. гр. Потоцкую, с которой, как говорили, Воронцов имел интимные сношения. Прелестное воздуш-

ное создание“ („Труды Рязанской Уч. Архивн. Ком.“ 189, т. XII, вып. 2, с. 171). К. К. Эшлиман также рассказывает: „Граф (Воронцов) сильно увлекался Нарышкиной... По его поручению строил мой отец дом для Нарышкиной в Мисхоре и часто молодой архитектор выслушивал приказания наместника, когда тот стоял на коленях перед ней“ (РА 1913 I, 331). Любопытно, что и в имени Е. К. Воронцовой „Мошнах“ он также выстроил для нее специальный дом (см. описание имения у М. Грибовского ОВ 1844 № 80, 81). Восторженную характеристику Н. находим также в письмах В. И. Туманского, питавшего к ней тайное чувство (Стих. и письма, с. 270—272), однако напечатанное здесь же на с. 135 стихотворение „К Н...“ („Твой милый взор, невинной страсти полный“...) принадлежит не Туманскому, а Ф. И. Тютчеву, и следовательно, не относится к Нарышкиной, как предполагал С. Браиловский). Подробные биографические данные о Н., с указанием литературы, приведены в ДПП, 144 и ДПМ 391—392. Ее портрет—РП I, 188. Ср. М. С. Коноплева, Дом-музей б. Шуваловой. Путеводитель П. 1923 с. 22 (сведения о портретах О. С. и Л. А. Нарышкиных).

32. **Нарышкин**, Лев Александрович (р. 1785 ум. 1846), муж предыдущей. С марта 1824 г. бывший в отставке ген.-майором (впоследствии ген.-адъютантом), проживал в Одессе и в Крыму, где ему принадлежало имение „Мисхор“. Б у т. (II, 21) пишет: „В Одессе жил тогда Л. А. Нарышкин (брат кн. Ел. Александровны Суворовой), женатый на красавице Ольге Станиславовне Потоцкой, сестре графини Киселевой. Л. А. был двоюродный брат гр. М. С. Воронцова. Графиня Воронцова и О. С. Нарышкина были неразлучны“. По отзыву Н. Н. Мурзакевича („Автобиография“ СПб. 1886 с. 69. Отзыв относится, впрочем, к 1831 г.) „аристократическим светилом одесского горизонта... был отставной генерал-майор Л. А. Нарышкин, женатый на богатой некогда красавице, гр. О. С. Потоцкой. Его изящный дом, парадные обеды и богатые балы привлекали поклонников и искателей“. „Богатый, тщеславный барин, отзывается о нем Мурзакевич в другом месте, в начале приятель Воронцова, после сильно против него интриговавший (Ib. 135). Брак его с Нарышкиной не был счастлив; слабохарактерный и вялый, по выражению П. Д. Киселева „*toujours docteur et toujours aimable*“, Н. находился под влиянием и обаянием своей тетки, известной Марии Антоновны Нарышкиной (любвицы Александра I). 8 марта 1824 г. Пушкин писал кн. П. А. Вяземскому по поводу просьбы его нанять ему на лето дом в Одессе: „Лев Нарышкин, с которым я уже об этом говорил, уезжает в другие края в начале лета. Он нанимает здесь дом за 600 р. в месяц, и дачу не помню за сколько“ (Переп. I, 102). Отъезд этот произошел однако, только в конце лета. Вместе с Воронцовыми в середине июня 1824 г. Нарышкины ездили в Крым. В. Ф. Вяземская писала мужу 25 июля этого же года: „*Leon Narischkin est arrivé hier. Sa femme arrive aujourd' hui avec la*

C[ointesse] Voron-zoff; ils ne restent que huit jours et parlent pour l'étranger" (ОА V в. 2, 134). О Нарышкине см. еще АР II, 292—293; РП III, 172, ДПМ, 391—392 и ДПП, 144.

33. **Олизар**, Густав Филиппович, граф (р. 1798 — ум. 2 января 1865 в Дрездене) происходил из богатого польского рода, учился в Кременецкой гимназии, учрежденной другом его отца Т. Чацким. В 1814 г. ездил за-границу, где женился на гр. Де-Моло, с которой формально развелся в 1819 г. В 1821 г., несмотря на несовершеннолетие, О. был избран Киевским губ. предводителем дворянства, куда был переизбран и в 1824 г. Во время этих выборов своими речами, обращенными к польским патриотам, навлек на себя неудовольствие Александра I: следствие об этом поручено было ген. Эртелю, который донес правительству также о Киевской мasonicкой ложе „Соединенных славян“, где О. был председателем, и которая хотя и прекратила свое официальное существование в 1822 г., но нелегально существовала и после этого времени; любопытно, что к „тайным“ ее деятелям после 1822 г. отнесены ген. Раевский и его адъютанты: Капнист и Муханов (В. И. Семевский. Политич. и обществ. идеи декабристов, СПб. 1909, с. 303, 304, 307). О. был частым гостем в доме Раевских и добивался руки М. Н. Раевской, но получил отказ (Письмо Раевского ст.—О-ру АР I, 248—249), чем был удручен чрезвычайно. Его сердечные неприятности совпали с опалой, и он отправляется в Крым вместе с Воронцовыми, где устраивает купленное недавно имение, названное им „Карди-Ягрикон“ (Лекарство сердца), и поселяется там. В своих мемуарах О. эту поездку относит к 1823 г., но это несомненная ошибка. А. Л. Бертье-Делагард („Память о Пушкине в Гурзуфе“ ПС XVII—XVIII, 82—83) доказал, что это было в 1824 г. В начале 1824 г. был еще в Киеве (кн. В. Ф. Вяземская, проезжавшая через Киев в Одессу в начале июня, писала о нем мужу: „Tu rapelles-tu d'un Comte Olizar?... que nous avons vu a Pulavi et chez M-me Alexandre... Il est ici maréchal de la noblesse et, par paranthèse, il sert aux menus plaisirs de la Soirée. S'il avait dix ans de plus, ce serait un ci-devant jeune homme parfait“ (ОА V в. 2, с. 100) и хотя сам не говорит, вероятно считался в числе польских депутатов, заключавших условие с Южным Союзом в 1824 г. („Былое“ 1906 V, 249). Летом того же года Бутурлин (II, 24) встретил О. в Одессе. Тогда же, вероятно, с О. познакомился и Пушкин, посвятивший ему послание (известно только в черновых набросках Ак. III, 327, Венг. II, 261—262; III, 555—556. Просв. I, 379—380 и VIII, 537), в котором есть намек и на его неудачное сватовство:

И наша дева молодая
Привлекши сердце поляка,
Не примет гордостью пылая,
Любовь народного врага.

15 янв. 1826 г. (Алф. 368) О. был арестован по подозрению в соучастии декабристам и заключен в Петропавловскую крепость. Арест произошел в Киеве на контрактах (неверные сведения в РА 1871 I, 277 — 278). Приказ об аресте О., а также И. П. Липранди и о препровождении их в Петербург, был дан военным министром Татищевым — М. С. Воронцову, т. к. О. в этот период жил главн. образом в Крыму. 14 янв. 1826 г. Воронцов сообщает об этом в Киев, а на следующий день отправляет рапорт на имя государя, в котором выражает уверенность в аресте О. и Липранди, называя их людьми „на счет которых сомнение превратилось в явное подозрение“ (АГГ секр. ф. 1826 № 1). О. несомненно служил одним из звеньев, соединявших польские политич. кружки с русскими тайными обществами (Ср. Н. Лернер. „Весы“ 1908 XII с. 63 — 64), но благодаря своей иезуитской хитрости и осторожности (см. его мемуары) не скомпрометировал себя и скоро был освобожден из крепости. О. был известен также как поэт; его первые стихотворные опыты, появлявшиеся с 1818 г. в варшавских журналах были мало-оригинальны, но в позднейшее время многие из его стихотворений были столь ценимы его соотечественниками, что по словам Собещанского (см. заметку его об О. в „Энциклопедии“ Ольгебрандта) были заучиваемы наизусть, т. к. оплакивали потерю польской независимости. Издатель его мемуаров, Лещиц, преувеличивает его значение как поэта, сравнивая его с Мицкевичем (с которым, м. проч., О. встречался в Крыму, где Мицкевич и посвятил ему сонет „Аю-Даг“). Стихотворения О., вызванные любовью к „Бантриче“—М. Н. Раевской, имеют только биографический интерес. В нач. 1840-х гг. О. вел полемику с Генр. Ржевусским и напечатал новый сборник стих-ий, отличающийся тенденциозным характером. После 1863 г. О. эмигрировал за-границу, где и умер. О. оставил ценные мемуары, изданные Лещицом: „Pamiętniki (1798—1865) Gustawa Olizara, Lwów 1892, XLIV + 300, в извлечениях переведенные А. Ф. Копыловым—РВ 1893 т. 227 кн. VIII и IX. Ср. В. С. Иконников, „По поводу записок С. Г. Волконского“—РА 1902 II, 265—267. Упоминания об О., впрочем не вносящие ничего нового в изложенное выше, встречаются в Сб. ИРИО т. 78, 139; РА 1866, с. 1748—1749; 1906 III, 609, 412—416.

34. Отон, Цезарь (Autonne) приехал в Одессу вместе с Ришелье и содержал в 20-х гг. „небольшую, но превосходную гостинницу на Дерибасовской ул.“ (Отзывы, с. 152). В этой гостиннице („клубном доме“), при которой находился также ресторан, Пушкин жил первое время после своего переезда в Одессу (Липр. 1469) и вспоминал о ней в Отрывках из путешествия Онегина:

Летит обжорливая младость
Глотать из раковин морских
Затворниц жирных и живых,
Слегка обрызгнутых лимоном.

Шум, споры, - легкое вино
Из погребов принесено
На стол услужливым Отоном;
Часы летят, а грозный счет
Меж тем невидимо растет.

Автор статьи „Литературная летопись Одессы“ (И. С. Андреевский?) в „Одесск. Альм. на 1840 г.“ (с. 19), говорит, что Пушкин „обессмертил даже скромного Отона, который до сих пор с той же классической услужливостью отворяет свои гостеприимные двери одесской обжорливой младости“.

И. Бороздна, вспоминая свое посещение Одессы в 1834 г., писал („Поэтические очерки Украины, Одессы и Крыма. М. 1837 с. 75):

Мы в Ришельевской. Пышный дом,
Швейцар, отменно разодетый,
В окошках свет со всех сторон —
И я узнал, что это он,
Все тот же, Пушкиным воспетый,
Любимец странников — Оттон.

Очень живой портрет Отона, этот „прелестнейший образчик француза старого закала“ дает в своих воспоминаниях, относящихся к 40-м гг., Б. М. Маркевич: „Monsieur Autonne, ведь вы воспеты Пушкиным, несколько льстиво говорит посетитель неторопливо-предопредительному, важно-любезному хозяину: „J'ai entendu dire, en effet, отвечает он с величавым видом министра, которому докладывают, между прочим, о хвалебной статье, напечатанной про него в какой-нибудь ничтожной газете,—que monsieur Pouskine avait eu la bonté de parler de moi dans ses vers. C'est très aimable à lui de l'avoir fait“.—Он часто обедал у вас здесь? „Très souvent, oui monsieur. Il préférerait le Saint-Peray à toutes les autres marques de champagne, et j'en ai toujours eu d'excellent dans ma cave“. И улыбнется при этом, точно орденом пожалует“ („На юге в сороковых годах“— Полн. Собр. Сочинений СПб 1885, т. XI, с. 388 — 389). Еще в 1848 г. одесские литераторы встретили приехавшего в Одессу Гоголя обедом у Отона (Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина т. IX, 470). Ср. относящийся 1850 г. рассказ об Отоне Г. П. Данилевского (РС 1891 № 1, 32).

Толченев вспоминает, что Гоголь во время пребывания своего в Одессе часто навещал Отона: „С приходом Гоголя, являлся самолично Отон, массивный мужчина, в белой поварской куртке с симпатичным лицом. Появление его производило общий восторг, так как он являлся только в торжественных случаях. С подобающей важностью, с примесью добродушного юмора, Отон вступал с Гоголем в переговоры, касательно меню его обеда. Такое-то блюдо рекомендовал, такое-то подвергал сомнению, на том-то настаивал, но увы! все его усилия склонить Гоголя к вкушению тончайших совершенств кулинарного искусства пропадали даром“. „Отон, тяжело вздохнув и пожимаая плечами, удалялся для нужных распоряжений“. (Пр. Од. 117 — 118).

35. Пален, Федор Петрович, граф (р. 1780 — ум. 8 янв. 1863), сын известного дипломата, русск. посла в Париже гр. П. П. Палена (ум. 19 апр. 1864), получил домашнее воспитание, на 14-м году поступил в конно-гвард. полк, но пробыл там недолго, желая посвятить себя дипломатич. карьере. Был посланником в Вашингтоне (1809 — 1811), Рио-Жанейро, Мюнхене (1815 — 1822) (См. „Очерк истории мин. иностр. дел“ СПб. 1902, прилож. с. 8, 23; РА 1912 II, 381), а по возвращении в Россию служил с 1823 г. в Одессе, где в течении трех лет (1826 — 28) был одесским градонач-ком (О. М. Лернер. Одесск. старина Од. 1902, 14, 23). Назначенный на эту должность 21 мая 1826 г., в виду отъезда в этом году гр. Воронцова в заграничный отпуск, исправлял должность Новоросс. и Бесс. ген.-губ. (второй раз замещал Воронцова в 1831 г.). Вместе с Дибичем и Орловым заключал Андрианопольский мир. Назнач. в 1832 г. членом Гос. Совета, он оставался в этом звании до самой смерти, принимая под конец жизни участие в деле освобождения крестьян („Месяцеслов на 1864 г.“ с. 80; П. Т. Морозов. Сочинения М. 1883, с. 409). О службе Палена при Воронцове П. Д. Киселев писал А. А. Закревскому, что П. „не знал ни языка, ни законов наших“, а свою административную работу ограничивал „беспрекословным подписыванием бумаг“, изготовляемых в ген.-губ. канцелярии (СБИРИО т. 78 с. 119; с этим отзывом ср. характеристику его, данную тайным агентом в гл. штаб — РС 1897 IV, 34). „С его выдающимися способностями, отличным образованием, вспоминает А. М. Фадеев (Воспом. I, 108), он мог быть прекрасным администратором, но, по беспечности характера и по предвзятому предубеждению, что в России, при том направлении и ходе дел, какое было вверху, нельзя сделать много внизу,— вообще делал мало, слишком мало, говоря сам, что он может только *gestifier quelques choses*“. А. А. Скальковский вспоминает (Отз. 152), что еще в 30-х гг. в доме, где в Одессе помещалась дипломатич. канцелярия, на стенах сохранялись карикатуры на сослуживцев П — на. Здесь рукою П — на красным карандашом была написана следующая, впоследствии (до сломки дома) тщательно сохранявшаяся надпись:

Аристократом ходит Бер,
А Пален корчит демократа.

В. И. Туманский в письме Пушкину из Одессы 1827 г. (Переп. II, 8) среди одесских новостей сообщает о Палене, замещавшем Воронцова, как бы намекая на пушкинскую надпись: „граф Пален ведет себя прелестно: порядочен в делах, в обращении мил и любезен и, как холостяк, принимает приглашения на обеды и вечера. Аристократизма в нем очень мало“, а 12 апреля 1827 тот же корреспондент писал П — ну по поводу „Московск. Вестника“: „Все, что есть порядочного в городе, прославляет тебя и Погодина. Даже граф Пален, не взирая на малое знание русского языка, берет у меня ваши книжки и судит (обыкновенно весьма основательно) о ваших статьях. Чуть-ли еще не вытвердил он несколько стихов из

твоего Годунова". (Переп. II, 22; Туманский, стих. и письма, с. 304 — 305). В середине марта 1827 г. Пален расстроил дуэль между двумя кишиневскими знакомцами П — на, Сушковым и Варламом, о чем Н. С. Алексеев сообщил П — ну в письме от 27 марта 1827 (Переп. II, 11 — 13).

36. **Писаренко**, Василий Захарович, мелкий чиновник секретной канцелярии Бахметева, потом Инзова (в Кишиневе), впоследствии (с 1823 г.) служивший архивариусом дипломатической канцелярии гр. Воронцова, при которой числился и Пушкин; в том же 1823 г. Писаренко числился губернским секретарем, состоя при тит. сов. Шепелеве (АГГ 1823 № 1). А. А. Скальковский, основываясь на рассказах самого Писаренко, говорит, что И. Н. Инзов при прощании с Пушкиным „дал ему в виде „негласного“ дядьки Писаренко, зная его скромность и особенное терпение“, „опасаясь иногда слишком эксцентрических выходов Пушкина“ (Отз., 151). 20 мая 1824 П. был командирован вслед за П — ным по тому же делу о саранче в с. Маяки и Овидиополь и вернулся в Одессу 27-го мая. Любопытно, что дело канцелярии Воронцова „о высылке из Одессы в Псковскую губ. коллежск. секретаря Пушкина“ было скреплено именно В. З. Писаренко („Ведомости Одесск. Градоначальства“ 1899 № 102). В нач. 30-х гг. в чине тит. сов. П. был секретарем Одесск. Института Благородн. Девиц („Календарь на 1834“. Од. 1833 с. 90). Умер в 50-х гг. в Одессе, в крайней нищете. Рассказами П. о Пушкине пользовался К. П. Зеленецкий, но Липр. (1424) не без основания считал его источником ненадежным; весь рассказ П. о командировке П — на на саранчу, записанный Зеленецким („Москв.“ 1854 № 9), полон неточностей и явных вымыслов, отчего можно заподозрить и утверждение Скальковского, что П. „знал близко и даже очень близко П — на во время его пребывания в Кишиневе и Одессе“ (Отз., 151).

37. **Пуцин**, Павел Сергеевич (р. 1785—ум. 1865 в Одессе), происходил из дворян Псковской губ. (Новоторжевского у.), участвовал в отеч. войне, потом служил в корпусе ген. И. В. Сабанеева, с 1818 г. — ген.-майор; член союза Благоденствия; в 1821 г. командовал бригадой в 16 дивизии (в Кишиневе) начальником которой был с 1820 г. М. Ф. Орлов. 30 февраля 1822 г. после известной истории, П. был уволен со службы, после чего переселился в Одессу. Впоследствии вновь был принят на службу и в 1831 г. участвовал в подавлении польского восстания (Подробнее: Алф. 382). С П — ным Пушкин был знаком еще в Кишиневе, что отметил и в своем дневнике (Венг. VI, 173—176; „Неизданный Пушкин“ Пг. 1922, с. 225. Ср. в письме к Н. С. Алексееву — Переп. I, 389) и „проводил с ним большую часть времени“ (Майков, Пушкин, с. 8), но по замечанию Липр. (1258) с ним „не так был близок“, как это впоследствии казалось Бартеневу. П. был главой кишиневской масонской ложи, которая просуществовала всего несколько месяцев

(подробности о ложе и об участии в ней Пушкина — Н. К. Кульман, К истории масонства в России ЖМНП. 1907, X; П. Е. Щеголев „Мин. годы“ 1908, V—VI, 517—520), на что указывает и Пушкин, в посвященном ему стихотворении (1821); известно также другое, посвященное П. четверостишие, в котором Пушкин называет его „грядущим нашим Квирогою“ — именем популярного испанского революционера (Венг. VI, 176). Поселившись в Одессе П. женился на одной из здешних красавиц — дочери полк. Бриммера, вдове Аркудинской, сестре жены гр. Ланжерона (Липр. 1474, Бут. II, 19, Отз., 150). По преданиям, Пушкин, живя в Одессе, часто виделся с ним; по отъезде поэта, П. не переставал интересоваться его личностью и творчеством (Отз. 150) и много лет спустя давал о нем сведения К. П. Зеленецкому („Москв.“ 1854 № 9). При посещении Пушкина в Михайловском декабристом И. И. Пушциным — его однофамильцем, к поэту пришел настоятель соседнего монастыря, который начал извинением в том, что „ожидал найти знакомого ему П. С. Пушина, уроженца великолукского, которого очень давно не видал“ (Майков, Пушкин, с. 82). В середине июля 1826 г., по поручению И. О. Витта, агентом Бошняком производилось тайное расследование о Пушкине, причем Бошняк, выдав себя за хорошего знакомого гр. Ланжерона собирал сведения и от П. С. Пушина, жившего тогда по соседству с Пушкиным в своем селе Жадрицах. Из докладной записки Бошняка видно, что источником подозрения Пушкина „в сочинении и пении возмутительных песен и в возбуждении крестьян к вольности“ были сплетни-слухи „столь обыкновенные в деревнях и уездных городах“, вышедшие, главным образом от П. („от которого вышли все слухи о Пушкине, сделавшиеся причиной моего отправления“). А. А. Шилов. К биографии Пушкина „Былое“ 1918 № 2 (30), 67—77; Б. Л. Модзалевский, Пушкин под тайным надзором СПб. 1922, с. 12—19. С А. А. Шиловым, утверждающим, что П., наряду с другими соседями поэта, „не пожалел темных красок при характеристике Пушкина“, трудно согласиться: недоброжелательства и злонамеренности в его сообщениях П. Бошняку не было; была только болтливость; к тому же, существенного П. сообщить не мог ничего. Из его показаний м. проч. видно, что с Пушкиным он не виделся или виделся очень редко, несмотря на близкое соседство с ним. В начале 1830 г. Пушкин обращался к П. с письмом по делу судившейся с последним П. А. Осиповой („Былое“ 1906 XII, 235). О П. см. еще РБСл, 340—341; СБИРИО т. 73, с. 572 и т. 78, с.с. 59, 90—95, 104, 238, 256, 262; „Записки Н. В. Басаргина“ П. 1917.

38. Раич, Семен Егорович (Амфитеатров) (р. 1792 — ум. 23 окт. 1855), поэт, переводчик (Вергилий, Тасс, Ариост) и журналист; оконч. курс на этико-политическом отделении Московск. Ун — та со степенью кандидата (1818), а в 1822 получ. степень магистра по словесному отделению (см. Б. Л. Модзалевский, Автобиография С. Е. Раича — РБ 1913 VIII, 5—33. Ср. Алф. 385); изве-

стен, м. проч., как воспитатель Ф. И. Тютчева и впоследствии А. Н. Муравьева. По свидетельству И. С. Аксакова „это был человек в высшей степени оригинальный, безкорыстный, чистый, вечно пребывавший в мире идиллических мечтаний, сам олицетворенная буколика, соединявший солидность ученого с каким-то девственным поэтическим пылом и младенческим незлобием“. (Н. Барсуков, Жизнь и труды М. П. Погодина кн. I, с. 161—162). В 1823 г. Р. издал альманах „Новые Аониды“ (отзыв о них П. А. Вяземского в письме к А. А. Бестужеву — РС 1886 XI, 315). В этом же году вокруг него образовался кружок (П. Н. Сакулин. Из ист. русск. идеализма. Кн. В. Ф. Одоевский М. 1913 т. I ч. 1. с. 103—104), сыгравший известную роль в истории русской литературы. Р. со своим кружком проектировал в 1823 г. издавать журнал, но этот замысел не осуществился („В память о кн. В. Ф. Одоевском“ М. 1869 с. 49) Осенью того же года (август?) Р. был в Одессе, где познакомился с Пушкиным, о чем последний писал брату 25 авг.: „Здесь... Раичь. Знаешь-ли ты его?“ (Переп. I, 76, Ср. 77), но вскоре уехал в Москву; М. П. Погодин записал в своем дневнике под 6 сент. 1823 г.: „Попался Оболенс(кий В. И.) сказывал о знакомстве Раича с Пушкиным в Одессе; выигрышь для журнала“ (ПС XIX—XX, 69, 70, 80). Возможно, что Р. собирался занять место профессора в Одесск. Ришельевском лицее, т. к. по возвращении в Москву он склонял Погодина хлопотать о таком же месте; мысль эта заняла Погодина и он отметил в дневнике: „Думал об Одессе. Если б нам ехать туда впятером: мне, Раичу, Кубареву, Григоровичу. Чудо бы“, но вскоре вопрос был решен в отрицательном смысле, после письма, полученного Раичем из Одессы (Барсуков, ор. cit. I, 277—278). На журнал Р. большие надежды возлагались еще в начале 1824 г.; так в феврале этого года Вяземский признавался: „более всего дожидаю прока от журнала, если позволят ему (Раичу) издавать его“ (Собр. Соч. П. П. Вяземского СПб. 1893 с. 494), а 3 апреля того же года просил Тургенева: „справясь в Министерстве Просвещения, что делается с просьбою Раича из Москвы о издании журнала и дай тотчас знать“ (ОА III, 28), Впоследствии П—н и Р. одновременно сотрудничали в „Моск. Вестнике“ (Ср. Б. Л. Модзалевский, П—н под тайным надзором П. 1922 с. 35). В неизд. статье об альманахе „Северная Лира“, (изданном Р. и Д. П. Ознобишиным), предназначавшейся для „Моск. Вестника“ Пушкин обратил внимание на статью Р. о Петrarке и Ломоносове (ПС XXIII—XXIV, 1—8); что касается стиха известной эпиграммы П—на „Вот Р * * * гадкая козявка“ (Ср. РА 1882 III, 101), то она, по разъяснениям Н. Лернера (ПС XVI, 23, 27) к Р. не относится. В издаваемом Р. журнале „Галатее“ он поместил свои „Воспоминания о Пушкине“ — 1839 ч. III, № 19 с. 132—134.

39. Рено, Иван (Rainaud, Jean), коммерции советник, одесский старожил; в эпоху Ришелье был французским коммерч. агентом в Одессе и одно время — французск. консулом (до 1812 г.); с его

именем связано основание одесского казино (ЗОИДр ХХІХ, отд. II с. 2). За службу в звании франц. коммерч. агента Р. по ходатайству Ришелье получил титул барона и права королевства французского (А. Скальковский. Первое тридцатилетие Одессы, Од. 1837 с. 223. СБИРИО т. 54 с. 400, 659). Липр., (с. 1477), упоминая о недошедших до нас стихах Пушкина на одесских дам („Мадам Ризнич с римским носом“ и пр.), говорит и о супругах Рено, задетых в этой сатире: „Старик Рено, во втором браке с молодой француженкой, очень дородной, о которой Пушкин и говорит. Сын Рено, Осип, в штате графа, был тогда директором театра. Все это было близко к графу и графине“. О „молодом бароне Рено, сыне одесского старожила и богача“ упоминает и Бут. II, 17. Он в 20-х гг. был действительно директором одесск. театра (О. М. Лернер. „Одесск. старина“ Од. 1902 с. 31 и сл.) и впоследствии очень близок к Воронцовым (Н. Н. Мурзакевич. Автобиография СПб. 1886, 67). Старику Рено принадлежала под Одессой превосходная приморская дача, расположенная между кольцом бульваров и чертой порто-франко (Изъяснение плана г. Одессы, СПб. 1843 с. 70): это был „прекрасный домик, в долине, на берегу моря, заслоненный крутым берегом. Сады, столь еще редкие в Одессе, делали ее бесценной“ (Н. С. Всеволожский. Путешествие через Южн. Россию, Крым и Одессу в Константинополь... М. 1839, ч. I, с. 99—100). „Домик прекрасный,—отзывается о даче кн. И. М. Долгоруков, посетивший ее еще во время постройки,— с хорошим выпуском на берегу Черного моря; виды волшебные, местоположение божественное; высоко, величественно все...“ (Чт. М. Общ. Ист. Др. Росс. 1869, апр.—июнь кн. II, с. 169). Подробное описание ее красот и благоустроенности дал П. Морозов в „Одесск. Альманахе на 1831 г.“ с. 62—64. Ср. то же на 1839 г. с. 192. Здесь летом 1823 г. жила Е. К. Воронцова и Пушкин сюда часто ездил (Бумаги А. С. Пушкина М. 1885 вып. 2, с. 95—96).

40. Ризнич, Амалия (р. ок. 1803 г., как видно из документа, выданного ее мужу херсонской казенной палатой, опубликованного А. М. Де-Рибасом, „Еще о Пушкине и Ризнич“ ИОБО 1915 т. IV, с. 1—2; ум. в 1825 или 1826 г.). Немногочисленные фактические данные о ней и об ее отношениях к Пушкину сбивчивы и противоречивы и идут из двух источников; 1) статьи К. П. Зеленецкого — „Г-жа Ризнич и Пушкин“ (ОВ 1856; перепеч. РВ 1856 т. III, Совр. летоп., 203—209 и в Отзывах, с. 137—148; ср. его же: „сведения о пребывании П—на в Кишиневе и Одессе,—“Москв.“ 1854 т. III, смесь с. 16), 2) статьи М. Е. Халанского „Пушкин и г-жа Ризнич“ (Сборник Харьк. Ист.-Фил. Общ. т. IV, 1892, с. 246—252; перепеч. в Харьк. Унив. Сб. в память Пушкина X. 1900, с. 423—426). Обе статьи основаны на устных сообщениях, у Зеленецкого — одесских старожиллов, у Халанского — на рассказах мужа Ризнич, передаваемых со слов проф. Сречковича, и не сходятся как в изложении некоторых фактов, так и в общем освещении.

щении их. По данным Зеленецкого Р. приехала в Одессу с мужем из Вены весною 1823 г., тотчас после свадьбы; она была дочерью венского банкира Рипп, „полу-немка и полу-итальянка с примесью б. м. и еврейского в крови“; по сведениям Халанского она была итальянка родом из Флоренции. В доме Р. (на Херсонской ул.) собиралось большое общество, среди которого постоянно видели Пушкина, Туманского и Исидора Собанского, который, по легенде, в увлечении Р. был соперником П—на, более других пользуясь ее вниманием и доверием. Халанский, со слов Сречковича положительно называет другое лицо — кн. Яблоновского. Зеленецкий выставляет в чрезвычайно невыгодном свете, в нравственном отношении, жизнь Р. в Одессе. Сречкович свидетельствует противное.. Не останавливаясь на общеизвестных подробностях этого эпизода в биографии Пушкина, укажем лишь, что весною 1824 г. (в первых числах мая), в виду обнаружившихся признаков чахотки Р. вместе с маленьким сыном Александром (по другим данным — Стефаном — ИОБО IV, 2), слугою и двумя служанками выехали в Австрию, Италию и Швейцарию (см. ниже s. v. Ризнич). Заграницей Р. умерла в 1825 (или 1826 г.); смерть ее вызвала известные стихотворения Пушкина и Туманского. Биографы П—на не вполне сходятся на том, какие именно стихи вызваны любовью П—на к Ризнич. В этом сложном вопросе пробовал разобраться П. Е. Щеголев („Амалия Ризнич в поэзии П—на“ — Вестн. Европы 1904, I; с некоторыми изменениями перепечатано в его книге „Пушкин“ СПб. 1912, с. 136 — 225); по его мнению к Р. относятся элегия „Простишь-ли мне ревнивые мечты“ (1823) „Под небом голубым“ (на смерть Р.; о датировке стих-ия см. еще В. Вересаев. К психологии пушкинского творчества „Красн. Новь“ 1923 № 5 (15), с. 323 — 339, где автор приходит к заключению, что элегия написана в 1826 г. причем „интимным, не предназначенным для современников заглавием элегии было „29 июля 1826 г.“) и две не напечатанные строфы (XV и XVI) VI-ой гл. „Евг. Онегина“; по мнению других комментаторов воспоминанием о ней вызваны также стих. „Закливание (О, если правда, что в ночи...) и „Для берегов отчизны дальней“ (оба 1830 г.); в последнем стих. м. проч. явственно слышится звуковой образ — имя Р. См. еще Н. Л. (ернер) Пушкин и супруги Ризнич“ — „Ведомости Одесск. Градоначальства“ 1900 № 76; последняя сводка данных в книге К. П. Губера. Донжуанский список П—на П. 1923. Статья И. Антоновича „Г-жа Ризнич и Пушкин“ („Южнорусский Альманах“ Од. 1899, с. 11 — 19) не имеет никакого значения и новых фактов не сообщает, равно как и брошюрка А. Е. Зарина. Увлечения А. С. Пушкина СПб. 1901, с. 36 — 47 и этюд С. Южакова. Любовь и счастье в произведениях П—на. Од. 1895, 52 — 57. Позднейшая статья И. Филиппова „Мучительная тень“ (г-жа Ризнич) в его книге „Неумирающие темы. Литер. очерки“, Од. 1913, с. 5 — 20, написанная под влиянием работы М. О. Гершензона о Воронцовой, значительно запутывает и без того сложный вопрос, внося в обсуждение его много произ-

вольных и необоснованных догадок и утверждений. По мнению автора причиной высылки П — на из Одессы была не любовь его к Воронцовой, а интрига Воронцова — Собаньского — Ивана Ризнич (1). К Р. отнесены и все стихотворения, связывавшиеся обычно с Воронцовой, на том основании, что „совместительства любви в Одессе у П — на не было“.

41. Ризнич, Иван Степанович (1792 — ?) негодичант г. Триеста, учился в Университетах в Падуе и Берлине, имел банкирскую контору в Вене, а затем переселился в Одессу, где вел дела по хлебной торговле (Ср. А. Де-Рибас. Еще о П — не и Ризнич ИОБО 1915 т. IV, с. 1 — 2). Уже 13 янв. 1822 г. Р. вместе с Лучичем и Андросовым был избран в директора Одесск. коммерч. банка (см. с. в. Лучич). В представлении Р. к званию коммерции советника сказано: „Торговый дом его с давнего времени производя обширную торговлю в Средиземном, Черном и Азовском морях на собственных судах, в значительном числе построенных, много тем способствует распространению одесской промышленности. Будучи членом Строительного Комитета и директором театра, он во многих случаях оказал особенное усердие к пользам общественным, коими обратил на себя внимание начальства“ (АГГ 1823 № 13). Судя по публикации в „Journal d'Odessa“ 1824 № 16, в начале мая 1824 г. Ризнич вместе с женой и сыном выехал на некоторое время в Австрию, Италию и Швейцарию (Ср. „Библиограф.“ 1858 № 5 с. 137, сообщение К. П. Зеленецкого на основании документов АГ; Н. Лернер. Первая одесская газета Од. 1901 с. 17), однако, скоро вернулся в Одессу, но без жены; 21 авг. 1824 А. Н. Раевский, сообщая П — ну несколько одесских новостей, пишет, между прочим: „Risnitch a repris les rênes du gouvernement du théâtre: les actrices n'obéissent plus qu'à sa voix. Quel dommage que vous n'y soyez plus“ (Переп. I, 127; о деятельном участии Р. в управлении одесским театром см. еще О. М. Лернер Одесск. старина Од., 1902, 18 — 19). Р. был членом одесск. строит. комитета, в 1827 — 28 гг. чл. правления Ришельевск. лицея по хозяйств. части (о дальнейшей службе его в Киеве см. подробные данные на основании формуляра у Б. Л. Модзалевского АР I, 239 — 240) Ф. Ф. Вигель сообщает, что после смерти первой жены Р. женился на Полине Ржевусской, сестре Каролины Адамовны Собаньской, ур. Ржевусской; о том же Туманский сообщал П — ну 2 марта 1827 г.: „одна из наших новостей, могущая тебя заинтересовать, есть женитьба Ризнича на сестре Собаньской, Виттовой любовницы. В приданное за ней получил Р. в будущем 6000 черв., а в настоящем Владимирский крест за услуги, оказанные одесскому лицею. Нужноно знать, что в лицее он никогда ничего не делал. Новая мадам Ризнич, вероятно не заслужит ни твоих ни моих стихов по смерти: это малютка с большим ртом и с польскими ухватками. Дом их доселе не открывался для нашей братии“ (Переп. II, 7 — 9). Отметим, что в 1826 г. на средства Р. была напечатана „Сербиянка“ С. Милутиновича

вместе с первой книжкой его стихотворений (А. Маркевич, П — н и Новоросс. край, с. 15; П. А. Лавров, П — н и славяне, сб. „Пушкинск. дни в Одессе“ Од. 1900 с. 96; Н. Трубицын. Два сербских юнака в поэзии П — на, ПС XXVIII, 43).

42. **Родзянка**, Аркадий Гаврилович (1793 — 1850), принадлежавший к старинному украинск. роду (Руммель и Голубцов т. II, с. 332 № 41 и В. Л. Модзалевский, Малороссийский родословник, т. IV), родился в г. Хороле, уч. в Моск. Универс. благ. панс., где получил интерес к литературе; деятельный организатор товарищеских литературн. кружков, „добрый товарищ и страстный любитель поэзии“, Р. по воспомин. своего младшего товарища „отыскивал грядущих стихотворцев по всем комнатам пансиона“ (Н. В. Сушков, Моск. Унив. Благ. Пансион М. 1858 с. 77; „Аркадий Родзянка“ Воспом. Н. В. Сушкова — Чт. М. Общ. Ист. Древн. Росс., год четвертый № 1, 84 — 85). Через год по окончании ученья Р. переехал в Петербург, где поступил в гвардию (1816), (кот. оставил в 1821 г.) и в то же время писал и печатал стихи в журналах и альманахах. В 1818 — 19 познакомился с Пушкиным. К этому времени относится рассказ Р., как Пушкин однажды показывал в театре соседям портрет Лувеля, убийцы герц. Беррийского с надписью „Урок царям“ (Р. Ист. Сборн. II, 104; РА 1866, с 1097; РС 1890 XI, 504 — 505). Вскоре, когда Пушкин был на юге, Р. написал сатиру, в которой дал несколько портретов современных либералов и среди них Пушкина, о котором здесь сказано:

И все его права: два или три Ноэля,
Гимн Занду на устах, в руке портрет Лувеля.

Узнав об этом пасквиле, П — н с негодованием писал о нем Бестужеву (13 июня 1823), отказываясь даже приписать его Р.; „Он человек благородных правил и не станет воскрешать времен слова и дела. Донос на человека сосланного есть последняя степень бешенства и подлости, да и стихи сами по себе недостойны певца сократической любви“ (Переп. I, 71). Туманский в письме к кузине (10 мая 1823) также с негодованием отзывался „о неудачном намеке, который находится в сатире на Александра Пушкина“, объясняя его мелкой вспышкой личного самолюбия (Стих. и письма, 249 — 250). Осенью 1823 г. Р. посетил Одессу и вероятно виделся здесь с Пушкиным. Последний писал брату 25 авг.: „будет Родзянка предатель, жду его с нетерпением“. Сведений об этом свидании не сохранилось, но нужно думать, что между П. и Р. произошло полное примирение, может быть через посредство Туманского. См. заметки Н. Лернера, П. и Родзянка РА 1900, 145 — 148 и РС 1909 IV, 206 — 207. По недостоверным рассказам Н. Б. Потокского, Пушкин, по дороге из Одессы в Михайловское, проезжая мимо имения Р. (Лубенск. у. Полтавск. губ.) заехал к нему (РС 1880 VII, 575). Подобный же рассказ приводит и А. П. Керн, относя однако приезд П — на к 1829 г. Сопоставляя

оба рассказа, Н. Лернер (Венг. III, 546) находит возможным признать, что П. действительно навестил Р. в деревне в нач. августа 1824 г., по дороге из Одессы. О послании П — на к Р. („Прости, украинский мудрец“... 1824) см. Венг. II, 292; III, 564. Об их дальнейших отношениях см. вообще: Ма й ко в, Пушкин, 238 — 239; Н. И. Черняев, Критич. статьи и заметки о П — не, Харьк. 1900, 65 — 80 (Его - же: „Из архива Р.“ — „Русск. Обзор.“ 1897 II и V); Н. Ф. Сумцов, Пушкин, X. 1900, с. 327 — 330; С. Н. Браиловский. К вопросу о Пушкинск. пляеде. РФВ 1914 № 1 — 2 и отд. отт.

43. **Сабанеев**, Иван Васильевич (р. 1772? — ум. 25 авг. 1829 в Дрездене, похоронен в Одессе). Ген. от-инфантерии, командир 6-го пех. корпуса, участник Суворовских войн; в 1812 г. — нач. главн. штаба южной армии (Чичагова), в 1813 и 1814 — нач. шт. армии Барклая. В 1791 г. оконч. Московский Университет. По отзывам современников он был человеком, одаренным светлым и живым умом, просвещенным многосторонним образованием и энергичным характером. С 1816 г. жил в Одессе, занимаясь благоустройством и обучением своего 6-го корпуса, расположенного в Новороссии. В 1824 г., с апреля по октябрь, управлял второй армией. С — ва Пушкин знал еще по Кишиневу. 5-го февр. 1822 г. накануне ареста В.Ф. Раевского, Пушкин подслушал разговор о нем Сабанеева с Инзовым и предупредил друга о грозящей опасности (П. Е. Щеголев. Историч. этюды СПб. 1913 с. 206). Когда Пушкин в 1824 г. остановился в Тирасполе по дороге в Одессу, С. предложил ему дать свидание с В. Ф. Раевским, — узником Тираспольской крепости. Пушкин отговорился необходимостью быть в определенный час в Одессе. Когда Липранди спросил Пушкина, почему он отказался от предложения С., Пушкин „стал отговариваться тем, что он спешил, и кончил признанием, что в его положении ему нельзя было воспользоваться этим предложением; хотя он был убежден, что оно было сделано С. с искренним желанием доставить ему и Раевскому удовольствие, но немец Вахтен не упустил бы сообщить этого свидания в Тульчин, а там много усерднейших, которые поспешат сделать то-же и в Петербург“ (Липр., 1469 — 1470; Щеголев, *Ibid.*, с. 208 — 209). Тот же Липр. (1472 — 73), со слов Пушкина, рассказывает об одном из маскарадов у Воронцова, куда С. явился во фраке, увешанный орденами: „Пушкин был в восторге, что С. употребил иностранные ордена, как маскарадный костюм“. С., владелец прекрасной библиотеки, был между прочим одним из первых и крупных вкладчиков Одесск. Публ. Библ — ки („Труды Одесск. Статистич. Комитета“ вып. IV, Од. 1887, с. 64). О С. см. РБСл., 1 — 7 (где и обширная библиография).

44. **Савелов**, (Павел Петрович? 1795 — 1872). В письме к Туманскому от 13 авг. 1825 г. Пушкин писал: „За несколько дней перед моим отъездом из Одессы, Савелов и я играли у Лучича.

Лучичь проиграл мне 900 р., из коих 300 заплатил мне на другой-же день, а остальные перевел на Савелова, который и согласился. При моем внезапном отъезде я занял эти 900 (600) р. у кн. Вяземской (с согласия же Савелова). После узнаю, что он отрекается от своего долгу. Деньги эти пропали, так и быть, но боюсь, чтобы это не перетолковали мои приятели, которых у меня много и все охотники до толков“ (Переп. I, 261). Посылая кн. В. Ф. Вяземской занятые у нее деньги (28 янв. 1825 г.) Пушкин вспомнил и Савелова, бывшего косвенным виновником его долга и писал кн. П. А. Вяземскому: „Савелов большой подлец. Посылаю при сем к нему дружеское письмо. Перешли его (в конверте) в Одессу по оказии, а то по почте он скажет: не получил. Охотно извиняю и понимаю его: но умный человек не может быть не плутом“ (Переп. I, 171). Письмо П — на к Савелову не сохранилось. О С. упоминается несколько раз в письмах В. Ф. Вяземской (ОА V, 2, 125, 126); в одном из этих писем сказано, что С. „le ci-devant mari de la Татищев“; на этом основании П. Н. Шеффер считает возможным признать, что здесь имеется в виду Автамон Петрович Савелов (см. Л. Савелов. Род дворян Савеловых М. 1895 с. 41). Однако, по воспоминаниям Бутурлина (II, 18, 29 — 30) С. приходился родственником одесск. градоначальнику Гурьеву и служил в Одессе, прикомандированный к нему от мин. финансов; он был страстный карточный игрок и однажды в пух и прах обыграл автора „Записок“, тогда еще юношу. По всем вероятностям речь здесь может идти также и о Павле Петровиче Савелове (1795 — 1872), сыне Петра Петровича С. (ум. в 1815) и Екатерины Александровны Гурьевой (ум. в 1838), сестре гр. Дм. Алекс. Он начал службу в Моск. пех. полку, получил ряд отличий в боях 1812 — 1814 гг.; в 1816 уволен в отставку в чине поручика. В 1821 г. — чиновн. особых поручений при Моск. казенной палате; с 1822 г. — губернский секретарь; в 1828 г. — камер-юнкер; в 1853 — 62 — Можайск. предводитель дворянства. См. Л. М. Савелов. Род дворян Савеловых М. 1904 с. 26.

45. Северин, Дмитрий Петрович (р. 1791 — ум. 21 янв. 1865) дипломат, школьный товарищ Вяземского по иезуитскому пансиону (Соч. кн. П. А. Вяземского т. I с. XVI — XVIII) и Пушкина по „Арзамасу“ (где он носил прозвище „Резвого кота“), впрочем, как и некоторые другие члены о — ва обязанный своим званием арзамасца „почти исключительно дружескими связями с писателями карамзинистами“ (ЖМНПр. 1901, VIII, 50). С. был сыном воспитанницы бар. А. С. Строгоновой — Анны Григорьевны Брагиной, близкой знакомой И. И. Дмитриева, вышедшей за сослуживца последнего, гвардейского капитана П. И. Северина. В 1807 г. С. поступил на службу в Моск. Арх. Колл. Ин. Дел, а в 1809 г. перешел под начальство Дмитриева в Мин. Юстиции, но здесь пробыл недолго, потом опять служил по ведомству ин. д.; во время конгрессов в Тропау и Лайбахе, состоял при Нессельроде, находился в свите Александра I; был поверенным в делах в Швейцарии (1826 — 1837),

где по просьбе Николая I получил у Лагарпа письма его воспитанника (Н. Греч. Записки о моей жизни СПб. 1886, 243) и посланником в Баварии 1837 — 1863) (Очерк истории мин. ин. дел СПб. 1902, прилож. с. 8, 18). Первый раз С. был женат на сестре А. С. Стурдзы — Елене Скарлатовне, которая умерла в 1818 г., прожив с ним только 5 месяцев (Сочинения К. Н. Батюшкова т. III, 690 — 692), а в 1825 г. вторично женился на бар. С. Ф. Мольтке (ОА III, 105, 469). Не раньше октября 1823 г. С. был в Одессе (в конце августа того же года он был проездом в Чернигове — „В память гр. М. М. Сперянского“ СПб. 1872, с. 648), где виделся с Пушкиным; между ними, однако, произошло какое-то столкновение: А. И. Тургенев писал Вяземскому 25 сент. 1823 г., что Пушкин „был в Одессе у Северина, который сказал, чтобы он не ходил к нему, обошелся с ним мерзко, и африканец едва не поколотил его“ (ОА II, 352, Переп. I № 54). Предполагают, что С. был оскорблен эпиграммой „Жалоба“, несомненно относящейся к 1823 г. (Бумаги А. С. Пушкина, I, 102; Венг. II, 610) и может быть содержащей в себе намек на далеко не знатное его происхождение:

Ваш дед портной, ваш дядя повар,
А вы, вы модный господин:
Таков об вас народный говор,
И дива нет — не вы один и т. д.

Сора, повидимому, была очень серьезной; 31 июня 1824 г. Тургенев „долго толковал“ с Севериным, что для П-на нужно искать „другого мецената - начальника“ и что „мысль наша остановилась на Паулуччи“, о чем и сообщил Вяземскому. Последний писал Тургеневу от 7-го июля: „Сделай одолжение, попроси Ссверина устроить что можно к лучшему. Он его, кажется, не очень любит; тем более должен стараться спасти его; к тому-же, верно уважает его дарование, а дарование не только держава, но и добродетель“, на что Тургенев отвечал 15 июля, что Северин „совершенно отказался принимать участие в его (Пушкина) деле“ (ОА III, 55, 57, 58).

46. **Сенявин**, Иван Григорьевич (р. 11 июля 1801 г. — ум. 8 июня 1851). Службу начал в лейб-гвардии конном полку, куда поступил юнкером в 1817 г. С 1822 г. был адъютантом при гр. Воронцове, и в 1823 г. переехал с ним на жительство в Одессу, продолжая оставаться в той-же должности (АВ XXIII, 501; РА 1912 II, 410; „Воспомин. М. П. Щербинина“ РА 1876 III, 286). Пушкин писал брату: „Письмо это доставит тебе Сенявин, адъютант гр. Воронцова, славнейший мальй, мой приятель; он доставит тебе обо мне все сведения, которых только пожелаешь“ (Переп. I, 105). В 1829 г. С. участвовал в осаде и взятии Варны и в том-же году, в чине полковника, оставил военную службу, а в 1831 г. поступил в гражданскую — департамент уделов (РБСл, 334 — 335). Умер т. советн., тов. мин. вн. дел, сенатором, покончив жизнь самоубийством вследствие неприятностей по службе и поставленный в безвыходное положение „громадностью долгов“ (А. Д. Шумахер, „Поздние

воспоминания — „Вестн. Евр.“ 1899, IV, 696. Ср. Кн. А. Б. Лобанов-Ростовский, Русск. родословн. книга, т. II, с. 214. Барсуков. Жизнь и труды Погодина VII, 119, а также в „Дневнике“ гр. П. X. Граббе РА 1889 I, 512 — 513).

47. **Сикар**, Карл Яковлевич (Charles Sicard aîné) (1773 — 1830) французск. негодант, приехавший в Одессу в 1804 г. и составивший себе здесь состояние благодаря покровительству Ришелье (Rocheschouart, Souvenirs, Paris 1889, pp. 131 — 132, 89). С последним Сикар вел дружескую переписку и после отъезда его из Одессы (11 писем к нему Ришелье 1821 — 1821 г.г. и воспоминания о нем С., написанные в 1827 г., напечатаны в СБИРИО т. 54, 26 — 79, 620, 627 — 733, 835 — 837, 512, 513, 531 — 533, 536). С. был автором брошюры о торговле в Одессе („Lettres sur Odessa“ SPb. 1812. Первое из этих писем, по свидетельству L. Pingaud. Les français en Russie, Paris 1886 p. 330 было первоначально напечатано в „Bibliothèque Britannique de Genève“; Г. Сикар. „Письма об Одессе“ перев. с франц. Николая Трегубова СПб. 1818) и заслужил признательность одесситов, как первый исследователь Новороссии („Одесск. Альм. на 1840 г.“ с. 34). По указанию Липранди „с Сикаром Пушкин познакомился или, лучше сказать, только два раза виделся в Кишиневе, в 1821 г., когда первый приезжал покупать в Бессарабии имение“, впоследствии „из всех домов, посещаемых Пушкиным в Одессе, особенно любил он обедать у негоданта Сикара, некогда французск. консула в Одессе, одного из старейших жителей Одессы“... „Пять, шесть обедов в год, им даваемых, не иначе как званных и не многолюдных (не более как двадцати-четыре человек, без женщин) действительно были замечательны отсутствием всякого этикета, при высшей сервировке стола. Пушкин был всегда приглашаем и здесь я его находил, как говорится, совершенно в своей тарелке, дающим иногда волю болтовне, которая любезно принималась собеседниками“. (Липр., 1475 — 76). По уверению того же Липранди „этот почтенный негодант погиб безвестно: по заключении Адрианопольского мира, он сел на корабль и отправился в Константинополь. Корабль погиб, где и как — не узнано; младший брат его остался в Одессе“. О загадочной смерти С. см. также современное свидетельство М. П. Розберга в письме к Н. И. Розанову („Сборн. старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина М. 1900 г. VII, с. 347“). См. о нем А. де-Рибас. „Друг Ришелье К. Я. Сикару“ (с портретом) — „Одесск. Листок“ 1912 № 163, 15 июля; вошло в книгу того же автора: „Старая Одесса“ Од. 1913, с. 364 — 366.

48. **Собаньская**, Каролина (Розалия) Адамовна, рожд. гр. Ржевуская (р. ок. 1794 — ум. 17 июля 1885 г.), сестра известного польского романиста Генриха Ржевусского (и Эвелины Ржевусской-Ганской-Бальзак), бывшая замужем за Иеронимом Собаньским (род. 1761 г.). Воспета Мицкевичем, который увлекся ею в 1825 г.

в Одессе. См. И. К (учинский) „Мицкевич в Одессе“ ИВ 1898 № 3, 1046—53. Красавица, веселая, живая, прекрасно образованная, любительница изящных искусств, С. много лет блистала в Одесском большом свете времен Воронцовых и провела бурную романтическую жизнь. Разведясь с Собаньским в 1825 г., с которым она не жила уже с 1816 г., она долгое время сожительствовала с гр И. О. Виттом (Н. Н. Мурзакевич, Автобиография, с. 69—70), а когда последний ее бросил (в 1836 г.), вышла замуж за его адъютанта, кап. л.-гв. драгунского полка С. Х. Чирковича (о нем см. Мурзакевич, Ibid. 139), потом, уже в преклонном возрасте вышла за франц. писателя Поля Лакруа (Jakob Billiophile), ум. в Париже (подробные данные о ней у Б. Л. Модзалевского АР II, 311—314, 562). М. А. Максимович („Письма о Кieve и воспоминания о Тавриде СПб. 1871 с. 140), посетивший Собаньскую в Крыму в 1836 г. в альбоме ее видел „стихи, некогда написанные ей Пушкиным: „Что в имени тебе моем“. Какое-то стих. Пушкина (или его автограф?), вероятно то-же, о котором упоминает и Максимович, в альбоме Собаньской видел в 1843 г. и И. Крашевский, о чем и записал в своем путевом дневнике („Wspomnienia Odessy, Jedisanu i Budzaku“ Wilno, 1846 t. III, с. 230). Стих. П-на („Что в имени...“) без всяких оснований приписывалось А. А. Олениной; его, однако, нужно относить к С-ой, в виду согласных показаний Максимовича и Крашевского. Сам Пушкин в издании 1832 г. выставил под ним дату 1829, однако Ефремов (Изд. Суворина, I, 484) пометил ее 1823 г., ссылаясь на показание Максимовича. Примирительная позиция Б. Л. Модзалевского, полагавшего, что к 1829 г. может относиться окончательная редакция стихотворения (АР II, 313—314), не удовлетворила Н. Лернера, который в специальной статье (А. С. Пушкин, сб. ж. „Русский Библиофил“ 1911, 60—62), писал: „Из всего, что известно об одесской жизни Пушкина, 1823—24 г.г. никак нельзя заключить, что стихотворение написано именно тогда; неизвестно даже, был-ли Пушкин тогда лично знаком с Собаньской... К тому же известно, что Пушкин не раз встречался с С. в конце 20-х г.г. и бывал у нее в 1828 г. вместе с Мицкевичем, безумно в нее влюбленным (РА 1872, с. 1906—1907) Т. образом Пушкинская дата остается непоколебленной“. Оставляя вопрос о дате стих-ия необходимо, однако, указать, что П-н мог встречаться с С. в Одессе в 1824 г. Бутурлин, вскоре после своего приезда в Одессу познакомился с С. на балу у гр. Витта: „я был представлен красавице г-же Каролине Собаньской, всегда впоследствии оказывавшей мне сердечное участие. Если она споткнулась (как о том была молва) о женскую предосудительную слабость, то много выкупила она душевными качествами и много перестрадала от фальшивого своего светского положения. Тут-же я познакомился с ее братом, гр. Адамом Ржевущим“ (Бут. II, 15, и далее — о польском обществе, собиравшемся у Собаньской, с. 23, 24, 25). Помимо этого не лишено вероятности, что именно Собаньскую П-н имел в виду в черновом письме к неизвестному лицу (но не к Раевскому. Переп.

I, 79 — 80), для аргументации чего, однако, еще слишком мало данных. О С. упоминает Туманский в письме к Пушкину от 2 марта 1825 г. (Переп. II, 7 — 9). О ней см. еще Б. М. Маркевич, Полн. Собр. Соч. т. XI, 421 — 422; Воспоминания К. К. Эшлиман, РА 1913, I, 337 — 338.

49. **Собаньский**, Исидор, по указанию К. П. Зеленецкого (Отзывы, 139) „не молодой, но не богатый помещик из западных губерний“, „Пушкин и Собаньский более всех волочили за г-жею Ризнич, более всех были близки к ней и всех более пользовались ее вниманием и доверием. Но без взаимного соперничества, без ревности, двое любить одну и ту-же не могут. На стороне П-на были молодость и пыл страсти; на стороне его соперника — золото“. Зеленецкий обращает также внимание на то, что фамилия С. встречается в „Борисе Годунове“ („Собаньский шляхтич вольный“...) Ф. Е. Корш в специальной заметке („Пушкин и Собаньский“ ПС VII, 56 — 59) идет дальше и не только связывает с С. элегию „Простишь-ли мне ревнивые мечты“ („скажи еще: соперник вечный мой“ и т. д.), но прямо утверждает, что уже в Михайловском П-н „припомнил этого неприятного ему человека при работе над той сценой „Б. Г.“, в которой он изображает самозванца в Краковском доме Вишневецкого“. „В Собаньском, продолжает Корш, естественно видеть замысловатую, хоть и довольно безобидную месть тому Собаньскому, который года за два перед тем причинял повидимому не мало страданий ревнивому поэту“. Думается, однако, что именно „замысловатость“ мести и говорит не в пользу этой догадки. Не знаем, о нем-ли рассказывает в своих воспоминаниях Ризо (Пр. Од., 321 — 322).

50. **Стурдза**, Александр Скарлатович (18 ноября 1791 — ум. 13 июня 1854), сын молдавск. выходца, впоследствии правителя Бессарабии — Скарлата Дм. С. (1750 — 1816) и кн. Султаны Мурузи. Служил (1809 — 1830) в мин. ин. дел, где быстро выдвинулся благодаря покровительству гр. Каподистрии. Кроме того, с 1818 г., по приглашению кн. А. Н. Голицына, С. принимал участие в трудах гл. управл. училищ, занимаясь составлением инструкций, проектов и мнений, касающихся народного просвещения и просмотром учебных книг. Деятельно вооружившись против европейского просвещения, центрами которого были германские университеты, С. восстановил против себя общественное мнение (РС 1881 XI, 672) и едва не был убит в Варшаве товарищами Занда, убийцы Коцебу (РА 1867, 650). К этому же времени относится эпиграмма на С. — Пушкина („Холоп венчанного солдата“...), неправильно относившаяся во всех изданиях П-на — к Аракчееву, несмотря на согласные показания всех списков и ряд современных свидетельств (РА 1906 II, 604; Ст. Нов. VIII, 36; Ю. Н. Шербачев, Приятели П-на М. А. Щербинин и П. П. Каверин М. 1912, 91 — 92). Около того-же времени П-н написал и „Я вокруг Стурдзы хожу“, — пародию на песню „Я вокруг бочки хожу“ (П. Шейн. Еще о пародии в народн. песнях — „Этнографич.

Обозр.“ 1895 № 2 с. 145 и „Ежемесячные Сочинения“ 1903 № 2, с. 193 — 195), в которой м. проч. называет его „библическим“ и „монархическим“; Вяземский подражал ей уже в 1819 г. (ОА I, 320, 323)! С. с П-ным лично знаком был еще с 1818 г.; впоследствии П-н встречался с ним и его родней в Кишиневе, о чем С. рассказал в своих „Воспоминаниях об И. Н. Инзове“ (ОВ 1847 № 13 — 14 и отд.; перепеч. „Москв.“ 1847, I, 217 — 218): „молодой баловень своего таланта и гения, П-н находился у него (Инзова) под непосредственной опекою и руководством. Маститому старцу надлежало умерять порывы, занимать деятельность и вместе успокаивать пылкое воображение поэта: И. Н. в этом успел — привязал к себе П-на, снискал доверенность его и не разу не раздражил его самолюбия. Впоследствии П-н, переселяясь в Одессу, при каждом случае говаривал об И. Н. с чувством сыновнего умиления. Этому я сам свидетель“. (стр. 7 — 8 отд. оттиска). П-н действительно встречался со С. в Одессе, где последний жил совершенно отстранившись от дел, занимаясь лишь литературной работой. 14 окт. 1823 П-н писал Вяземскому: „Здесь Стурдза монархический; я с ним не только приятель, но и кое о чем мыслим одинаково, не лукавя друг перед другом. Читал-ли ты его последнюю brochure о Греции? Ланжерон уверяет меня qu'il a trop de Bon Dieu“ (Переп. I, 78. Ср. ОА V, 2 с. 109). Однако Гербель (РА 1876 III, 229) и с ним некоторые позднейшие комментаторы ошибаются, говоря, что П-н, короче познакомившись со С. в Одессе „оценил высокие качества его ума и обширное образование“: „одинаково мыслить“ со С. П-н в 1823 г. мог только в греческом вопросе. Впрочем Виг. (VI, 130) уверяет, что и С. не любил П-на „за его мнимо-либеральные идеи“, а может быть и за насмешки над ним в эпиграммах (Ср. Венг. II, 275). Сам С. в статье: „Беседа Любителей русского слова и Арзамас и мои воспоминания“ („Москв.“ 1851 кн. I № 21 с. 15 — 18) говорит следующее: „В 1824 и 1825 г.г. [следует: 1824 — 24] мне довелось часто встречаться с Пушкиным в Одессе. Неукротимый дух его, в ту эпоху еще не дозревший, видимо чуждался меня, как человека, гордившегося оковами собственной мысли. Однако, не смотря на такое предубеждение, я с удовольствием припоминаю, что однажды за обедом у моей сестры, сидя друг подле друга, я успел (впрочем без всякого намерения) овладеть полным вниманием и сочувствием Пушкина. Мы беседовали о прошлом и современном; говоря о Турции, о восточных христианах, единоверных нам, я излагал перед ним причины сохранения их народного духа и веры под властью мусульман“. Потом разговор перешел „к зиждительной силе и влиянию христианской веры вообще“. Живя в Одессе, С. деятельность свою направил на православие, и особенно на укрепление его на востоке и с этой целью писал и печатал книги и брошюры религ.-нравственного содержания (большая часть их вошла в его „Oeuvres Posthumes“ Paris 1861), а также воспоминания о деятелях времени Александра I (Карамзине, Каподистрии, Магницком); В 1836 г. В. А. Жуковский предлагал С. напечатать воспоминания о Каподистрии в „Современ-

нике* Пушкина (Переписка В. А. Жуковского с А. С. Стурдзою Од. 1855 с. 6—8). Стурдза отвечал: „Для меня приятно, скажу даже лестно, явиться на столбцах журнала, издаваемого А. С. Пушкиным“ (РС 1903 № 5, стр. 401); к 40-м г.г. относится знакомство и переписка его с Гоголем, Жуковским, Погодиным. И. С. Тургенев вывел его в „Рудине“ под именем „проживающего в Одессе благопотребного старца Роксолана Медиаровича Ксандрыки“ В. Данилов. Мелочи литер. прошлого — „Наша Старина“ 1916 № 4—5, с. 374—377; его же: Комментарий к роману „Рудин“ М. 1918 с. 7—8). Архив его находится в Одесск. Историч. архиве (начало разборке его положил Л. С. Матеевич) — а библиотека его — в Одесской Гос. Публичн. Библиотеке. О С. существует обширная литература, но ни одной руководящей работы, кроме устарелых панегирических биографий и некрологов. Ср. ОА I, 498—500.

51. **Сумароков, Александр.** Студент Ришельевского лицея, IV выпуска (1828), впоследствии служил в штабе Новоросс. поселения Отец его, шт.-капитан „находился за-границею при русских эскадрах волонтером“ (Н. Ленц. Учебно-воспит. заведения, из кот. образ. Риш. лицей Од. 1903, с. 376—377). В июле 1824 г. Пушкин зашел в лицей и разговаривал там с С., о чем последний впоследствии рассказал в печати (ОБ 1886 № 346; Отз. 154—156; сборн. „Ришельевский лицей и И. Новоросс. Ун-т“ Од. 1898 ч. I, отд. II, с. 20, с. 81—82). Тому же автору принадлежат „Воспоминания об Одесском Ришельевском лицее“ — ОБ 1886, V 254, 258, 265, 266, 281 и 350.

52. **Том, фон. Венгерц** родом, сын австрийского губернатора на Турецкой границе (Rocheschoart, Souvenirs, Paris, 1889 p. 130), Т. был долгое время австрийским консулом в Одессе (уже в 1804 г. и еще в 1833 г. См. А. Скальковский, Первое тридцатилетие г. Одессы, с. 142; Пр. Од., с. 228, 354 и „Календарь на 1834 г.“ Од. 1833 с. XLV). Весельчак, каламбурист, остряк, оставшийся таким и в преклонные годы (Сочинения П. Т. Морозова М. 1883 с. 127; „Подарок бедным“ Од. 1834, с. 97—98), Т. был душою одесского общества, принимая у себя и будучи неприменным посетителем всех балов, обедов и увеселений. Гр. Де-ла-Гард рассказывает, что в одесскую чуму 1811 года, Т. первый отворил двери своего дома посетителям, „по философски решив умереть лучше от чумы, нежели от скуки“ (De la Garde, Reise von Moskau nach Wien über Kiew, Odessa u. s. w., Heidelberg 1825, S. 85, 100). „Очень умный и любезный человек, самогo лучшего тона, принадлежавшей отчасти к школе де-Линя“, — отзывается о нем гр. А. И. Рибопьер в своих „Записках“ (РА 1877 II, 19—20). Однажды, на обеде у Сикара, Пушкин, слушая охотничий анекдот, спросил рассказчика Тома, не будучи с ним знаком: „который том: 1-й, 2-й или 3-й?“ „Один из присутствующих, почтенной наружности пожилой человек очень любезно отвечал: это был 3-й том“ (Липр. 1476).

Каламбур этот сделался популярен: без указания на Пушкина его приводит и Бут. II, 24. „Том был австрийский консул в Одессе, продолжает Липранди, и старожил города, человек, уважаемый всеми и гостеприимный. У него было два сына, почти одинаковых лет с Пушкиным, с которыми он иногда встречался у Отона, в театральном фойе и в общем разговоре обменивался словами; но отца их он никогда не видал до вышеприведенного ответа (Бут., I. с. однако ошибочно упоминает только об одном сыне — англомане „уже весьма не первой молодости“); узнав после стола об имени отвечавшего, П-н подошел к нему с извинением, и впоследствии он не раз был приглашаем стариком на дачу, кажется около Дальника“. (Липр. 1477). Об одной из таких поездок П-на в Дальницкий хутор Т., возле Одессы, рассказывает и Вигель (VI, 174). Н. Лернер. (Труды и дни², с. 99) относит ее к 24 июня 1824 г. Для характеристики Т. не безынтересно и следующее относящееся к нему место из „Высочайшего замечания Одесскому Градоначальнику гр. А. Д. Гурьеву“: „Нужно также обратить внимание на действия гг. консулов, а в особенности г-на фон-Тома, который уже и прежде сего изобличался в выдаче видов своих с немалым легкомыслием, даже и российским подданным“ (Дело АГГ, секр. ф. 1824 № 4 л. 11 об.). Т. скончался в Одессе в преклонных летах, внезапно, от удара. Он был женат на польке, прекрасной музыкантше (Rochechouart, op. cit, p. 131), которая после смерти мужа жила с дочерью (вышедшей впоследствии за графа Трианче) в семье кн. Голицыной и умерла в Одессе в начале 1845-г. (РА 1894 I, 576).

53. **Трубецкой.** Петр Петрович, кн. (р. 23 авг. 1793 — ум. 13 авг. 1840), Участник отеч. войны, уволен с военной службы в чине артиллерии полковника для определения к статским делам (27 янв. 1823). Член Союза Благоденствия и масонской ложи „Соединенных славян“ в Киеве (1820 — 1822). (Подробнее: Алф. с 405). Летом 1824 г. был назначен начальником одесского таможенного округа (ОА V, вып. 2, с. 113). Пушкин писал П. А. Вяземскому 13 — 14 июня 1824: „я ждал отъезда Трубецкова, чтоб написать тебе спустя рукава“, т. е. не опасаясь перлюстрации на почте (Переп. I, 118) В. Ф. Вяземская в письмах к мужу, говоря об отъезде Т., упоминает также: „Pouchkine pour t'écrire attend le départ de Troubetzkoy... „Pierre Troubetzkoy... va passer trois semaines à Moscou — Parle lui de Pouchkine et de tout ce qui pourra exciter ton interet ou ta curiosité“ (ОА V, вып. 2, 109, 105, 108). В письме от 4 июля новое напоминание: „Parle de lui (о Пушкине) avec Troubetzkoy et demande lui le récit de ses dernières mystifications“ (Ib 115). В другом месте она просит мужа поговорить с Т. относительно В. К. Кюхельбекера и возможностей устройства его на службу в Одессу (Ib с. 113) Т. уехал из Одессы 25 или 26 июня 1824 (Ib. 110, 112). 10-го июля Вяземский писал жене в Одессу о приезде Т., который привез ее письма и много рассказывал об Одессе (ОА V вып. 1, с. 26 — 28) Бут. (II, 23) рассказывает о нем: „Управляющим Одесскою таможеню был

кн. Петр Петрович Трубецкой (очень моложавого вида), женатый на Бахметовой. Это был брат декабриста кн. Сергея Петровича, тогда адъютант (или дежурный штаб-офицер), при кн. Алексее Григорьевиче Щербатове, командовавшем корпусом в Киеве, и граф. Елисавете Петровны Потемкиной, которая в полном блеске красоты, проводила зиму в Одессе“ (Фактич. ошибки Бут. легко вскрываются из сопоставления его с Алф., 405). Добавим, что Б. был женат первый раз на Е. Н. Бахметовой, второй — на кн. Клеопатре Константиновне Гика. (Сказания о роде кн. Трубецких, М. 1891, с. 257, 294). Вяземский писал жене в Одессу: „Пушкину буду отвечать с Трубецким“ (ОА V вып. 1 с. 29), но последний, кажется, не возвратился еще до отъезда Пушкина. О П. П. Трубецком рассказывает Е. Morton в своем описании одесской таможни, упоминая также и о его брате—декабристе (Travels in Russia and a residence at St. Petersburg and Odessa, London, 1830, p. 258—259), а также К. Я. Булгаков в письме к брату—РА 1903 III, 131.

54. Туманский, Василий Иванович (р. 28 февр. 1800 — ум. 23 марта 1860 г.). Учился первоначально в Харьковской гимн., а по смерти матери в 1814 г. был переведен в Петербург и помещен в Петропавловск. учил., где окончил курс в 1818 г.; довершил свое образование в Collège de France. В Париже Т. прожил до 1811 г., когда вернулся на родину (О денежной помощи, оказанной им в Париже Кюхельбекеру рассказ. Н. Греч. Записки о моей жизни, СПб. 1886 с. 383). В нач. 1822 г. Т. был в Петербурге, где у него завязались связи с литературной молодежью, м. проч. и с декабристами (А. Бестужевым и Рылевым), с которыми до 1825 г. он переписывался и поддерживал дружеские связи. 1-го июня Воронцов приказал „нигде не служившего дворянина Вас. Туманского“ определить в свою одесскую канцелярию без жалованья, и только указом 17 дек. 1823 г. Т. был определен в ведомство каллегии иностр. дел с чином актуариуса и оставлением при Воронцове (АГГ 1824 № 14 л. 7). Вигель (VI, 119—120) так отзывался о Т., как о чиновнике: „Его куда-то посылали, ему кое-что поручали, он что-то писал и казался не совсем праздным“; сам Т. о том же писал своей кузине (1-го марта 1824): „частые отлучки мои из нашей столицы в отдаленнейшие уезды чрезвычайно вредят не только связям моим в городе, но и приятным сношениям с родными и друзьями моими“ (Стих. и письма, с. 258); из дел АГГ также видно, что 19 ноября 1823 г. Т. ездил в Херсон (вместе с бар. Франком), 13-го марта 1824 г. — в Борислав, 24 марта — Тирасполь и Севериновку, 12 июня 1824 — в Маяки (см. АГГ „Книги и документы“ 1824 №№ 5, 7; 1825 № 7 и др.) и т. обр. действительно очень часто отлучался из Одессы. Впоследствии Т. служил по Мин. Вн. Дел (1828—1840), затем до 1850 г. был помощн. секретаря в Гос. совете; выйдя в отставку, поселился в Полтавск. губ. (с. Ананьевке, Гадяцкого у.), где и умер. Начало литературн. деятельности Т. относится к 1817 г., когда в „Сыне Отеч“. (ч. 42 № 50) была напечатана его элегия

„Поле Бородинского сражения“, затем он является сотрудником всех выдающихся журналов и альманахов 20 — 30 х гг., являясь представителем младшего поколения второстепенных поэтов Пушкинской эпохи. С Пушкиным Т. вероятно познакомился через Раевских, с которым был близко знаком. Не слишком ценя Т. как поэта, Пушкин любил его как человека и переписывался с ним и после своего отъезда из Одессы. Историю сношений Пушкина с Т. опускаем, в виду ее общеизвестности. См. о нем В. И. Саитова ОА III (Примеч.) с. 478 — 479 и ряд статей С. Н. Браиловского: „Т. Биографич. и историко-литературный очерк“. Изд. журн. „Пантеон Литературы“ СПб 1890; „Новые материалы для биографии В. И. Т.“ ЖМНПр. 1905 № 5; „В. И. Т. Стихотворения и письма. Ред., биограф. очерк. и прим. С. Н. Браиловского“ СПб 1912 (Здесь и литература о Т. до 1912 г., с. 411—415). Это издание является единственным полным собранием его сочинений, но несвободно от пропусков и ошибок. В отделе писем, являющихся важным источником для одесского периода биографии Пушкина, досадным промахом является опущение письма Т. к А. А. Бестужеву (18 сент. 1823 г.), из Одессы, где, между прочим, о Пушкине говорится следующее: „Скажу тебе, любезный Бестужев, что мы уже лишились поэта Пушкина, но в замену есть у нас Пушкин живописец. Ему на все счастье, и теперь его карандаш столь же хорошо рисует древний антик Гнедича, сколько перо его описывало прежде первую ночь Людмилы или последние свидания пылкой Черкешенки. Прилагаю Вам доказательство нового его таланта, портрет Гнедича, желая, чтоб он отнесен был в нашу богатую академию“ (РС 1888 XI, 319 — 320. Ср. ответное письмо К. Ф. Рылеева, напеч. Б. Л. Модзалевским — „Былое“ 1925 № 5 с. 34 — 35). Много грубых ошибок в отделе стихотворений (куда по недоразумению попали и стих. Ф. И. Тютчева, К. Н. Батюшкова и П. А. Вяземского): см. важную рецензию на это издание Н. В. Недоброво Изв. Отд. Русск. яз. и Слов. ИАН 1912 кн. 3, 357 — 365.

55. **Франк**, бар. Отто, Вильгельм Романович (Германович) (или Пфейлицер-Франк) (р. 1778—ум. 1844), л-гв. уланского полка полковник, адъютант гр. М. С. Воронцова. Липранди в „Замечаниях на воспоминания Вигеля“ М. 1873 с. 138 удивляется почему Вигель называет его „полковником по особым поручениям“, „тогда как в это время (1823 — 24 гг.) он был только ротмистром, адъютантом, чем через несколько строчек так его и называет“: недоразумение разъясняет письмо Н. М. Лонгинова к С. Р. Воронцову (1823) в котором есть указание: „бар. Франк, произведенный в полковники, остался при графе Михаиле“ (Воронцове) (РА 1912 II, 410). Давно известный Воронцову (Ф. был членом масонской ложи в Мобеже — РА 1865, с. 1093, Ср. о нем в письме А. И. Тургенева — И. Дмитриеву РА 1867 с. 1127, 658), Ф. и в Одессе пользовался его особенным доверием и покровительством (АВ XXXVII, 317, 319). Пушкин несомненно встречался с Ф. у Воронцовых, хотя никаких указаний на это

не сохранилось. Впоследствии (1831) Ф. был Екатеринославским гражданск. губернатором (Календарь на 1832 г. Од. 1831 с. 39) и градоначальником в Таганроге (1833) („Календарь на 1834 г.“ с. 94). „Большой мой приятель, но вовсе не созданный для того, чтобы быть губернатором“, вспоминает о нем А. М. Фадеев („Воспоминания“ Од. 1897, т. I, с. 92). В 1834 г. Ф. снова жил в Одессе (Ibid., I, 111). Рассказ Ф. о Вигеле (встреча с ним в Керчи) приведен у Фадеева (op. cit. I, 97—98). Письмо Ф. к Н. Н. Раевскому мл. (1826) — AP I, 292 (с маленькой биографической справкой о нем Б. Л. Модзалевского). См. еще E. Morton, *Travels in Russia...* Lond. 1830, p. 150, 160, 166.

56. **Фурнье**, француз, по выражению Липр. (с. 1480) „находившийся приживалком у Раевского“; был знакомцем Пушкина и, приезжая в Одессу по поручениям Раевских, посещал его; в октябре 1823 г. Пушкин получил через него в Одессе письмо кн. П. А. Вяземского (Переп. I, 78). В 1825 г. декабрист Комаров показывал, что иностранец Фурнье принадлежал, по слухам, к союзу благоденствия (М. Довнар-Запольский, *Тайное общ. декабристов* М. 1906 с. 61). Карандашный портрет с подписью „Messire Fournier“ сохранился в альбоме Раевских. (Б. Л. Модзалевский, *Из семейного архива Раевских* — ПС II, 16; AP I, 220; Алф. 413—414. Ср. также статью о нем в журн. „Украина“ 1925, VI, стр. 50—56). Какой-то Фурнье (отец предыдущего?), негодник, „известный торговыми делами в Тулоне, Неаполе и Палерме“ в 1801 г. прибыл в Одессу и завел здесь первый банкирский дом в комп. с Жомом (Скальковский. *Первое тридцатилетие*, с. 98. Ср. РС 1899 ХС, 296). Не знаем, его ли имел в виду мин. вн. дел, предписавший Воронцову 9 мая 1824 г. иметь надзор за рядом карточных игроков, проживающих в Киеве, но разъезжающих по всей России, в том числе и за „Фурне“ (sic; АГГ секр. ф. 1824 № 8), а также за ним-ли был учрежден секр. надзор в 1827 г.? (АГГ секр. ф. 1827 № 46). В последнем деле говорится о Викторе Андрее Фурнье, учителе франц. языка, состоявшего под надзором киевской полиции; он „был вхож в дом помещика Александра Собанского и к разным приезжавшим в Одессу польским помещикам“.

57. **Эдлинг**, Роксандра Скарлатовна, ур. Стурдза (р. 12 окт. 1786 — ум. 16 янв. 1844 в Одессе), родная сестра А. С. Стурдзы и первой жены Д. П. Северина. До вступления своего в брак с гр. А. Эдлингом (1774—1841) была фрейлиной имп. Елисаветы Алексеевны; провела несколько лет в Веймаре, при дворе, но в 1822 г. возвратилась в Россию и поселилась в Одессе. Здесь Э. до самой смерти жила, занимаясь благотворительностью и состоя в числе одной из патронесс „Новороссийского женского общества призрения бедных“ (См. „Дань памяти гр. Эдлинг“ Од. 1848; здесь и ее портрет). С Пушкиным Э. встречалась в Одессе в 1823—24 гг. А. С. Стурдза упоминает о своей беседе с Пушкиным за обедом у своей сестры

(„Москв.“ 1851 № 21 кн. I. с. 18). Мог Пушкин встречаться с Э. также у В. Ф. Вяземской, которая отзывалась о ней как о „femme très distinguée et prudente“, называя ее в числе своих одесских друзей; „Madame Edling, belle-soeur du Sévérin, femme aussi aimable qu'instruite et de conversation la plus intéressante“ (ОА V в. I, 105, 138). Э. не чужда была и литературе, была в дружеской переписке с поэтом В. Г. Тепляковым (А. Ф. Шидловский по ркп. Публичной б-ки напеч. в РС 1896 VIII, 405—422 11 писем ее к Теплякову; впоследствии, из хранящихся там же еще 33 ее писем, 10 были опубликованы А. Тамамшевым в РБ 1916 V, 18—28. Ср. Ф. А. Бычков, В. Г. Тепляков — ИВ 1887, VII, 20—21: письмо Эдлинг о смерти Пушкина). Э. была инициатором альманаха „Подарок бедным“ (Од. 1834), доход с которого был обращен на благотворительные цели (РБ 1916 V, 20). В виду этого можно с вероятностью предположить, что письмо из Одессы от неизвестной нам особы к Пушкину от 16 дек. 1833 с просьбой о присылке стихов в альманах (Переп. III, 70—71), принадлежит именно ей. „Много лиц, сказано здесь, стараются доставить участие крупных имен литературы, чтобы сделать более богатым „Подарок бедным“. Позвольте и мне напомнить вам о наших прежних дружеских отношениях, которые вы, может быть еще сохранили, и попросить у вас во имя этого воспоминания — поддержки и покровительства вашего мощного таланта“. И. А. Шляпкин („Из неизд. бумаг А. С. П-на“ СПб 1903 с. 185—189), напечатавший письмо впервые, приписал его Е. К. Воронцовой, якобы умышленно скрывшей себя под неразборчивой подписью (Шляпкин читал: E Wibelman?); но критика единодушно отвергла это предположение, отказываясь назвать имя корреспондента. Лишь П. Ефремов („Мнимый П-н“ — „Новое Время“ 1093 № 9851) склонен был автором считать Е. Вельтман, но и это предположение вскоре отпало. (Литература вопроса указана у Н. Лернера, Труды и дни², с. 297). Обоснование настоящего предположения см. в статье З. А. Бабайцевой во II вып. настоящего сборника, с. 51—69. Об Э. см. еще ОА I, 498; РБСл., 181—184 (В. Фурсенко). „Дань памяти гр. Э.“ Од. 1848; В. К. Николай Мих. „Имп. Елиз. Алексеевна“ т. II — III; [Н. Мурзакевич] „Одесск. Старина“ Од. 1868 с. 22, 26.

Дополнения и поправки.

Ко второму выпуску.

К стр. 28. В статью В. И. Селинова „Пушкин и греческое восстание“, по корректурному недосмотру, вкралась досадная ошибка, могущая ввести в заблуждение относительно истории изучения пьесы „Восстань, о Греция, восстань“. В примечании 3-м сказано: „ошибка Лернера заключалась в том, что он... спешит присоединиться к мнению Гофмана“ и т. д. Неудачно сформулированная фраза дает возможность сделать заключение, что Н. О. Лернер в 1911 г. присоединился к мнению Гофмана, высказанному в 1923 году. В действительности же история вопроса такова. В „Русской Старине“ 1908 III, стр. 661—662, Венг. II, стр. 615—616; „Труды и дни“² стр. 485—486 Н. О. Лернер отнес указанное стих. Пушкина к 1821 г. Впоследствии он вернулся к этой пьесе и посвятил ей статью, в которой пересмотрел вопрос об ее дате и тексте („Русский Библиофил“ 1911 № 5, стр. 60—62). Здесь Н. О. Лернер, отказавшись от прежней своей датировки, высказал убеждение, что у П. В. Анненкова двух черновых редакций не было, а была только одна, описанная И. Шляпкиным, почему он и „присоединился всецело“ к последнему из трех предположений Шляпкина и подробно объяснил, что „пьесу следует датировать сентябрем-декабрем 1829 или началом 1830 г.“ В 1923 г. М. Л. Гофман в XXXVI вып. издания „Пушкин и его современники“ склоняется к тому же мнению, забывая или по иным поводам не упоминая о статье Н. О. Лернера. Речь здесь могла идти, таким образом, только о присоединении Н. О. Лернера к мнению И. А. Шляпкина, что В. И. Селинов и имел в виду. Охотно исправляя указанную досадную обмолвку по желанию В. И. Селинова, редакция выражает сожаление об этом корректурном недосмотре, и в то же время позволяет себе выразить надежду, что читатель не усмотрит в указанной явной ошибке полемического выпада против Н. О. Лернера, столь много и счастливо потрудившегося над изучением Пушкинских текстов, тем более, что на первой же странице статьи В. И. Селинова (стр. 5—6 II-го выпуска) приведены точные даты как статей Н. О. Лернера, так и статьи М. Гофмана.

К стр. 33. „Пушкин и Ланжерон-драматург“. К указанию Барбье относительно принадлежности „Masaniello“ перу А. Ланжерона следует прибавить авторитетное свидетельство о том же Н. Н. Мурзакевича, который в статье своей „Очерк успе-

хов Новороссийского края и Бессарабии за истекшее 25-летие. 1820 — 1846“ (Годичный Акт Ришельевского Лицея 25 июля 1846 г. Од. 1846 стр. 39) прямо указывает, что „драматический труд самого гр. Ланжерона (Masaniello)“... печатался в Одесской Городской типографии. Относительно же ранних драматических опытов Ланжерона интересные данные находятся в воспоминаниях французской художницы Виже Лебрен, встречавшейся с Ланжероном в Вене в 1794 году. Приводя несколько стихотворений Ланжерона (послание маркизу де-Линю и стихотворный автопортрет) и упоминая об его артистических способностях, она говорит, между прочим: „Dans sa jeunesse, le comte de Langeron avoit aimé passionément la littérature, les vers et le théâtre français. Il a fait représenter, en 1789, une comédie en un acte et en prose, intitulée: Un duel supposé“ (Souvenirs de madame Vigée le Brun, Paris 1869, t. I, pp. 276 — 279, 295). Отметим также, что из письма Ланжерона к Е. В. Карнееву, опубликованному в „Отчете Имп. Публ. Библиотеки“ за 1878 г., стр. 20, видно, что 8-го сентября 1824 г. Ланжерон был еще в Одессе.

К стр. 40. Опера „Massaniello“ на сюжет Мейсснера принадлежит не Кардифу, а Караффа. См. F. Clément. Dictionnaire des opéras, Paris, s. a., p. 440.

К стр. 63. Любопытное известие о Потоцком, как беллетристе находим в предисловии кн. П. А. Вяземского к письмам Екатерины II: „Он (Ян Потоцкий) известен в ученом и литературном мире историческими ...изысканиями о славянской древности. После смерти его напечатан был, также на французском языке, фантастический роман его: Les trois pendus. Сказывают, что он написан в угоду жене и по следующим обстоятельствам. Во время продолжительной болезни жены своей, читал он ей арабские сказки Тысячи и одной ночи. Когда книга была дочитана, графиня начала скучать и требовала продолжения подобного чтения: чтобы развлечь ее и удовлетворить желанию ее, он каждый день писал по главе романа своего, которую вечером и читал ей вслух. Пушкин высоко ценит этот роман, в котором яркими и верными красками выдаются свои нравные вымыслы арабской поэзии и не менее своеправные нравы и быт испанские“ (Сб. ИРИО т. I, 1867. с. 205).

К третьему выпуску.

К стр. 24. „Упомянутый Пушкиным „сын египетской земли корсар в отставке Морали“ — историческое лицо“, рассказывает Н. В. Берг („Посмертные записки“ РС 1891 № 3, с. 591), „чуть-ли не живущие доньне (1884) в Одессе, где он пристроил очень выгодно своих дочерей, а сыновьям дал серьезные капиталы. Я знал одного из его внуков, гусара, который получал 300.000 рублей ежегодного дохода“ и т. д. В рассказе Берга много фантастического.

К стр. 43. По недосмотру опущено важное свидетельство В. Ф. Вяземской, которая в письме своем к мужу 11 июля 1824 рассказывая о том, что она любит „de me placer sur des pierres immenses

avancées dans la mer, de voir les vagues se briser à mes pieds et quelquefois de n'avoir pas le courage d'attendre la neuvième, quand elle s'avance avec trop de rapidité“, упоминает о Пушкине и Воронцовой, совместно с нею наблюдавших за морским прибоем: „Il nous est arrivé avec la C [omtesse] Voronzoff et Pouchkin de l'attendre (девятый вал) et d'en être arrosés assez copieusement pour être obligée de changer de vêtements“ (ОА V в. 2, 123).

К стр. 44. Портреты Е. К. Воронцовой помещены в изданиях: РП II, 71; Д. Ровинский. Слов. русск. грав. портретов т. I Венг. II, (с указанием что этот портрет находится в Одессе в Воронц. Дворце; ныне он хранится в музее в Алушке) П. Губер. Дон-Жуанский список Пушкина. П. 1923 (воспроизведен рисунок из собрания Пушкинского Дома). Портрет Е. К. в старости см. в книге А. Д. Ерицов. Патриарх Нерсес, кн. М. С. и Е. К. Воронцовы в их частной переписке, Тифлис 1898. Н. О. Лернер только что опубликовал рисунок Пушкина из „одесской тетради“ Пушкина № 2370 Рум. Муз. л. 1 — 2 (см. его статью: „Из живописной автобиографии Пушкина“ — „Красная Газета“ 10 февр. 1927 № 38, веч. выпуск), часть которого, по его мнению, посвящена двукратной попытке поэта нарисовать облик Е. К. Воронцовой. О Пушкине и Воронцовых см. еще: Н. Лернер, Воронцов о Пушкине. Незданный донос. „Речь“ 1910 № 286.

К стр. 55. О. В. Д. Казначеевой см. еще письмо Н. И. Гнедича к А. П. Зонтаг РА 1806 I, с. 266 — 269.

К стр. 60. Об А. И. Левшине см. еще И. Палимпсестов. Мои воспоминания М. 1879, стр. 121 — 122.

Набор настоящего выпуска начат был осенью 1926 г. По техническим затруднениям, его удалось закончить лишь почти полгода спустя. Это обстоятельство в некоторых случаях невыгодно отразилось на полноте настоящего словаря. За указанный период появился ряд новых изданий Пушкина (напр. капитальное издание „Писем“ под ред. Б. Л. Модзалевского т. I. Государств. Издательство Лгр. 1926), опубликован был ряд свежих архивных материалов и исторических исследований, воспользоваться которыми составителям настоящего выпуска довелось лишь по отпечатании большей его части. Недосмотры, пропуски, ошибочные данные, кроме того, почти неизбежны во всякой сложной библиографической работе. Есть они, конечно и в настоящем словаре, как ни стремились составители к его точности и полноте. Пушкинская комиссия надеется, что ей в будущем удастся исправить допущенные недосмотры и пополнить недостающие сведения на страницах одного из ближайших выпусков своего издания. Она обращается поэтому с просьбой ко всем исследователям присылать ей свои замечания и поправки к настоящей книге, которые будут приняты с глубокой благодарностью. Адрес: О д е с с а. Дом Ученых, Пушкинская Комиссия ул. Щепкина д. № 12.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.		СТР.
<i>Предисловие</i>	7—12	30. Муханов П. А.	67—68
<i>Введение</i>	13—20	31. Нарышкина О. С.	68—69
<i>Важнейшие сокращения</i>	21—22	32. Нарышкин Л. А.	69—70
1. Алексеев, Н. С.	23—24	33. Олизар Г. Г.	70—71
2. Али (Морали)	24	34. Отон Ц.	71—72
3. Артемьев Н. С.	24—25	35. Пален Ф. П.	73—74
4. Басаргин Н. В.	25	36. Писаренко В. З.	74
5. Бер	25	37. Пушин П. С.	74—75
6. Бларамберг И. П.	25—27	38. Раич С. Е.	75—76
7. Брунов Ф. И.	27—28	39. Рено И.	76—77
8. Бутурлин Д. П.	28—29	40. Ризнич А.	77—79
9. Вигель Ф. Ф.	29—32	41. Ризнич И. С.	79—80
10. Волконская С. Г.	32—33	42. Родзянка А. Г.	80—81
11. Волконская А. П.	33—34	43. Сабанеев И. В.	81
12. Воронцова Е. К.	34—44	44. Савелов П. П.	81—82
13. Воронцов М. С.	45—48	45. Северин Д. П.	82—83
14. Вяземская В. Ф.	48—50	46. Сенявин И. Г.	83—84
15. Гунчисон	50—51	47. Сикар К. Я.	84
16. Гурьев А. Д.	51—52	48. Собанская К. А.	84—85
17. Давыдов А. Л.	52	49. Собанский И.	86
18. Завальевский Н. С.	53	50. Стурдза А. С.	86—88
19. Зонтаг А. П.	53—55	51. Сумароков А.	88
20. Казначеева В. Д.	55—56	52. Том	88—89
21. Казначеев А. И.	56—57	53. Трубецкой П. П.	89—90
22. Кирьяков М. М.	57—58	54. Туманский В. И.	90—91
23. Ланжерон А. Ф.	58—60	55. Франк О. Р.	91—92
24. Левшин А. И.	60—62	56. Фурнье	92
25. Лекс М. И.	62	57. Эдлинг Р. С.	92—93
26. Липранди И. П.	62—65	<i>Дополнения и поправки:</i>	
27. Лонгинов Н. М.	65	ко второму выпуску	94
28. Лучич Ф. Л.	66	к третьему	95
29. Марини П. Я.	66		

ПУШКИН

Статьи и материалы. Под редакцией М. П. Алексеева.

СОДЕРЖАНИЕ:

Выпуск I (1925). Б. Л. Модзалевский. Затерявшийся автограф Пушкина. Н. О. Лернер. Одесский автопортрет Пушкина. Ю. Г. Оксман. Нарушение авторских прав ссыльного Пушкина в 1824 г. (по неизданным материалам). Б. В. Варнеке. Источники и замысел „Бориса Годунова“. М. П. Алексеев. Мелкие заметки к „Гавриилиаде“. С. П. Шестериков. Одна из воспетых Пушкиным. Г. П. Сербский. Неизданные расписки Пушкина. М. А. Автографы Пушкина в Одессе. В. В. Стратен. Об исчезнувшем пушкинском деле. М. А. Пушкин и Д. М. Княжевич. А. М. Де-Рибас. „Ареопаг“ о Пушкине. Е. В. Сказин. Л. С. Пушкин в Одессе. — К портрету И. П. Липранди. — А. С. Ганнибал (некролог). Хроника: 1. Юбилейные годы 2. Пушкин в Одесской печати (*Разошелся*).

Выпуск II (1926). В. В. Стратен. Одесский список оды „Вольность“. В. И. Селинов. Пушкин и греческое восстание. А. М. Де-Рибас. Пушкин и Лапжерон—драматург. Б. В. Варнеке. Пушкин и актеры. З. А. Бориневич-Бабайцева. Пушкин и Одесские альманахи М. П. Алексеев. К „Истории села Горюхина“. Я. К. Багдасарянц. К истории текста „Египетских ночей“. М. П. Алексеев. Пушкин и библиотека Воронцова. — Летопись занятий Пушкинской Комиссии. Дополнения и поправки. Цена 1 руб.

Выпуск III (1927). Материалы для словаря Одесских знакомых Пушкина.